

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА



# ЯЗЫК И СЕМИОТИКА ТЕЛА

Тело и телесность в естественном языке и языке жестов

| 1 |

Научная библиотека

Коллектив авторов

**Язык и семиотика тела. Том 1.  
Тело и телесность в естественном  
языке и языке жестов**

«НЛО»

2020

## **Коллектив авторов**

Язык и семиотика тела. Том 1. Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Коллектив авторов — «НЛО», 2020 — (Научная библиотека)

ISBN 978-5-44-481390-4

Улыбка, жест, поза, взгляд, вздох, прикосновение подчас могут сообщить о человеке гораздо больше, чем его речь или письмо. Авторы этой фундаментальной монографии рассматривают телесность как неотъемлемую часть культуры, а невербальную семиотику — как важнейшую составляющую не только языка, но и социальной жизни. Каким образом язык и тело влияют друг на друга? Какие культурные интерпретации мы придаем этим взаимоотношениям? Какова роль невербальной коммуникации в возникновении культурных различий? Действительно ли недооценка языка тела порой может стать не меньшей преградой на пути к взаимопониманию, чем незнание иностранных языков? Монография написана коллективом ведущих специалистов в области невербальной семиотики во главе с доктором филологических наук, заслуженным профессором РГГУ Г. Крейдлиным.

ISBN 978-5-44-481390-4

© Коллектив авторов, 2020  
© НЛО, 2020

# Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Краткое содержание и структура монографии	14
Общая структура монографии	16
Особенности оформления текста	19
Благодарности	20
ГЛАВА I	21
§1. Соматические объекты и их имена	21
§2. Понятие семиотической концептуализации тела и телесности	27
§3. Основные классы соматических объектов и их языковые обозначения	31
ГЛАВА II	52
§1. Слово признак . Основные типы телесных признаков	52
§2. Признак «парность соматического объекта»	66
§3. Признак «форма соматического объекта» и важнейшие противопоставления его значений	73
§4. Признак «размер соматического объекта»	89
Конец ознакомительного фрагмента.	103

**Язык и семиотика тела**  
**Коллективная монография в**  
**2 томах Том 1 Тело и телесность в**  
**естественном языке и языке жестов**

*Тело составляет значительную часть нашего существа, и ему принадлежит в нем важное место. Вот почему его сложение и особенности заслуживают самого пристального внимания.*  
*М. Монтень. Опыты*

## ВВЕДЕНИЕ

Одна из особенностей современных лингвистики и семиотики состоит в том, что непосредственно на наших глазах происходит смягчение или полная ликвидация многих жестких догм и оппозиций, принятых и узаконенных наукой XIX и XX веков. Как следствие этих процессов, появляются новые исследовательские принципы, подходы и установки. К ним относятся, в частности, признание того факта, что многие задачи, которые лингвистика прежде отказывалась обсуждать и решать как нелингвистические, становятся сегодня весьма актуальными и признаются заслуживающими всяческого внимания. Еще одна установка – это ориентация на постепенное сближение и далее на полную интеграцию интеллектуальных традиций и исследовательских задач разных дисциплин, связанных с наукой о языке.

Во многом новые принципы, подходы и установки связаны с изменившимся взглядом на устную коммуникацию людей, которая стала рассматриваться как область взаимодействия языкового и различных невербальных знаковых кодов. В устном общении, когда человек говорит, это должно быть не только слышно, но и видно. В разговор включены жесты руки и рук (например, **махнуть рукой, всплеснуть руками, обнять**) и жесты ноги и ног (**закинуть ногу на ногу, топнуть ногой, топтать ногами**), выражения лица (**поморщиться, гримаса ужаса, скривиться**), знаковые позы (**встать навытяжку; сидеть, в задумчивости подперев голову**) и знаковые движения тела (**отшатнуться, прильнуть**), взгляды (**установиться, посмотреть искоса**) и др., причем все они функционируют и как единицы отдельных каналов коммуникации, и как часть интегрированного целого. Известный специалист в области невербальной коммуникации и теории диалога Дж. Бавелас говорила, что устный дискурс только тогда можно считать состоявшимся (*real*), когда у него есть невербальный аспект (Bavelas 1990, 4–9).

Устная коммуникация людей – это одна из тех немногих подлинных ценностей в нашем «прекрасном и яростном мире» (А. Платонов), которые сегодня общество еще пытается сохранить. Один человек беседует с другим; разговаривают и группы лиц, и большие коллективы. Коммуникация людей может быть бытовой или деловой, дружеской или конфликтной, непосредственной или опосредованной расстоянием, временем или техническими устройствами и интеллектуальными системами, такими как компьютер и интернет, и в каждом случае она имеет свои особенности.

Несмотря на разнообразие видов устной коммуникации, у всех у них есть нечто общее. И это, как мы только что отметили, использование в них сразу нескольких **знаковых, или семиотических, невербальных кодов**, которые иногда также называют – не вполне правомерно – языками. Наряду с естественным языком люди, общаясь, иногда пользуются такими «экзотическими» кодами, как язык флажков, язык веера, цветов, свиста, или прибегают к таким «языкам», как язык живописи, музыки, кино, театра. В распоряжении людей имеются также предметные знаковые коды, например знаковые системы одежды и аксессуаров к ней, язык моды, язык причесок, язык пищи, или кулинарный код, язык действий, или акциональный код, язык пространственных знаков, и еще очень многие другие невербальные знаковые коды. Некоторые из таких кодов специализированы – это означает, что они используются в строго очерченных ситуациях или видах коммуникации, по большей части бытовых. А другие коды широко применяются прежде всего в бытовой сфере общения. Среди последних ведущее место, безусловно, занимает **телесный знаковый код**, иначе называемый (особенно часто на Западе) **язык тела** (англ. **body language**).

Основные лексические единицы этого языка получили название **жестов**, которые понимаются здесь нами весьма широко. К жестам (в широком смысле этого слова) относятся **собственно жесты**, или знаковые движения рук, а также ног, плеч и головы, **знаковые**

**выражения лица**, или мимика, **знаковые взгляды, позы, телодвижения, касания** и вербально-невербальные способы поведения – **манеры**. К последним принадлежат манеры поведения в обществе, в частности манеры поведения за столом, способы ношения одежды, манеры ведения беседы, спора или диспута, манеры поведения в особых социально отмеченных, или ритуальных, ситуациях – на свадьбах, презентациях, похоронах, собраниях – и еще многие другие разновидности манер<sup>1</sup>. В дальнейшем мы будем равноправно использовать термины **язык тела** и **язык жестов** как синонимы, пренебрегая некоторыми различиями между ними.

Жесты, как правило, устроены достаточно сложным образом, то есть имеют сложную **морфологию**. Описание морфологии жеста предполагает анализ формы и смысла минимальных значащих его частей, получивших, по аналогии с морфемами (минимальными значащими частями слова), название **кинем**<sup>2</sup>, описание разных явлений на стыках этих частей и формулировку правил соединения кинем в жесте.

Морфологии жестов разных культур посвящено много работ. В частности, формальное устройство французских жестов анализируется в известной книге (Calbris 1990), строение итальянских жестов – в статье (Kendon 1992, 72–93), книге (Poggi, Magno-Caldognetto 1997) и словаре (Brackmann, Peri 1993), а строение жестов англосаксонской и некоторых других культур – в книгах (McNeill 1992; Taylor 1974, 65–72; Poggi 2001). Однако во всех этих работах, за исключением отдельных сказанных вскользь замечаний, ничего не говорится о значениях жестовых морфем, то есть о значении отдельных компонентов в составе целостной жестовой формы. В «Словаре языка русских жестов» (СЯРЖ 2001) формальное строение жеста принято описывать в отдельной зоне «**физическая реализация жеста**», однако и в этом словаре нет описания значений отдельных кинем. Нет в нем и правил композициональности, которые бы показывали, складывается ли смысл данного жеста из смысла его кинеморфем, и если складывается, то каким образом. Соображения по поводу того, как можно было бы (и, по всей видимости, следовало бы) использовать принцип композициональности при создании вокабул СЯРЖ, были высказаны в работах (Крейдлин 2010а; 2011а). Еще раньше морфологическая структура некоторых русских жестов была описана в статье (Крейдлин, Переверзева 2008, 427–430).

Описание **синтаксиса языка жестов** складывается из обнаружения и формулировки общих закономерностей организации невербальных и смешанных, то есть вербально-невербальных, высказываний и формулировки правил двух типов. Это правила **внутреннего синтаксиса**, или правила соединения и упорядочивания жестов разных типов, и правила **внешнего синтаксиса**, или правила соединения жестов с речевыми единицами и единицами других знаковых кодов. Некоторые из правил обоих типов, относящиеся к синтаксису русских жестов, приведены в книгах (Крейдлин 2002; 2005а; Гришина 2017), а также в статье (Крейдлин 2005б).

Сегодня язык жестов стал главным предметом новой науки, тесно соотносящейся с наукой о естественном языке – лингвистикой. На первых этапах рождения новой науки область деятельности, связанная с анализом языка тела и его использованием в коммуникации, называлась «**теория и практика невербальной коммуникации**». В дальнейшем, после того как были выделены и описаны лексические и синтаксические единицы разных языков жестов, выявлены важные закономерности сочетания жестов с вербальными единицами в коммуникации и изучены многие модели невербального поведения, оформилась как отдельная наука **невербальная семиотика** (см. об этом монографию (Крейдлин 2002) и обширную библиографию в ней).

<sup>1</sup> О языке жестов см. подробно в (СЯРЖ 2001) и в (Крейдлин 2002).

<sup>2</sup> Понятие и термин **кинема** впервые ввел Рэй Бирдвистел, известный американский антрополог, специалист в области невербальной коммуникации и основатель кинесики – науки о жестах, жестовых процессах и жестовых системах. Однако Р. Бирдвистел понимал под кинемой скорее жест в целом, чем его отдельные знаковые составляющие – кинеморфы, см. об этом подробно в (Крейдлин 2002) со ссылкой на (Birdwhistell 1952).

Хотя при исследовании процесса коммуникации безоговорочный приоритет<sup>3</sup> отдается естественному языку, многие аспекты телесного коммуникативного поведения, такие как жестовые знаки, позы и телодвижения, расстояние, на котором находятся собеседники, выражения их лиц и взгляды, несомненно, должны быть приняты во внимание, если мы хотим понять, что наш партнер намерен сказать или что он хочет делать. Дело в том, что с помощью жестов, поз, взглядов, касаний и других **телесных**, или **соматических**<sup>4</sup>, **знаков** мы можем передать собеседнику те смыслы, которые не хотим или не можем выразить словами. Из сказанного следует, что безоговорочность приоритетного положения естественного языка обусловлена прежде всего тем, что он обслуживает подавляющее большинство сфер человеческого общения и жизнедеятельности, но существуют также ситуации, области и жанры коммуникации, где доминирующим является язык тела. Больше того, в некоторых случаях на использование естественного языка даже накладывается запрет (табу) или слова в них излишни. Таковы, например, минута молчания, ситуации переглядывания или обмена понимающими взглядами, ситуации, связанные с поведением зрителей во время театральных спектаклей или демонстрации фильмов, невербальные приветствия и прощания (например, приветствия и прощания на дальнем расстоянии). Сюда же относятся акты моления или ритуалы, в которых доминирующими являются поклоны, реверансы и т. п., различные игры, где преобладает молчание (например, шахматы, шашки и другие игры, требующие интеллектуальных усилий и концентрации внимания, детские игры типа «гляделки» или «Замри!»), и многие другие.

И все же в подавляющем большинстве жанров и актов устной коммуникации телесный код и другие невербальные знаковые системы тесно взаимодействуют с речью и языком, так что коммуникация людей без участия соматических знаков часто выглядит либо странной, либо неполноценной. Отсюда следует, что полное описание того, как протекает устная коммуникация, невозможно без анализа механизмов, моделей, способов и инструментов взаимодействия естественного языка и соответствующего ему языка тела<sup>5</sup>.

Проблема описания взаимодействия естественного языка и других знаковых кодов, в частности языка тела, получила в лингвистической и семиотической литературе название **проблемы мультимодальности**<sup>6</sup>. А сравнительно недавно лингвисты и специалисты в области невербальной семиотики заговорили о **мультимодальной лингвистике** как об отдельной науке, изучающей **мультимодальную коммуникацию**<sup>7</sup>.

Задача описать то, как в коммуникативных актах невербальные семиотические коды взаимодействуют с естественным языком и друг с другом, становится еще более актуальной и важ-

---

<sup>3</sup> В данной монографии мы оставляем в стороне такой исключительно интересный объект для лингвистического и семиотического анализа, как языки, специально предназначенные для общения глухих людей, то есть так называемые *sign languages*, или жестовые языки. Этих языков много, и они все разные в грамматическом, лексическом, смысловом и функциональном отношениях. Каждый из этих языков, подобно естественному языку, заслуживает отдельного внимания, изучения и описания.

<sup>4</sup> От греч. *σῶμα* 'тело'.

<sup>5</sup> См. появившиеся в последнее время многочисленные работы, посвященные механизмам и правилам взаимодействия вербальных и невербальных кодов в диалогическом общении. Эти работы ведутся по разным направлениям. Помимо исследований общего характера, выделим физиологические, психологические, социологические и компьютерные разработки. Из публикаций лингвосомиотического направления особо отметим книги и статьи (McNeil 1992; Kendon 2004; Cienki, Müller 2008; Федорова, Кибрик 2014).

<sup>6</sup> Термины **модальность** и **мультимодальность** используются в этом и похожих контекстах не в лингвистическом, а в психологическом смысле, то есть как обозначения отдельного канала или нескольких каналов восприятия. Так, говорят о зрительной (визуальной) модальности, слуховой (аудиальной) модальности, тактильной модальности и др.

<sup>7</sup> Сегодня многие исследователи, отмечая значительные сходства жестов и естественно-языковых единиц, даже рассматривают жесты и язык как часть единого знакового кода, см., например, работы (Kendon 1994; McNeil 1992; McNeil, Duncan 2000). В частности, Надия Хамруни (Nadia Hamrouni) в своей рецензии (Hamrouni 2014, 137) на сборник работ «Gesture and Multimodal Development» («Жест и мультимодальная коммуникация»), вышедший в 2012 году (см. (Colletta 2012)), пишет: «Все больше исследователей подчеркивают, что жесты не следует рассматривать как «паралингвистическое дополнение» к «естественному» языку, напротив, в совокупности с языком они формируют единую систему коммуникации» (здесь и далее перевод наш. – Авторы).

ной, когда мы обращаемся к межъязыковой и межкультурной коммуникации людей. В этом случае приходится учитывать различие не только естественных языков, но также телесных и других знаковых кодов. Так, для правильного перевода на английский язык фразы *Она сидела на корточках* надо знать, что сочетание *сидеть на корточках* в английском языке обычно передается одним словом – глаголом *to squat*. А если мы захотим перевести на японский язык такой простой диалог, как – *У тебя все хорошо?* – *Она ответила ему жестом «ОК»*, то столкнемся с более серьезными трудностями. Дело в том, что одним переводом слов и грамматических конструкций естественного языка, как в первом примере, нам здесь не обойтись. Нужно еще знать, что в традиционной японской культуре жест, имеющий форму кольца, образованного большим и указательным пальцами руки, сходную с формой жеста «ОК», имеет совсем другой смысл, а именно он означает ‘деньги (разговор о деньгах) в ситуации купли-продажи’ (цит. по (Крейдлин 2002, 135–136)).

Подводя промежуточный итог, отметим, что все коммуникативные акты, встречающиеся в живом потоке устной речи, и все высказывания в этих актах можно разделить на три класса.

В первый класс попадают те акты и высказывания, в которых используется только естественный язык (их, как мы говорили выше, не так уж много). Во второй класс, и таких актов и высказываний большинство, попадают те, в которых используются сразу оба кода – языковой и невербальный телесный код (а возможно, и какие-то другие знаковые коды). Наконец, в третий класс входят высказывания, которые целиком основываются на телесном коде. Такие высказывания иногда называют **жестовыми сообщениями**, а сами акты – **жестовыми актами** (часто, характеризуя высказывание, вместо прилагательного *жестовый* используется прилагательное *невербальный*).

Если посмотреть на это деление с другой стороны, так сказать со стороны телесного кода, то можно выделить три группы невербальных телесных знаков<sup>8</sup>.

Первую группу образуют **эмблематические жестовые знаки**, или **эмблемы**. Это телесные знаки, которые могут замещать языковые элементы в устном коммуникативном акте без изменения смысла исходного высказывания.

Многие эмблемы объединяются в разного рода смысловые классы, причем у разных культур есть свои «любимые», то есть самые популярные, классы эмблем. Так, у русской культуры «любимым» является класс жестов, имеющих общий смысл ‘прерывание контакта человека с миром’. К этому классу относятся жесты **закрывать лицо руками, закрыть глаза рукой, заткнуть уши, прикрыть рот рукой, отвернуться** и некоторые другие. Кроме того, в русском языке тела широко представлены жесты класса ‘приглашение к выпивке’. Это, в частности, жесты «штопор», «стаканчик», **пощелкать по горлу** (в английской терминологии **cork gesture**<sup>9</sup>). Для японской культуры чрезвычайно многочисленным является класс **жестов-поклонов**, демонстрирующих разные степени уважения к человеку или почтительного отношения к какому-то сакральному объекту. Этот класс жестов настолько социально важен, что ему специально обучают в школах и разного рода учреждениях; например, ему обучают продавцов крупных магазинов, работников банков и ряда других организаций. Совокупность правил японской культуры и японского языка тела, содержащих информацию о том, кто, кому и в каких ситуациях должен кланяться первым и как кланяться в ответ, – это целая наука.

Во вторую группу телесных знаков входят **иллюстративные жесты**, или **иллюстраторы**. Они всегда сопровождают речь и при этом семантически и функционально с ней связаны. Иллюстраторы делятся на два больших класса – **собственно иллюстраторы** и **аккомпаниаторы**. Это деление основано на различии в назначении и роли иллюстративных жестов в коммуникативном акте. Поскольку эти классы иллюстраторов не были упомянуты в специ-

<sup>8</sup> См. подробнее об этом, например, в работах (Efron 1941/1972; Крейдлин 2002).

<sup>9</sup> Английская народная этимология связывает название жеста со звуком вылетающей из бутылки пробки.

альной монографии по невербальной семиотике (Крейдлин 2002), остановимся на них подробнее.

Собственно иллюстраторы отображают какие-то свойства изображаемого предмета или человека (форму, размер, кривизну, ориентацию и др.), раскрывают аспекты физического действия или демонстрируют само действие (ср. действия, называемые словами *резать*, *рубить*, *пилить*, *колоть*, *сжимать*). Они могут отображать также какие-то стороны ментальной или психической деятельности человека либо некоторые особенности их актуального протекания. Таковы, например, жесты, выражающие смыслы 'задумчивость' и 'напряженное внимание'. К собственно иллюстраторам примыкают самые разнообразные по форме и смыслу жестовые манифестации эмоций страха, ужаса, стыда, радости, удовольствия, наслаждения и т. д. К ним относятся также жесты, имитирующие движение, например движение колес паровоза или поезда, жесты, обозначающие размер, – «**Вот такой ширины**», «**Вот такого роста**», и мимические выражения боли (см. жесты **скривиться от боли**, **сморщиться от боли**).

Аккомпаниаторы, в полном соответствии со своим названием, сопровождают речь, подчеркивая какие-то ее аспекты – физические или структурные. Они отражают длительность речи, выделяют некоторые важные ее фрагменты или обозначают отход в сторону от основной линии повествования.

Выделяются несколько групп аккомпаниаторов. Одна группа помогает в ритмической и интонационной организации речи – эти жесты организуют акцентуацию и паузацию речи (например, таковы жестовые ударения – см. о них далее), объединяют отдельные фрагменты речевого потока в целостные синтагмы (например, плавное движение рукой соединяет предшествующий сегмент речи с последующим). Другая группа способствует делению речи на фрагменты, а третья помогает выявлению отдельных семантических или прагматических аспектов высказывания (например, жесты, акцентирующие слова *Ну сколько раз тебе можно говорить!*).

Некоторые аккомпаниаторы из третьей группы выделяют какие-то метонимические или метафорические компоненты высказывания. Примером такого аккомпаниатора является мануальный жест, сопровождающий последовательность высказываний (1) *До сих пор мы говорили о французской литературе XVIII века. Теперь уйдем далеко-далеко в сторону*. Устное производство этого высказывания во время лекции сопровождалось жестом, при котором рука говорящего/жестикулирующего поднималась вверх и отводилась далеко назад и чуть вбок в полном соответствии с содержанием высказывания. Другие аккомпаниаторы из третьей группы отделяют более важные по смыслу фрагменты от менее важных, а третьи указывают на элементы речевого потока, которые несут определенную информацию, касающуюся передаваемого сообщения или его контекста. Например, аккомпаниатором, входящим в эту группу, является метафорический жест «**закруглиться**», при исполнении которого кисть руки или палец описывают круг в воздухе. Этот жест имеет значение 'подвести итог сказанному'.

Еще две группы аккомпаниаторов образуют разные по форме **жестовые ударения**, ритмизирующие речь или разделяющие ее на значимые части, ср., например, рубленое движение ребра ладони сверху вниз при счете – это одна из разновидностей жестового ударения (о классе жестовых ударений см. далее), и **указательные**, или **дейктические**, жесты. Разного рода указательными жестами часто пользуются, например, лекторы и учителя, когда объясняют новый материал. При помощи таких жестов преподаватели совершают **прямое указание**, например, на какой-то объект, изображенный на доске, **опосредованное указание** – например, на некоторый представляемый объект, возникший в ходе лекторской или учительской речи, либо **метафорическое указание**, близкое по смыслу к предыдущему. Примером метафорического указания служит употребление параллельного жеста двух рук, который встретился нам у лектора-литератора. Им он указывал на параллельные линии повествования в разбираемом художественном произведении.

Последнюю группу телесных знаков образуют **регулятивные жесты**, или **регуляторы**. К ним относятся жесты, которые могут употребляться как в собственно речевом контексте, так и вне него. Регуляторы противопоставлены эмблемам и иллюстраторам по функции (назначению): они структурируют общение и потому имеют ярко выраженную диалогическую направленность. Одни регуляторы служат показателями начала общения, другие – конца общения, а третьи показывают, что общение продолжается. Примером регуляторов служит так называемый «**академический**» **кивок головы**, демонстрирующий, что адресат воспринял от говорящего сообщаемую ему информацию, пусть даже ложную (см. описание этого жеста в (СЯРЖ 2001)). Кроме того, регулятором является знак «**Стоп!**», при котором ладонь жестикулирующего направляется в сторону стоящего или движущегося к нему лицом адресата с целью предотвратить его возможное будущее высказывание или движение либо остановить уже начавшееся.

Многолетние исследования устной коммуникации представителей самых разных народов и культур убедительно показывают, что эмблемами, иллюстраторами и регуляторами могут быть и жесты рук, и мимика, и позы, и все остальные семиотические типы жестов. Приведем ниже примеры телесных знаков разных типов, одни из которых выступают в функции эмблем, другие – в функции иллюстраторов, а третьи – в функции регуляторов.

Утвердительный **кивок** головы, или жест «**Да!**», широко используемый в очень многих вопросно-ответных диалогах, является невербальным заместителем словесной реплики *Да!*. Иными словами, данный жест – эмблематический. Действительно, в ответ на вопрос *Ты пойдешь в кино?* кивок головы означает ‘пойду’. Мы можем, однако, при ответе на тот же вопрос не просто кивнуть головой, а кивнуть, одновременно сказав *Да*. Здесь кивок не только передает смысл ‘пойду’, но и подчеркивает, усиливает выражение этого смысла, означая что-то вроде ‘конечно, безусловно, пойду’, а жест «**Да!**» является иллюстратором, точнее аккомпаниатором.

Приведем пример контекста, когда кивок головы, по форме сходный с утвердительным кивком, передает уже другой смысл, а именно желание показать говорящему, что его слушают и воспринимают информацию, которую говорящий сообщает. В ситуации устного экзамена, когда экзаменатор беседует один на один со студентом, он, желая поддержать студента и показать ему, что внимательно его слушает и поощряет продолжить успешный ответ, кивает головой. В этой ситуации жест **кивок головы** является регулятивным, ср. употребление в той же ситуации слова *да* или некоторых его аналогов (*угу, так*) в диалоге.

Остановимся теперь на таких телесных знаках, как позы. У русских позовых знаков есть стандартное имя – *поза*, которому в английском языке соответствует слово *posture*, обозначающее знаковое положение тела (а не слово *pose*, обозначающее физиологически вынужденное антропоморфное положение тела, не являющееся знаковым). Примером русской эмблемы служит поза, передающая смыслы ‘не хочу больше тебя слушать’ или ‘я обиделся’. Это поза **отвернуться от собеседника и стоять некоторое время к нему спиной**.

Контекстом, в котором встречается поза-иллюстратор, служит, например, поведенческий комплекс «**рапорт солдата командиру о выполненном задании**», принятый русской военной доктриной. Произносящий слова рапорта солдат стоит, вытянувшись в позе **смирно**, которую он, согласно воинскому уставу, должен всегда принимать при встрече со старшим по званию. Считается, что такая поза выражает уважение к командиру.

Теперь приведем пример позы-регулятора. Во время интервью, экзамена, допроса или какой-то иной ситуации общения, в которой один собеседник (доминирующий) задает другому (субординативному) разного рода вопросы, а тот на них отвечает, сидячая поза спрашивающего означает, что коммуникация продолжается, а смена им позы означает конец интервью, экзамена и т. п. Человек, который приходит, скажем, на интервью, должен знать, что если интервьюирующийся встает или даже просто показывает, что собирается встать, то диалог счи-

тается законченным, а потому пытаться продолжать говорить что-то о себе или вести беседу на какие-то другие темы интервью бессмысленно.

Можно показать, что жесты, относящиеся к остальным видам невербальных коммуникативных знаков, тоже могут быть и эмблемами, и иллюстраторами, и регуляторами.

В дальнейшем, говоря о теле, частях тела, органах и других телесных (соматических) объектах, мы будем иметь в виду не только языковые описания объектов и их свойств, но также жесты трех описанных семиотических классов и **смешанные**, то есть **вербально-невербальные**, **знаки**. Кроме того, мы будем рассматривать более крупные невербальные и смешанные тексты и модели коммуникативного поведения.

Теперь, после всех этих вводных замечаний, мы можем, наконец, сформулировать основную проблему, которая решается в настоящей монографии.

Современное представление о человеческом теле и о различных явлениях телесности включает в себя осознание того факта, что тело представляется по-разному не только в естественных языках, но и в соответствующих им невербальных знаковых кодах. В настоящей монографии описывается образ человеческого тела и других соматических объектов в естественном языке, а также функционирование всех этих объектов в телесном знаковом коде. Речь в основном будет идти о русском языке и русском языке тела; больше того, в центре нашего внимания будет в основном одна **функциональная разновидность** этих языков, а именно **бытовая**. Впрочем, в целях сопоставления, переключек и построения необходимых мостиков будут привлекаться, наряду с другими естественными языками и языками тела в их бытовой разновидности, также **научная**, **фольклорная**, **художественная** и иные функциональные разновидности русского языка и русского языка тела.

Основная проблема и многие частные задачи в данной монографии решаются в рамках разработанного нами подхода к феномену телесности, который мы назвали **признаковым подходом**. Ориентация сразу на несколько разнородных задач делает признаковый подход теоретически более адекватным и практически более удобным способом описания, чем традиционный лексикографический подход, результатом которого являются типовые словарные описания. Дело в том, что последний имеет дело только с одним из знаковых кодов и не приспособлен для сопоставления кодов.

Хотя теория и методология признакового подхода нацелены прежде всего на решение сформулированной основной проблемы, такой подход позволяет ответить и на другие важные исследовательские вопросы, например на вопрос, как соотносятся вербальные и различные невербальные системы, связанные с телом и телесностью. На основе признакового подхода мы можем сравнивать, как представлены в вербальных и невербальных знаках различные действия, осуществляемые соматическими объектами, изучать функции, дисфункции и аномалии, связанные с частями тела, телесными органами и другими соматическими объектами, и отвечать среди прочих на вопросы следующих типов: «Что означают высказывания *Ноги не ходят*, *Голова раскалывается* или *Язык немеет?*»; «Что означает, что данный телесный объект сейчас или вообще плохо функционирует?»; «Как мы об этом говорим или как это показываем?». Наконец, открывается возможность изучить разные механизмы и способы образования переносных значений у многозначных лексических единиц, обозначающих тело, части тела и другие телесные объекты, выявить и объяснить некоторые особенности образования многих фразеологизмов, например *махнуть рукой на все*, *потирать руки*, *положа руку на сердце* и т. п., каждый из которых связан с жестами, соответственно, **махнуть рукой**, **потирать руки** и **положить руку на грудь**. Подобные фразеологизмы мы называем **жестовыми** (им посвящен отдельный раздел настоящей монографии). Анализируя в указанном разделе жестовые фразеологизмы, мы сопоставляем особенности и способы их образования с инструментарием невербального знакового кода. Там же формулируются некоторые правила управления речевым и неречевым знаковым поведением в мультимодальном диалоге и описываются

закономерности совместного функционирования русского языка и русского языка тела в коммуникативных актах разной природы и назначения.

## ***Краткое содержание и структура монографии***

Монография состоит из двух книг. В первой книге вводятся концептуальный и инструментальный аппараты, с помощью которых строятся образы тела и телесности, как они отражены в различных естественных языках и языках жестов.

Во второй книге показано применение введенных понятий и терминов, а также основанных на них принципов и методов описания к разным областям культуры и сферам человеческой деятельности.

Ядро исследования составляют важнейшие характеристики устной мультимодальной коммуникации людей, механизмы и способы взаимодействия участников мультимодального общения, представленные в устных и письменных текстах русской культуры. Заметим, что еще задолго до того, как термины **мультимодальность** и **мультимодальная коммуникация** получили широкое хождение в западной литературе, выдающийся русский ученый и педагог А. А. Реформатский в статье (Реформатский 1963, 208–215), написанной более полувека назад, положил начало исследованиям законов сосуществования разных знаковых кодов в письменной и устной речи. Явление согласованности речевых, телесных и других знаковых кодов в актах устной и письменной коммуникации он называл **конгруэнтностью** и призывал ученых разных специальностей, прежде всего лингвистов, к изучению этого явления.

В первом томе основное внимание уделяется тому, какую роль в коммуникации людей играют тело, части тела, органы, телесные жидкости и многие другие типы телесных объектов. Мы даем лингвистическое, и в частности лексикографическое, описание некоторым именам этих объектов, указываем основные признаки объектов и их имен, определяем значения рассматриваемых признаков, раскрываем культурную и социальную значимость телесных объектов и моделей телесного поведения для жизнедеятельности человека. При этом мы отмечаем, что участие в актах устной коммуникации является одной из основных функций различных телесных объектов, а неспособность активно участвовать в таких актах обычно интерпретируется как одна из форм телесной патологии.

Для описания тела и разных явлений телесности мы широко пользуемся сконструированным нами специальным метаязыком, основу которого составляют такие понятия и термины, как **семиотическая концептуализация тела**, **телесный признак** и **значение <телесного> признака**. Эти понятия вводятся ниже и подробно комментируются; при этом особое место уделяется понятиям и терминам **семантически** и **культурно выделенных значений признака**. Они наряду с целым рядом других единиц являются конституирующими элементами признакового подхода и семиотической концептуализации тела.

Второй том настоящей монографии посвящен разнообразным прикладным аспектам, связанным с телесным поведением человека в коммуникативных актах. В нем формулируются многие закономерности поведения людей в разных сферах общения – от бытовой до узко-профессиональных. В частности, описываются особенности мультимодальной коммуникации в таких областях искусства, как театр, балет и живопись, а также значимые характеристики такой коммуникации в педагогике и медицине. Обсуждается в книге и одна важная проблема, возникшая на границе теории литературы, лингвистики и невербальной семиотики, а именно проблема соотношения внешнего облика персонажа произведения, его телесного поведения и его внутренних – психологических и ментальных – характеристик. Данная проблема изучается на материале ранних и поздних рассказов А. П. Чехова.

Современные исследования жестов, телесного поведения и особенностей мультимодальной коммуникации не обходятся без составления специальных баз данных и компьютерных программ, призванных представить соответствующие единицы и модели поведения в электронном виде. В книге излагаются идеология, методология и технология построения комплекс-

ной компьютерной базы данных «Тело и телесность в языке и культуре». Эта база построена в форме вопросно-ответного диалога человека с машиной и призвана отвечать на серию содержательных вопросов о соматических объектах, их именах, признаках и значениях признаков.

Многие из рассматриваемых в настоящей монографии видов и форм коммуникативной деятельности являются ритуализованными и регламентированными, то есть подчиняются строго определенным этикетным правилам вербального и невербального поведения. По этой причине в метаязык описания тела и телесности вводятся три важных понятия и термина, относящиеся к теориям ритуала и этикета. Это **невербальный ритуал** (трактуемый как особая разновидность коммуникативного поведенческого ритуала), **культурный сценарий невербального ритуала** и **санкция за нарушение ритуала**.

Культурный сценарий невербального ритуала является аналогом понятия культурного сценария типовых речевых и поведенческих установок. Последнее было введено в серии работ представителей семантической школы, возглавляемой известной польско-австралийской лингвисткой Анной Вежбицкой. Наряду с относительно недавно введенным в научный обиход понятием **невербального этикета** (Крейдлин, Морозова 2004, 34–47) все эти элементы нашего метаязыка призваны отражать типовые культурные установки и специфические особенности и правила невербального и смешанного этикетного поведения представителей данной культуры.

Адекватность и необходимость обсуждаемых в книге теоретических понятий и методологических установок подкрепляются лингво-семиотическим анализом конкретных телесных объектов, их имен, а также имен признаков объектов и их значений. Этот анализ дополняется описанием жестов и классов жестов, в которых участвуют данные объекты<sup>10</sup>.

Основная и отличительная особенность принятой в монографии исследовательской идеологии – это **междисциплинарность** (хотелось бы верить, что не мнимая, а подлинная). Мы стремились к тому, чтобы книга была не только понятна лингвистам или специалистам в области семиотики и общей теории коммуникации, но и востребована ими; чтобы она была также интересна и представителям других гуманитарных наук и областей знания – культурологам, психологам, литературоведам, философам, педагогам и искусствоведам. Кроме того, мы полагаем, что многие разделы монографии окажутся полезны специалистам в области естественных наук, математики и информатики. Наконец, мы надеемся, что читателями нашей монографии будут люди, которые хотят улучшить свои коммуникативные способности.

Поэтому мы старались обойтись в книге минимумом понятий и терминов, которые требуют дополнительной интерпретации, и избежать использования тех языковых единиц, которые в разных сферах человеческой деятельности имеют разные значения. В случае же, если это нам не удавалось, мы сопровождали вводимые единицы необходимыми комментариями, замечаниями и пояснениями.

В этом отношении исключение составляют слова, которые наряду с нетерминологическими, то есть бытовыми, употреблениями имеют употребления терминологические. Они в тексте монографии (по большей части в первой главе первого тома) отмечаются особым образом, и описанию семантической и прагматической вариативности таких слов в книге уделяется много внимания. В качестве примера такой единицы назовем слово *жест*, описание бытовой и терминологической семантики которого было дано ранее в книге (Крейдлин 2002, 58–60). К такого же рода языковым единицам относятся подробно обсуждаемые ниже слова и словосочетания *тело*, *часть тела*, *признак*, *форма*, *размер*, *ориентация*, *направление*, *местоположение*, *недостаточность <чего-то в чем-то>*.

<sup>10</sup> Речь идет о соматических объектах, которые получили название **активных** resp. **пассивных органов** <при производстве жеста>. О них см. подробно в (СЯРЖ 2001; Крейдлин 2002).

## *Общая структура монографии*

Материал монографии разбит на главы. В томе первом содержатся главы I–IV, а содержание второго тома составила одна глава V – самая большая и разнообразная по своему составу. Каждый том монографии открывается разделом Введение, а раздел Заключение, помещенный во втором томе, резюмирует содержание обеих книг.

Основной текст монографии дополнен тремя указателями. Это указатель терминов, указатель имен телесных знаков и указатель авторов, чьи труды цитируются в настоящей книге. Все указатели помещены в конце второго тома после списка использованной в работе литературы.

В главе I первого тома дается характеристика общего направления книги и вводится ее центральное понятие – **семиотическая концептуализация тела и телесности**. Это понятие красной нитью проходит через все главы монографии, в которых раскрывается содержание тех или иных его аспектов и демонстрируется эффективность его использования на практике.

В §1 главы I вводятся понятия **соматического (телесного) объекта и имени (наименования, номинации) соматического объекта**. Проводится важное различие **прагматически освоенных и прагматически неосвоенных соматических объектов**. Выделяются **стандартные и нестандартные номинации** прагматически освоенных соматических объектов и показывается, что отнесение номинации объекта к стандартным зависит от определенных характеристик его обладателя, таких как возраст, пол, статус, профессиональные качества и др.

В §2 обсуждается понятие **семиотической концептуализации <некоторого> фрагмента мира** и наиболее важная для нас его разновидность – **семиотическая концептуализация тела и телесности**. Показано, что для построения семиотической концептуализации тела и телесности требуется описать большое количество объектов, часть которых относится к реальному миру, часть – к естественному языку, а часть – к языку тела.

В §3 вводится понятие **класс (тип) соматических объектов**, рассматриваются имена отдельных классов и их представителей. Это само тело (раздел 3.1), части тела (3.2), части частей тела (3.3), органы (3.4), кости (3.5), телесные покровы (3.6) и телесные жидкости (3.7).

Поскольку языковое и, шире, семиотическое описание телесных объектов (как, впрочем, и описание других видов объектов действительности) невозможно без указания признаков и значений признаков таких объектов, мы посвятили главу II телесным признакам.

В §1 этой главы обсуждаются основные классы признаков, характеризующих соматические объекты (далее – **телесных признаков**). Все телесные признаки делятся на два больших класса: **формальные и функциональные признаки**. В классе формальных признаков выделяются три подкласса: **классификационные, структурные и физические**, а в классе функциональных признаков – два подкласса: **<собственно> функции и дисфункции <соматических объектов>**. Даются подробные характеристики каждого из выделенных подклассов телесных признаков. Раскрывается роль многих из таких признаков в русском языке и русской культуре.

Далее (§2–4) рассматривается ряд структурных признаков соматических объектов, а именно «биологическая парность» и «семиотическая парность <соматического объекта>» (§2), «форма <соматического объекта>» (§3) и «размер <соматического объекта>» (§4). В §5–8 описываются физические признаки соматических объектов, такие как «ориентация» и «местоположение» (§5), «звуки и звучания» (§6), «цвет» (§7), «температура» (§8). В §9 речь идет о признаке «структура соматического объекта», а в §10–11 строится типология функций и анализируются основные функции и дисфункции некоторых соматических объектов. Завер-

шает главу §12, в котором рассматривается взаимодействие физических признаков соматических объектов и характеристик людей – обладателей данных объектов.

Содержание главы III составляют описания конкретных соматических объектов разных типов и имен этих объектов. В §1 и 2 рассматриваются объекты, относящиеся к классу частей тела. Это голова (§1) и плечи (§2). В §3–5 исследуются части частей тела: щеки (§3), ноздри (§4) и пупок (§5). Телесным покровам – волосам <на голове> – посвящен §6. Разные виды костей, такие как собственно кости (кость, ребро) и объединения костей (скелет, позвоночник), сочленения костей, или суставы (локоть, колено), обсуждаются в §7, а телесные жидкости, такие как слезы, составляют основной предмет §8. В отдельном разделе (§9) рассматривается уникальный класс телесных объектов – кулак. Этот класс состоит ровно из одного элемента, так сказать, телесной конфигурации. Завершает главу §10, посвященный рудиментарным органам, или просто рудиментам (среди них аппендикс, родинки и родимые пятна, копчик), и телесным атавизмам.

Глава IV написана с целью раскрыть особенности семиотической концептуализации тела и некоторых телесных объектов в ряде культур, отличных от русской. В §1 приводятся комментированные фрагменты классификаций телесных объектов и их имен для литовского и арабского языков. В §2 излагаются результаты сопоставительного анализа семиотической концептуализации тех фрагментов русского и французского телесных кодов, которые касаются соматического объекта «волосы <на голове>». В частности, указываются виды волос и их русские и французские языковые обозначения, описываются французские имена структурных, физических и функциональных признаков волос и значения этих признаков. Раскрываются нетривиальные соответствия между русскими выражениями и их французскими переводами. В §3 рассматриваются некоторые особенности финских, казахских и киргизских жестовых систем в их сопоставлении с русской жестовой системой, а в заключительном §4 сопоставляются фразеологические обороты со словами *зубы*, *локти*, *колени*, а также некоторыми другими названиями костей в русском и английском языках и в языке хинди. Показаны различия семантических акцентов в некоторых русских фразеологических оборотах и их переводах.

Предметом второго тома монографии и составляющей его главы V являются прикладные исследования разнообразных проблем, относящихся к мультимодальной коммуникации и к семиотике тела и телесности. Речь в этой книге идет о взаимоотношении жестовой и речевой коммуникации в разных областях культуры и человеческой деятельности.

Глава V разбита на отдельные параграфы (для удобства читателя структура пятой главы повторяется во втором томе монографии). §1 посвящен русским иконическим жестам и их употреблению прежде всего в бытовой сфере. В §2 представлены результаты анализа важных разновидностей **лекторских**, или **дидактических**, жестов, а именно жестов ударений, указательных и метафорических жестов. Раскрывается роль дидактических жестов в объяснении лекторами нового материала. Содержание §3 и §4 составили некоторые русские **соматизмы** – языковые выражения, в состав которых входят упоминания того или иного жеста или его имени, и жесты. В §3 изучаются русские **фразеологические соматизмы** и связанные с ними семантические и синтаксические проблемы, а в §4 предметом анализа являются соматизмы, встречающиеся в библейских текстах, или, иначе, **библейские соматизмы**. В §5 обсуждаются некоторые точки соприкосновения между элементами и моделями русского словообразования, с одной стороны, и отдельными русскими жестами, с другой. Концептуальному и когнитивному анализу **невербальных ритуалов** и связанных с ними актов и моделей невербального и смешанного коммуникативного поведения посвящен §6. В §7 представлены отдельные классы дружеских и любовных жестов и моделей поведения – маркеров личных и социальных отношений между людьми. В центре внимания здесь находятся объятия, поцелуи и дружеские похлопывания. Параллельно анализу дружеских жестов рассматриваются отдельные модели агрессивного телесного поведения, в частности удары по телу. В §8 изучаются

сходства и различия отдельных элементов вербального и невербального этикетов. Концептам «воспитания» и «воспитанности» («невоспитанности») и способам их знакового отражения посвящен §9, а §10 посвящен бытованию русских жестов в метрополии и диаспоре. Предметом §11 является диахрония жестов и моделей жестового поведения: проводится реконструкция некоторых жестов прошлого, выполненная на материале произведений Дж. Свифта. Соотношение вербальных и невербальных знаков в разных языках искусства, главным образом в невербальном театре, описывается в §12. Проблемы взаимодействия разных **систем человека – телесной, ментальной и эмоциональной**<sup>11</sup> – и отражения этого взаимодействия в текстах художественной литературы обсуждаются в §13. В нем анализируются тексты «малой прозы» А. П. Чехова, в основном его ранние и поздние рассказы. Цель такого анализа – вскрыть соотношения между особенностями умственного и психического поведения персонажей, с одной стороны, и их внешним обликом и телесными характеристиками, с другой. Профессиональной коммуникации врача с пациентом посвящен §14. В последнем §15 второго тома речь идет о компьютерной базе данных «Тело и телесность в языке и культуре», созданной авторами данной монографии совместно с программистом Е. А. Клыгиной. Рассматриваются архитектура базы, ее назначение, содержание отдельных блоков (модулей) базы. Обсуждаются возможные применения, методологические и технологические особенности строения отдельных модулей и базы в целом, обосновываются решения, принятые в процессе создания базы.

Завершается второй том разделом Заключение, в котором подводятся итоги проведенных исследований. Отмечаются некоторые лакуны и наиболее перспективные направления междисциплинарных работ в области лингвистики, лингвокультурологии, семиотики и мультимодальной коммуникации.

---

<sup>11</sup> О различных системах человека см. (Апресян 1995, 348–388).

## ***Особенности оформления текста***

Полужирным начертанием набраны первые вхождения в текст терминов, признанных существенными для данной работы, и имена жестов. Курсив используется для выделения языковых примеров.

Отдельные языковые единицы текста, за которыми стоят те идеи, смыслы, концепты или положения, на которые мы хотим обратить особое внимание читателей, выделяются подчеркиванием.

Жесты, у которых в рассматриваемом естественном языке нет общепринятых номинаций, заключаются в кавычки. В кавычках даются также названия признаков соматических объектов.

В угловых скобках указываются те элементы словосочетания или предложения, которые в дальнейшем могут быть опущены. Назначение угловых скобок – уточнить содержание понятия и термина, ср. <телесные> жидкости, места <на человеческом теле или внутри него>. Аналогичным образом в угловые скобки заключаются те части терминов в их первом вхождении, которые при дальнейшем употреблении этих терминов мы иногда опускаем. Значения признаков соматических объектов обрамляются с двух сторон косыми чертами. Лексемы, входящие в состав вокабулы многозначного слова или жеста, обозначаются прописными буквами с числовыми индексами, указывающими номер значения, ср. ТЕЛО 1.

\*\*\*

Основу настоящей коллективной монографии составили статьи, написанные ее авторами по отдельности или совместно в разные годы. Большинство этих статей были опубликованы в малодоступных зарубежных и отечественных изданиях, а также в электронных журналах. Названия этих статей приводятся в общем списке литературы. Особо подчеркнем, что по целому ряду причин мы не считаем написанную монографию сборником уже опубликованных статей. Во-первых, многие разделы монографии были написаны специально для настоящего издания; таковы, например, Введение, Заключение и отдельные фрагменты внутри каждой из глав. Во-вторых, весь материал, составивший содержание книги, в процессе подготовки ее к печати был нами кардинально переработан и дополнен. В-третьих, авторы существенно усовершенствовали и унифицировали методологию исследования и метаязык описания. Изменения и дополнения в статьях были направлены прежде всего на то, чтобы выработать единую схему, концептуальную основу и инструментарий обработки языкового и жестового материала.

## *Благодарности*

Мы выражаем искреннюю благодарность всем друзьям и коллегам, которых здесь просто нет возможности перечислить и которые знакомились с материалами настоящей монографии на самых разных этапах ее написания, а также всем тем людям, кто принимал участие в обсуждении докладов по теме данной книги на заседаниях международных, всероссийских и городских съездов, симпозиумов и семинаров, на различных лингвистических и семиотических конференциях, школах и круглых столах.

Отдельно хотим упомянуть тех людей, которые были соавторами некоторых работ, положенных в основу ряда разделов монографии. Это Э. Е. Заришева, А. Г. Кадыкова, Е. А. Клыгина, А. Д. Козеренко, Е. Б. Морозова, А. И. Петько.

Огромный труд вложила в эту монографию ее научный редактор д. ф. н. Е. В. Урысон. Ее благожелательность, тонкие, проницательные замечания и ценные соображения существенно улучшили текст монографии.

Особую признательность мы хотели бы выразить нашим добрым друзьям и коллегам: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресяну, Л. А. Араевой, Т. В. Базжиной, А. Н. Баранову, Н. Г. Брагиной, М. Я. Гловинской, Д. О. Добровольскому, С. В. Евграфовой, И. В. Евсеевой, Л. Л. Иомдину, А. А. Кибрику, А. А. Котову, А. А. Кретову, М. А. Кронгаузу, Т. В. Крыловой, С. А. Крылову, Л. В. Куликовой, Е. В. Падучевой, Е. Ю. Протасовой, Р. Ратмайр, Е. В. Рахилиной, Л. Л. Федоровой, М. Е. Фрид, Н. Е. Фрид, А. А. Циммерлингу, А. Ченки, Т. В. Чериговской, А. С. Чехову, И. А. Шаронову, Е. Я. Шмелевой, А. Д. Шмелеву, Т. Я. Янко, которые читали и обсуждали с нами отдельные фрагменты данной книги на разных стадиях ее написания. Некоторые из перечисленных людей любезно предоставили нам возможность выступить с докладами по тематике настоящей книги на организованных ими семинарах и конференциях.

Отдельную благодарность авторы выражают И. Б. Иткину, который прочел текст монографии на заключительном этапе работы над ней и сделал ряд полезных и ценных замечаний.

Мы хотим поблагодарить также студентов Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) – участников семинара по невербальной семиотике – и некоторых учащихся гимназии № 1514 г. Москвы. Все они помогали нам собирать видео- и аудиоматериалы и предварительно их классифицировать, а также подбирать текстовые примеры и делать выписки из словарей.

Наконец, мы выражаем благодарность своим близким и родным, а также коллективу кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ за предоставленные нам пространство и время для работы над данной книгой.

Настоящая книга, безусловно, не могла бы появиться без моральной и финансовой поддержки Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), а также Фонда института «Открытое общество», учрежденного Дж. Соросом.

# ГЛАВА I

## СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛА. СОМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, ИХ ТИПЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ИМЕНА

### *§1. Соматические объекты и их имена*

Естественные и гуманитарные науки объединяет интерес к человеку как к носителю физических свойств, ментальных и психических качеств и как к личности, организующей и преобразующей окружающий мир. Лингвистика и невербальная семиотика изучают человека не только в роли субъекта, владеющего языком и понимающего язык, но и в роли основного участника коммуникации и субъекта коммуникативного поведения.

Общение людей всегда осуществляется в определенных рамках, которые задаются (часто плохо формулируемыми) нормами и допущениями, определяющими структуру и содержание **правил ведения речевого и жестового общения и информационного обмена**. Общая тональность беседы, поведение собеседников, знание культурных традиций и общественных норм, личных вкусов и привычек и еще очень многое другое обуславливают не только гладкость общения, но и достижение коммуникативных целей.

Социальные, культурные и психологические установки, способы восприятия мира и человека, мысли и чувства, стремления и намерения, то есть все то, что принято относить к ментальности и психике людей, как известно, находит свое отражение не только в естественном языке, но и в телесных знаковых кодах. С помощью этих кодов удается реконструировать некоторые представления о жизни и деятельности людей, об их желаниях, целях, мыслях и настроениях. Как и естественный язык, язык тела необходимо научиться понимать, иначе мы рискуем неправильно интерпретировать или просто упустить из виду многие передаваемые нам в диалоге сообщения. Как и естественным языком, языком тела необходимо активно овладеть, если мы хотим увеличить эффективность коммуникации с другими людьми.

Человеческое тело – это сложно организованная система, которая состоит из целого ряда объектов, связанных между собой разными отношениями. Понять, что представляет собой тело, как функционируют разные соматические объекты в актах устной коммуникации и письменных текстах, каков образ тела в языке и культуре, – все эти задачи пытаются решить представители самых разных областей знаний. И это не только биологи и медики, для которых тело является основным объектом исследования, но также психологи, культурологи, антропологи, социологи и философы. Представителей гуманитарных наук, к которым относятся также лингвисты и специалисты по невербальной семиотике, интересует, однако, не реальное строение или биологические особенности тела, а то, каким образом тело и **телесность**, под которой мы понимаем здесь все то, что относится к телу и его обладателю как к субъекту поведения, отражаются в естественных языках и невербальных знаковых кодах. Образ тела создается прежде всего совокупностью разных телесных (соматических) объектов, характеризующих их признаков и имен, а также множеством действий и функций телесных объектов, как они представлены в вербальных и невербальных знаковых кодах.

Остановимся более подробно на понятии и термине **соматический объект**. Под соматическими объектами мы понимаем самые разные объекты, входящие в тело и группирующиеся в определенные **классы**, или **типы**.

Среди типов соматических объектов выделяются само **тело** и **его части** (например, голова, руки, живот), **части частей тела** (такие, как пальцы, ладонь, ноздря), **<телесные> органы** (органы пищеварения, органы дыхания, половые органы). К соматическим объектам относятся также **<телесные> покровы** (кожа, волосы и ногти), **<телесные> жидкости** (кровь, желчь, слезы и др.), особые **места** <на человеческом теле или внутри него> (**подмышки, пупок, глазница**), **кости** (ребро, ключица, позвонок, кадык, скула, челюсть и др.), разнообразные **линии** на человеческом теле (морщины, черты лица, линия губ, линии рук и др.), **сосуды** (вены, артерии, капилляры), **мышцы, жир, железы**. Соматическими являются и «чужеродные» телесные объекты, в частности так называемые **наросты** (прыщ, фурункул, ячмень, шишка и т. п.), «лишние» объекты – **рудименты** и еще ряд других<sup>12</sup>.

Сделаем три важных замечания, касающихся типов соматических объектов, самих объектов и их имен.

### Замечания

**1. О прагматически освоенных и прагматически неосвоенных соматических объектах**

Соматический объект – это понятие, имеющее двойственную природу. С одной стороны, к соматическим относятся объекты биологии, физиологии и анатомии человека. С ними имеют дело представители всех указанных естественных наук, и, по-видимому, все они понимают под соматическим объектом одно и то же. Этому способствует единый концептуальный и терминологический аппарат, принятый в этих науках.

С другой стороны, соматические объекты – это предмет изучения лингвистики, теории культуры, психологии и целого ряда других гуманитарных наук. Для лингвистов и специалистов в области семиотики соматические объекты предстают прежде всего в виде их имен и связанных с этими именами языковых выражений. Набор имен соматических объектов для каждого естественного языка, конечно, свой. В русском языке соматические объекты отражаются в виде множества таких слов, как *рука, нога, кисть, запястье, слеза* и др., в английском языке – в виде слов *arm, hand, leg, foot, wrist, tear*, во французском – в виде слов *main, bras, jambe, pied, poignet, larme*. Там, где русские говорят об одном соматическом объекте, англичане и французы, как известно, могут говорить о двух разных объектах (ср. рус. *рука*, англ. *arm* и *hand* и франц. *bras* и *main*). Уже из одного этого хрестоматийного примера видно, что множества имен соматических объектов для разных языков могут не совпадать. Иными словами, понятие соматического объекта для лингвистов и специалистов по невербальной семиотике не универсально, а национально и культурно специфично (см. (Language Sciences 2006; Wierzbicka 2007)). Поскольку, как говорилось во Введении, речь в нашей книге в основном идет о русском языке и русском языке тела, мы будем под соматическими объектами по большей части понимать телесные объекты, представленные в русском языке и участвующие в производстве русских жестов.

Множество соматических объектов и множество их имен задаются списками. Список имен определяется лексиконами различных словарей данного языка, в которых фиксируются так называемые **стандартные языковые имена**, или **номинации, объектов**. Часто, однако, для

<sup>12</sup> Имена телесных объектов, указанные в скобках, даются как в форме единственного, так и в форме множественного числа. Выбор формы не случаен, см. об этом далее в тексте монографии.

описания свойств соматических объектов приходится прибегать к таким их языковым обозначениям, которые обычно (по разным причинам) не фиксируются в большинстве существующих словарей. Соматические объекты, имена которых содержатся в большинстве словарей, мы будем называть **прагматически освоенными <в данном языке>**, а соматические объекты, имен которых там нет или почти нет, – **прагматически неосвоенными**<sup>13</sup>.

В разговорах о прагматически неосвоенных соматических объектах люди нередко пользуются описательными выражениями, или **дескрипциями**, включая **недоопределенные дескрипции** (такие, как, например, *что-то*, ср. (2) *У меня что-то болит в районе плеча, или такая штука*, ср. (3) *Смотри, какая штука вскочила у меня на лице*) и разного рода неидиоматичные выражения (такие, как *тыльная сторона ладони, ребро ладони со стороны большого пальца, ребро ладони со стороны мизинца, область шеи, район живота*).

При назывании прагматически неосвоенных объектов люди нередко используют приемы метонимического замещения – *toto pro pars* (целое вместо части) и *pars pro toto* (часть вместо целого), а также замещения имени класса именем элемента класса или наоборот. Кроме того, вместо самого соматического объекта часто обозначается область (место) в его составе. Дело в том, что во многих языковых контекстах то, что исходно относится к области в составе объекта, может вести себя как полноценный соматический объект. Поэтому такие области могут рассматриваться как соматические объекты, подобно тому, как артефакт, именуемый *дверь*, может рассматриваться как поверхность в контексте предлога *на* (*на двери*), как вместилище в контексте предлога *в* (*в двери*) и т. п. Например, у руки есть части, прагматически освоенные, то есть имеющие стандартное наименование в русском языке. Это *кисть, плечо, локоть* и т. д. Но у руки имеются также части, прагматически неосвоенные плохо или неосвоенные вообще. Например, место ниже локтя в русском языке никакой специальной однословной и однозначной номинации не имеет, поэтому в составе сочетания *рука ниже локтя* место на руке может пониматься в разных контекстах по-разному. Чаще всего контекст, в котором встречаются выражения типа *рука ниже локтя*, сужает область их возможной интерпретации. Пониманию помогает здесь не только языковое знание, например знание семантики отдельных языковых выражений, но и знание о мире. Так, в предложении (4) *Петя взял Машу за руку ниже локтя* место обозначаемого действия (рука ниже локтя) понимается как соматический объект, не имеющий, как мы говорили, в русском языке стандартного имени. Однако предикат *взять* сужает область возможной интерпретации этого места: *взять человека за руку ниже локтя* можно только в определенном месте, расположенном на руке ниже локтя.

Другой случай метонимического обозначения соматического объекта представлен в предложении (5) *У нее вся рука была в фенечках*. Здесь сочетание *вся рука* обозначает не руку целиком, а некоторую ее область, казалось бы, вопреки употреблению местоимения *весь*. Дело в том, что, поскольку украшения, к которым относятся фенечки, носят, как правило, на части руки от локтя до запястья (это не языковое знание, а знание о мире!),

<sup>13</sup> О понятии прагматической освоенности соматического объекта см., например, статью (Крейдлин, Летучий 2006, 80–115).

мы понимаем, что слово *рука* в этом предложении тоже употребляется, так сказать, «ослабленно».

А вот пример, когда соматический объект есть, а стандартного русского имени у него нет, и потому он называется существующим в языке именем класса соматических объектов, к которому принадлежит. Услышав фразу *Кажется, у меня сломана кость* (ее произносит человек, который держится в этот момент за руку), мы понимаем, что у человека что-то случилось с рукой: по-видимому, у него повреждена какая-то конкретная кость в руке, которая, возможно, не имеет в повседневном, немедицинском русском языке стандартного наименования (в медицинском подязыке, как известно, каждая кость имеет название, обычно латинское).

Сразу же отметим, что свойства прагматической освоенности и прагматической неосвоенности соматических объектов достаточно сложные. Так, существуют отдельные разновидности прагматической освоенности, о чем мы еще поговорим несколько позже. Отдельного внимания заслуживают также вопросы о контекстах употребления прагматически освоенных и прагматически неосвоенных соматических объектов и о формулировках правил метонимического замещения отдельно для первых и вторых.

## 2. О номинации соматического объекта в зависимости от характеристик его обладателя

То, какая номинация у данного прагматически освоенного объекта считается стандартной, зависит от того, к какому возрастному, половому (гендерному), профессиональному, социальному и др. классу принадлежит человек – его обладатель. Иначе говоря, стандартная номинация объекта релятивизована относительно обладателя. Например, и у взрослого, и у совсем маленького ребенка есть голова, но стандартные имена у каждого из этих объектов, вообще говоря, свои: голова взрослого человека обычно так и называется – *голова*, а голова маленького ребенка в норме называется также *головка*. Аналогичное отношение можно усмотреть и между словами *волосы* и *волосики*: *волосы* – это имя соматического объекта взрослого, а *волосики* – ребенка. Чуть другое отношение между словами *ноги* и *ножки*: *ноги* – это стандартное имя мужских и женских соматических объектов, а *ножки* – женских и детских.

## 3. О центре и периферии во множестве имен соматических объектов

Среди сотен русских литературных и диалектных имен соматических объектов следует выделить центр и периферию. Центр можно будет в дальнейшем использовать как основной материал для описания наивной картины (в противовес научной картине) телесности в русском языке и русской культуре, поскольку имена, образующие центр, являются референтами наиболее значимых для жизнедеятельности человека соматических объектов – тех, которые и должны быть описаны в первую очередь. Кроме того, центр во множестве русских имен может служить ориентиром для создания списка наиболее важных соматических объектов и их имен в других языках.

В центр множества русских имен соматических объектов попадают прежде всего общеупотребительные имена, то есть наиболее часто встречающиеся в неспециализированных контекстах (ср., например, имена соматических объектов, входящие в атрибутивные сочетания *красивый X*,

*большой X, больной X, круглый X* и т. п., в бытовые вопросно-ответные диалоги типа *Что это с тобой? – Да у меня X* и др.) в художественной литературе и в публицистике. Кроме того, в круг названий, образующих центр, следует включить имена, у которых имеется много широко употребляемых словообразовательных производных (дериватов), то есть таких слов, как *рукастый, безголовый, сглазить, желудочный, пощечина* и др., а также имена, которые входят в состав фразеологических единиц, в том числе жестовых (ср. *столкнуться лоб в лоб, проглотить язык, на тебе лица нет, зуб даю*). Наконец, имена соматических объектов, входящие в центр, предполагаются известными самым неискушенным носителям языка – детям, подросткам.

Периферию тем самым составляют названия соматических объектов, которые встречаются в основном в специализированных актах коммуникации и текстах, описывающих те или иные виды деятельности, связанные с телом и телесностью (медицина, техника, наука, спорт, танец, йога и др.). Это названия, от которых если и образуются дериваты, то встречаются они в тех же типах текстов, названия, не входящие в состав фразеологизмов, и названия, известные только людям, которые имеют отношение к указанным выше видам деятельности.

Теперь скажем несколько слов об отношениях разных соматических объектов друг с другом.

Во-первых, некоторые соматические объекты более тесно, чем другие, связываются в структуре тела. Речь идет об **антропологической общности объектов**. В частности, объекты могут располагаться в теле относительно близко друг к другу (как, например, спина и плечи, грудь и живот, живот и пупок) или соединяться друг с другом при помощи крупных кровеносных и лимфатических сосудов (как, например, голова и шея). Более тесно связаны и объекты, расположенные на теле или в теле симметрично относительно какой-то пространственной оси. Это, например, правое ухо и левое ухо, верхняя и нижняя губа, спина и живот.

Во-вторых, некоторые соматические объекты обладают **функциональной общностью**. Так, общей – **связующей** – функцией обладают шея и плечи: шея соединяет голову с туловищем, а плечи связывают руки с корпусом. Плечи и спина тоже связаны общей функцией, а именно они являются разделителями пространства и разделителями времени, ср. референциально тождественные пространственные и временные сочетания *рюкзак за плечами/за спиной, у него за плечами/за спиной война*.

В-третьих, отдельные соматические объекты имеют сходное строение, или, иначе, сходную морфологию. Про такие объекты мы будем говорить, что они обладают **морфологической, или структурной, общностью**. Например, морфологически подобными являются пальцы рук и ног, ступни ног и кисти рук.

Существуют языковые единицы, в смысловой структуре которых отражаются те или иные виды связей между соматическими объектами. Так, слово *глаза* объединяет левый и правый глаз; под именем *пальцы* могут объединяться пальцы рук и пальцы ног. Некоторые объединения имеют языковые обозначения, отличные от обозначений отдельных объектов, входящих в такие объединения. Например, *мускулатура* включает в себя мускулы, или мышцы, всего тела. Есть *конечности* (руки и ноги) и есть *скелет* – слово, обозначающее совокупность костей телесного остова, рассматриваемых как некая структурная и функциональная общность. Объединение соматических объектов может выражаться особыми синтаксическими конструкциями, такими, например, как русские **биномы** *руки-ноги, глаза и уши, кожа да кости*. Биномы имеют фиксированный порядок элементов и фиксированный языковой маркер их соединения.

Фундаментальное свойство соматических объектов состоит в том, что многие из них играют важную роль в невербальном знаковом коде, поскольку участвуют в самых разнообраз-

ных знаковых телесных действиях<sup>14</sup>. Если в позах и знаковых телодвижениях центральная роль принадлежит телу, то в жестах она принадлежит разным частям тела и частям таких частей. Например, в жестах из класса касаний ведущая роль отведена рукам и некоторым частям рук, в жестах из класса «выражение согласия/несогласия» – голове, а в молчаливых вопросах и ответах на них – глазам.

Все отмеченные выше свойства, по нашему мнению, должны быть отражены в семантических представлениях имен телесных объектов при помощи определенных исследовательских инструментов<sup>15</sup>.

---

<sup>14</sup> О ролях различных частей тела в производстве жестов, в частности об их активном и пассивном участии см. (СЯРЖ 2001).

<sup>15</sup> В этом месте книги мы не решаем вопрос о том, в какой именно части семантического представления имен телесных объектов должны быть отражены эти свойства (см. обсуждение этого вопроса несколько позже) – в толкованиях или в каких-то других областях семантического представления (этот вопрос носит скорее технический характер). В описание семиотической концептуализации соматических объектов все эти свойства входят в качестве основных элементов.

## §2. Понятие семиотической концептуализации тела и телесности

Основным понятием и средством, при помощи которого моделируется представление людей о теле и других телесных объектах, является **наивная семиотическая концептуализация тела (и его отдельных частей)**. В этой работе об этих видах концептуализации мы – за редким исключением – говорить не будем, а потому позволим себе иногда опускать слово *наивная* и говорить просто о семиотической концептуализации тела. Впрочем, иногда вместо слова *наивная* мы будем использовать слова *бытовая* и *повседневная*, как это принято в целом ряде лингвистических и семиотических исследований.

Семиотическая концептуализация тела – это модель того, как тело и другие соматические объекты представлены в естественном языке и в соответствующем ему языке тела. И, что очень важно, такая модель отражает взгляды не специалиста-ученого, а обычного человека (именно по этой причине она и получила полное название *наивной семиотической концептуализации тела*).

Понятие семиотической концептуализации тела является разновидностью более широкого понятия **семиотической концептуализации <некоторого> фрагмента мира**. Семиотическая концептуализация фрагмента мира (объекта, свойства, действия, ситуации) призвана отразить в вербальных и невербальных знаках то, как данный фрагмент видится неискушенному носителю языка и культуры, то есть семиотическая концептуализация является знаковым представлением данного фрагмента. Иными словами, она представляет собой естественное расширение хорошо известного в лингвистике понятия **языковой концептуализации**<sup>16</sup>. Мотивы введения понятия семиотической концептуализации как расширения понятия языковой концептуализации достаточно очевидны – ведь мы уже говорили, что в актах устной коммуникации важную роль наряду с естественным языком играют другие знаковые коды, прежде всего телесный код.

Таким образом, основным «строительным материалом» для семиотической концептуализации такого фрагмента мира, как человеческое тело, являются знаки естественного языка и знаки языка тела, а также, возможно, единицы некоторых других знаковых кодов, например акционального («языка знаковых действий») или ольфакторного («языка запахов»). Описать то, как тело представлено в русском языке и русской культуре (или в каких-то иных языках и культурах), то есть решить основную задачу, поставленную в данной книге, фактически означает **описать (реконструировать, или, как часто говорят, построить) семиотическую концептуализацию тела**.

Построение семиотической концептуализации мы осуществляем в рамках признакового подхода (см. о нем ниже) и попутно сравниваем выразительные возможности и объяснительную силу словесного и телесного знаковых кодов. Строя семиотическую концептуализацию тела, мы выделяем и анализируем те аспекты вербальной и невербальной коммуникации, которые определяются контекстными факторами. С этой целью мы формулируем правила употребления отдельных слов и жестов, выявляем условия их совместной встречаемости, определяем типовые невербальные и смешанные сценарии и модели коммуникативного поведения.

Скажем несколько общих слов о правилах, описывающих употребления вербальных и невербальных единиц и особенности их взаимодействия.

В процессе коммуникации вербальные акты и телесные практики подчиняются определенным законам, которые можно представить в виде **правил трех видов: вербальных,**

<sup>16</sup> О понятии языковой концептуализации фрагмента мира см., например, работы (Апресян 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005).

**невербальных и смешанных.** Вербальные правила касаются единиц естественного языка и моделей речевого поведения, а невербальные правила – жестов разных типов и моделей телесного поведения. Смешанные правила определяют непременное участие жестов в производстве вербального высказывания (например, смешанное правило фиксирует участие иллюстративного жеста, демонстрирующего размер предмета, в роли обязательной конструктивной единицы в высказываниях типа *Он поймал вот такую рыбу!*).

**Условия применимости правил** тоже бывают трех типов – **вербальные, невербальные и смешанные.** Если оставить в стороне смешанные правила и смешанные условия применимости, то можно утверждать, что существуют четыре схемы правил, определяющих взаимоотношение типа правила с типом контекста. Отметим, что все эти схемы реализуются на практике, а именно входят в описания отдельных составляющих семиотической концептуализации тела. Эти схемы таковы:

(1) Вербальное правило – вербальный контекст. Примером правила, построенного по этой схеме, является обычное правило языковой сочетаемости двух единиц.

(2) Вербальное правило – невербальный контекст. Примером правила, построенного в соответствии с этой схемой, является правило, определяющее употребление параязыковой последовательности *mc-c-c!*<sup>17</sup> Эта последовательность обычно употребляется вместе с жестом **приложить палец к губам** в одном из его значений.

(3) Невербальное правило – невербальный контекст. Условием употребления жеста **подмигивать** является то, что жестикулирующий и адресат в момент исполнения жеста смотрят друг на друга.

(4) Невербальное правило – вербальный контекст. Такого рода ситуацию иллюстрирует следующий пример. Солдат обязан **встать навытяжку**, когда слышит адресованное ему высказывание *Смирно!* от старшего по званию.

Изложенные схемы правил и конкретные примеры их реализации свидетельствуют о том, что для построения семиотической концептуализации тела требуется выделить и описать как минимум четыре класса объектов (ими, однако, совокупность составляющих семиотической концептуализации не исчерпывается). Это (а) объекты мира – в нашем случае соматические объекты; (б) объекты естественного языка – слова, словосочетания и другие языковые единицы, характеризующие соматические объекты; (в) объекты языка тела – жесты и жестовые выражения. Впрочем, сюда же следует добавить и (г) объекты языкового и телесного кодов – комплексные жестово-речевые формы.

Остановимся на последнем классе объектов более подробно, поскольку систематическое изучение жестово-речевых форм началось сравнительно недавно, чуть ли не параллельно с изучением мультимодальной коммуникации.

По-видимому, одним из первых монографических исследований о таких единицах является книга Н. Энфильда «Анатомия значения» («The Anatomy of Meaning»)<sup>18</sup>. Она написана на материале лаосского языка и описывает особенности устной коммуникации лаосцев. В этом языке имеется очень много единиц, которые автор относит к **составным высказываниям**. В предисловии к книге он пишет: «The payoff of studying speech-with-gesture is not only to understand gesture as a phenomenon of interest in itself, but – of greater consequence – to help shake linguists and other students of meaning from the view that language is an encapsulated system for conveying meaning» («Изучение таких единиц не только помогает понять жест как интересное явление само по себе, но и, что гораздо важнее, способствует тому, чтобы поколебать лингви-

<sup>17</sup> У этого жеста есть и другая физическая реализация, а именно без языкового или параязыкового сопровождения, и иное условие употребления, см. (Крейдлин 2002).

<sup>18</sup> См. (Enfield 2009).

стов и других исследователей значения в том убеждении, что язык представляет собой замкнутую в себе систему для выражения и трансляции значений' (перевод наш. – *Авторы*)).

Действительно, человек, планируя, каким образом он будет выражать то или иное значение, должен выбрать и наиболее подходящий для этого код. Некоторые значения хорошо передаются жестами, и тогда эти значения предстают более наглядными и выразительными. Другие значения – и таких большинство – можно передать только при помощи вербальных единиц. Вербальный способ передачи значений хотя и более точный, но менее наглядный. Наконец, есть значения, которые с разной степенью обязательности передаются смешанными, вербально-невербальными единицами, или, в терминологии Н. Энфильда, составными высказываниями.

Развиваемые в книге Н. Энфильда идеи и положения помогают раскрыть некоторые механизмы взаимодействия жестов и речи. Эти механизмы и конкретные способы взаимодействия интересуют ученых самых разных гуманитарных направлений, а потому неудивительно, что среди специалистов, способствовавших появлению книги Энфильда, были психологи, культурологи и кинесиологи, то есть специалисты в области **кинесики** – науки о жестах, жестовых процессах и жестовых системах. О кинесике писали такие ученые, как А. Кендон (Кендон 2004), Д. Мак-Нил (McNeil 1992), Г. Кларк (Clark 1996) и Ч. Гудвин (Goodwin 2003); см. также монографию (Крейдлин 2002).

К сожалению, лингвисты вплоть до последнего времени уделяли языку тела и проблеме его взаимодействия с естественным языком в коммуникативном акте недостаточно внимания. Из немногих западных работ преимущественно лингвистической направленности особо отметим работы Т. Сламы-Казачу (Slama-Cazacu 1976, 217–222), И. Поджи (Poggi 2001) и Р. Энгла (Engle 1998, 321–327). Исследования этих и некоторых других ученых стимулировали развитие кинесики в самых разных направлениях.

Так, Т. Слама-Казачу обратила внимание на то, что единицы естественного языка и языка тела могут образовывать особые конструкции, или, в ее терминологии, **смешанные синтаксические единства**, которые не существуют без невербальных знаков. Такие единства можно проиллюстрировать примерами высказываний, относящихся к устной речи. Одно из них мы привели чуть выше. А вот еще примеры: – *Куда он побежал?* – *Вон туда!* (отвечающий указывает жестом направление), *У меня сын вот такого роста* (одновременно исполняется жест, показывающий рост) или – *Как дела?* – *Да так...* (тут следует жест руки, который по-английски называется *so-so*). Эти высказывания Т. Слама-Казачу предлагает относить к единицам (явлениям) **смешанного синтаксиса** и изучать в специальном разделе лингвистики.

Р. Энгл в упомянутой работе описывал так называемые **составные сигналы** (*composite signals*). Он показал, что эти сигналы **некомпозициональны**, то есть что их значения не являются простой суммой значений составляющих их знаков разной природы. Таким образом, составные сигналы – это особого рода синтаксические фразеологизмы (конструкции устной коммуникации), объединяющие единицы разных кодов.

Строя модели взаимодействия лаосского языка и лаосского языка тела, Н. Энфильд анализирует типовые ситуации функционирования составных высказываний. Их изобилие в устной коммуникации лаосцев он объясняет тем, что эти ситуации главным образом характеризуют быт и основные занятия жителей лаосских деревень – рыбную ловлю, сельскохозяйственные работы и пр.

Для русской культуры и, видимо, еще для очень многих других культур составные высказывания являются важным средством описания единиц совсем другой сферы, а именно разных форм **этикета**, прежде всего **манер поведения** (поведения в обществе, поведения за столом, ведения беседы, спора, переговоров и т. д.). Когда можно и когда нужно использовать телесные знаки, когда они уместны сами по себе, то есть изолированно от речи, и когда должны

сопровождать речь, когда важно помолчать или замолчать – все эти факторы тесно связаны с явлениями смешанного синтаксиса, и все они требуют отдельного изучения и описания.

Вернемся к семиотической концептуализации тела. В ходе ее построения (реконструкции) мы, помимо сопоставительного изучения выразительных возможностей и эффективности разных семиотических кодов, решаем много других частных задач. Среди них: (1) вербальное описание физических и психических свойств тела и иных соматических объектов, (2) анализ номинаций соматических объектов, а также описание свободных и идиоматических выражений с ними. Кроме того, при построении семиотической концептуализации тела (3) формулируются правила телесного поведения участников диалога – в зависимости от тематики, жанра и стиля диалога и от характеристик его участников; (4) определяются правила контроля над речевым и телесным поведением участников диалога<sup>19</sup> и др.

Построить семиотическую концептуализацию тела применительно к данному естественному языку и соответствующему языку жестов означает описать большую совокупность множеств. Это (1) множество соматических объектов и (2) их языковых имен, (3) множество типов (классов) и некоторых других объединений соматических объектов и (4) их языковых имен, (5) множество признаков этих объектов и (6) множество признаков типов объектов, (7) множество значений этих признаков и (8) множество их имен. Наконец, это (9) множество жестов, осуществляемых с телом и над телом, и (10) множество типов таких жестов, а также (11) множество номинаций этих жестов и (12) типов жестов.

Некоторые из перечисленных множеств, а именно (10)–(12), уже были описаны в ряде книг и статей. Так, в монографии (Крейдлин 2002) были построены различные классификации жестов, выделены семиотические, семантические и другие типы жестов вместе с указанием их имен. В этой книге, а также в словаре (СЯРЖ 2001) и многих статьях авторов настоящей монографии (Аркадьев, Крейдлин, Летучий 2008а, б; Летучий 2008; Крейдлин, Переверзева 2013а; Khesed 2013) описаны русские жесты самых разных типов.

---

<sup>19</sup> О важности обоюдного мониторинга невербального поведения участников диалога и об особенностях невербального контроля такого поведения см. статью (Крейдлин 2005б).

### §3. Основные классы соматических объектов и их языковые обозначения

Ниже, в разделах 3.1–3.7 дается обзор основных типов соматических объектов, а именно тех, которые играют важнейшую роль в жизни и деятельности человека. При описании каждого конкретного типа выделяются его важнейшие подтипы, анализируются их языковые имена в разных значениях, указываются некоторые их свойства. Особое внимание обращается на роль разных типов телесных объектов и их отдельных представителей в жизни человека, а также на особенности культурной символизации объектов.

Начнем с класса соматических объектов под названием *тело*. Этот класс одноэлементный; он включает в себя только один объект – тело человека. Еще раз подчеркнем, что нас интересует тело исключительно с лингво-семиотических позиций, то есть как объект семиотической концептуализации. Все другие многочисленные парадигмы, параметры и измерения тела (субстанциональные, онтологические, гносеологические, социокультурные, идеологические, религиозные, биологические, технические и др.) остаются за пределами книги.

#### 3.1. Тело

Человеческое тело представляет собой соматический объект, сложно устроенный как с естественно-научной (анатомической, физиологической и др.), так и с обывательской точки зрения. Оно воспринимается людьми как имеющее множество составных частей. Это внешние (наружные) составные части, в норме видимые объекты, и внутренние части – невидимые объекты. И те и другие имеют, как правило, сложное и по большей части неоднородное строение. Внутренние и внешние объекты могут взаимодействовать друг с другом и по-разному влиять на жизнедеятельность человека. Без некоторых из них человек может существовать и функционировать, без других человека нет. Одни соматические объекты «встроены» в тело и неотделимы от него, другие отделимы только в определенных ситуациях или в силу каких-то чрезвычайных обстоятельств, а третьи человек утрачивает сравнительно легко.

Уникальность и важность такого соматического объекта, как человеческое тело, подкрепляется тем, что у него в каждом известном нам языке очень много прагматически освоенных номинаций. Анализ целого ряда русских толковых и переводных словарей, а также научных публикаций, специально посвященных телу и телесности<sup>20</sup>, показывает, что представить значения слова *тело* (применительно к человеку) и его аналогов в других языках, используя для этого простейшие смысловые единицы (в терминологии Анны Вежицкой – семантические атомы), крайне трудно, если вообще возможно. Все предпринимавшиеся ранее попытки это сделать, как убедительно показала А. Вежицкая (Wierzbicka 2002), либо приводили к логическому кругу, либо значение слова *тело* объяснялось через такие единицы, содержание и структура которых оказывались гораздо сложнее, чем у слова *тело*. Ср., например, толкования, взятые из словаря (Ожегов, Шведова 1999): *тело* – ‘организм человека или животного в его внешних, физических формах’; *организм* – ‘совокупность физических и духовных свойств человека’. Здесь в толковании слова *организм* участвуют заведомо более сложные смысловые единицы, чем ‘тело’ и даже чем ‘организм’, то есть более простые единицы фактически толкуются через более сложные.

Семантический анализ языковых единиц, обозначающих тело, привел многих ученых, в частности тех, кто представляет Московскую и Польскую семантические школы, к выводу

<sup>20</sup> См., в частности, работы (Wierzbicka 2002; Рахилина 2008; Mittelberg, Evola 2014).

о том, что смысл 'тело' является атомарным, то есть семантически элементарным (примитивом)<sup>21</sup>. Между тем русское слово *тело* очевидным образом неоднозначное, и его неоднозначность ощущается всеми русскоязычными людьми<sup>22</sup>. Вот три предложения, свидетельствующие о такой неоднозначности:

(6) *С таким телом конкурс красоты не выиграешь.*

(7) *Его неуклюжее тело поддерживали короткие толстые ноги.*

(8) *Уберите это тело с дороги!*

В первом из этих предложений слово *тело*, по-видимому, непосредственно соответствует примитиву 'тело'. Условно это значение (далее лексема ТЕЛО 1) можно схематически представить себе как «остов» человека вместе с руками, ногами, головой, шеей и т. д.

Еще одно значение слова *тело* иллюстрирует предложение (9) *Он с наслаждением погрузил свое тело в ванну*, – ведь, скорее всего, человек погружал в ванну не только «остов», но и другие части тела, и тут слово *тело* уже не соответствует примитиву 'тело'.

В примерах (6) и (9) *тело* понимается как состоящее из ряда структурных частей, и в них человек представлен, так сказать, в анатомическом и/или физиологическом аспекте. Возможность выделить этот аспект телесности человека позволяет объяснить синонимию фраз (10) *На операционном столе перед врачами лежал Ильин, покрытый простыней* и (11) *На операционном столе перед врачами лежало покрытое простыней тело Ильина*<sup>23</sup>. Дело в том, что именно в контексте врачебной деятельности, когда осуществляются манипуляции с человеческим телом, смыслы 'Ильин' и 'тело Ильина' эквивалентны, то есть слово *Ильин* интерпретируется как 'тело Ильина'.

Человек, однако, может осмысляться не только как телесное существо, но и как индивид, совмещающий в себе два начала – телесное и духовное. Вследствие этого в ряде контекстов лексема ТЕЛО 1 и ее стилистически или социально маркированные синонимы *телесное/физическое начало, телесная конструкция, телесная организация*<sup>24</sup> в современном русском языке употребляются как обозначение **физического** начала в человеке в противопоставлении началу **психическому**, обычно обозначаемому словами *дух, душа, душевная конструкция, духовность* (в одном из значений) и некоторыми другими, ср. фразы (12) *Чтобы тело и душа были молоды*; (13) *В здоровом теле здоровый дух*; (14) *Душа без тела – суть, тело без души – труп* (М. Цветаева).

В примере (7) слово *тело* обозначает тот же «остов», но уже без прикрепленных к нему частей. В этом примере представлена лексема ТЕЛО 2, значение которой можно описать как 'Тело 1 без рук, ног, головы и шеи'; таким образом, и здесь употребление слова *тело* не соответствует семантическому примитиву. Другие примеры с лексемой ТЕЛО 2 – это сочетание *растирание тела и конечностей* и предложение (15) *Сначала массажист работал над ее телом, потом принялся массировать ее руки и ноги*.

О наличии у слова *тело* данного значения свидетельствует также сочетание *полный человек*, в котором слово *тело* вообще отсутствует. В самом деле, это сочетание говорит о большом

<sup>21</sup> О том, что элемент 'тело (англ. body)' относится к смысловым примитивам, см. работы (Вежбицкая 1999; Гладкова 2010). Из работ, специально посвященных слову *body* и некоторым другим словам, называющим соматические объекты, см. словарь (Iordanskaja, Rapetto 1996), отдельный выпуск журнала (Language Sciences 2006), статью (Wierzbicka 2007) и книгу (Ning Yu 2009).

<sup>22</sup> Далее рассматриваются только те значения слова *тело*, которые относятся к человеку. Мы оставляем в стороне слово *тело* в значениях 'физический объект' (ср. *твердое/материальное тело*), 'содержание некоторого информационного объекта' (ср. *тело книги/статьи*) и в некоторых других. *Тело*, таким образом, далее – это тело человека.

<sup>23</sup> Эта фраза имеет и еще одно (возможно, более предпочтительное – «сильное», по У. Куайну) прочтение, при котором слово *тело* понимается как 'тело мертвого человека'.

<sup>24</sup> Эти стилистически маркированные синонимы принадлежат преимущественно письменной речи и используются, как правило, в научных, публицистических и художественных текстах; в быту и повседневной речи люди их обычно не употребляют.

объеме тела, то есть остова, но не говорит, например, ничего о полноте рук или ног: руки и ноги у полного человека вполне могут быть неполными и даже просто худыми. Аналогично, выражение *крепко сбитый человек*, используемое преимущественно для характеристики мужского тела, указывает на мускулистый и твердый корпус, но не на руки, ноги, голову, шею и пр.

Лексема ТЕЛО 2 синонимична словам *туловище*, *корпус*, *торс* (в соответствующих значениях). Однако слова *тело*, *туловище*, *корпус* и *торс* не являются абсолютными синонимами. Если слово *тело* в рассматриваемом значении является семантически нейтральным, то остальные лексемы отличаются одна от другой и от слова *тело* смысловыми акцентами.

Например, в слове *корпус* на передний план выходит идея тела как единства разных частей, что проявляется, в частности, в переносных значениях этого слова, ср. *армейский корпус*, *корпус судна*, *корпус здания* (дома или здания, где находятся общественные учреждения, например, *медицинский корпус*, *университетский корпус*).

В слове *туловище* подчеркивается материальность тела и то, что к телу прикреплены основные его части – голова и конечности. Поэтому слова *тело* и *туловище* взаимозаменяемы в сочетаниях, так сказать, «физического» характера (ср. *объем тела* и *объем туловища* – оба сочетания допустимы и эквивалентны по смыслу), но не взаимозаменяемы в сочетаниях, говорящих о красоте человеческого тела (ср. *красивое тело* и *\*красивое туловище*).

Слово *торс* не случайно присутствует в дискурсах художников и скульпторов, то есть людей, занимающихся искусством изображения тела, а также в речи искусствоведов. Иными словами, в семантическом фокусе слова *торс* находятся эстетические характеристики человеческого тела<sup>25</sup>.

В приведенном выше примере (8) мы встречаемся с третьим значением слова *тело*, соответствующим лексеме ТЕЛО 3 ‘мертвец, труп’. Та же лексема входит в предложения (16) *Ворвавшись в дом, солдаты обнаружили там три тела* и (17) *Знаешь, с охоты его принесли, /Тело у старого дуба нашли* (А. Ахматова. Сероглазый король).

У слова *тело* в разных его значениях (применительно к человеку) есть особые употребления. Один тип употреблений иллюстрируется фразеологическими сочетаниями *быть в теле*, *спасть с тела* – они акцентируют разную степень наполненности тела. Другой тип употреблений иллюстрирует предложение (18) *На невысокой железной кровати из-под отброшенного легкого покрывала смутно белелось нагое Гришино тело* (Ф. Сологуб. Звериный быт), где в фокусе находится внешняя оболочка тела. В этом типе употреблений слово *тело* часто бывает контекстно синонимично сочетаниям *контуры тела* и *очертания тела*. Такое употребление дополняет синонимический ряд *фигура*, *контур*, *силуэт*. Разумеется, каждая единица, входящая в этот ряд, обладает своей смысловой спецификой. В частности, слово *фигура* может обозначать человека, в отличие, например, от слова *контур*<sup>26</sup>, а слово *силуэт* применяется к человеку, когда его тело плохо видно, например, из-за темноты или большого расстояния от говорящего, ср. (22) *Скала напоминает очертаниями силуэт сидящего человека* и (23) *Скала напоминает очертаниями тело сидящего человека*.

<sup>25</sup> См. обсуждение слова *торс* на сайте В. И. Беликова (Беликов 2007).

<sup>26</sup> Слово *фигура* восходит к многозначному латинскому слову *figura* со значениями ‘форма, общий вид, образ’, а также ‘тень’, ‘идея’ и некоторыми другими, которое в свою очередь является производным от *finco, finxi, finctum* ‘образовывать, формировать, создавать’. Для разных значений слова *фигура* свойственно разделение формы и субстанции: форма мыслится в отвлечении от заполняющей ее материи. Отсюда основное значение этого слова применительно к человеку – это ‘внешнее очертание человека’. Когда речь заходит о внешнем очертании человека, фигура часто противопоставляется лицу, с которым связывается личностное начало человека, ср. предложение (19) <...> *Женщина всегда впечатлительнее к фигуре мужчины, чем к лицу его* (В. Розанов. Танцы невинности (Айседора Дункан)). Будучи противопоставлены, фигура и лицо могут получать разные эстетические оценки. Два других значения слова *фигура* применительно к человеку представлены примерами (20) *Метрах в тридцати навстречу мне идет, не спеша, знакомая до боли высокая фигура в цилиндре* (А. Фролова. Северный ветер) и (21) *Центральная историческая фигура повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» – Емельян Пугачев* (Пугачев и его сподвижники / Litra.ru).

Слово *силуэт* обозначает также человеческое тело в связи с необходимостью это тело одеть, то есть в связи с одеждой, в частности с ее моделированием и шитьем (ср. название журнала мод «Силуэт», а также предложение (24) *Модели темных оттенков с небольшим разрезом придают гармоничность силуэту*), либо в связи с особенностями подачи тела в разных видах искусства – в кино, театре (ср. номинацию *театр теней*, где тень – это разновидность силуэта), живописи, скульптуре.

В заключение данного раздела приведем синоптический список лексем, входящих в многозначное слово *тело* и относящихся к человеку: ТЕЛО 1 – семантический примитив (в целях пояснения: ‘остов с руками, ногами, головой и шеей’); ТЕЛО 2 – ‘тело (ТЕЛО 1) без рук, ног, головы и шеи’; ТЕЛО 3 – ‘мертвый человек, мертвец, труп’.

### 3.2. Части тела

Наиболее освоенный русским языком класс соматических объектов составляют так называемые **части тела**<sup>27</sup>. Казалось бы, любой человек, владеющий русским языком, хорошо знает, что такое части тела, – настолько часто он говорит о них в самых разных ситуациях. Между тем можно с уверенностью утверждать, что впечатление, будто бы все люди одинаково понимают смысл сочетания *часть тела*, является иллюзорным. Дело в том, что это сочетание устроено весьма прихотливым образом, поскольку не только слово *тело*, но и слово *часть* многозначны. О многозначности слова *тело* мы говорили в предыдущем параграфе; ниже мы покажем, что слово *часть* тоже имеет несколько значений.

В целом ряде работ А. Вежицкой и ее коллег и учеников<sup>28</sup> утверждается, что единица ‘часть’ является семантическим примитивом. Однако, как и в случае со смысловым атомом ‘тело’, примитив ‘часть’ покрывает полностью значение слова *часть* только в определенных контекстах. Например, это имеет место во всех тех употреблениях слова *часть*, когда целое известно (целое – по отношению к той части, о которой идет речь в предложении). Из сказанного вытекает, что слово *часть*, как правило, употребляется в предложении в сочетании со словом, обозначающим известное целое, то есть образуя синтагму *часть <некоторого целого>*. По этой причине неправильными или по крайней мере неполными, вырванными из контекста являются предложения *\*На столе лежали части* и *\*Он купил часть*.

В синтаксической конструкции вида *часть целого* слово, обозначающее целое, может быть разной семантической природы; ср. *часть стола*, где стол – это артефакт, *часть дерева*, где дерево – природный объект, *часть содержания*, где содержание – абстрактный объект. Целым может быть также соматический объект, такой как тело, голова, рука и др., и в дальнейшем мы остановимся только на сочетаниях типа *часть тела*, *часть руки*, *часть лица* и т. п.

На наш взгляд, в единицах, построенных по модели «часть целого», слово *часть* может пониматься двояким образом – либо как некоторая область (фрагмент пространства; далее лексема ЧАСТЬ 1), либо как некоторый объект – одна из составляющих целого, далее лексема ЧАСТЬ 2<sup>29</sup>, а потому по-разному может интерпретироваться и сочетание *часть тела*. Обсудим его возможные интерпретации.

<sup>27</sup> Иногда часть тела вызывает у людей даже больший интерес, чем само тело. Она, как Нос у Гоголя или Рука у Кортасара (рассказ «Сезон руки»), может начать жить своей собственной жизнью, одушевляется и обретает индивидуальность. В таких случаях возникает новая, как правило художественная, реальность, новое пространство бытования тела.

<sup>28</sup> Сема ‘часть (part)’ вошла в список смысловых примитивов едва ли не с самого начала работ в сфере NSM – **Natural Semantic Metalanguage**, или ЕСМ, то есть **Естественного Семантического Метаязыка**. См., например, книгу А. Вежицкой (Wierzbicka 1972), а из более поздних работ – книгу (Вежицкая 2011а).

<sup>29</sup> О разных возможных интерпретациях таких сочетаний см. также работу (Крысин 2009). Впрочем, в этой работе сочетания слова *часть* с именами соматических объектов подробно не рассматриваются.

В примере (25) *Хотя она сидела под большим зонтом, большая часть ее тела оставалась на солнце* слово *часть* обозначает фрагмент пространства; здесь *часть* можно заменить на *область*. Такое значение слова *часть* (лексема ЧАСТЬ 1) является семантическим примитивом, оно максимально свободно от каких-то смысловых примесей.

Другой тип контекстов и другой случай употребления слова *часть* можно проиллюстрировать вопросом (26) *Какие части тела вы знаете?* На него люди отвечают, называя голову, руки, ноги, возможно, какие-то другие соматические объекты. Вообще, описывая человеческое тело, люди прежде всего описывают его отдельные части, иными словами, концептуализация тела обычно происходит через концептуализацию его частей. При этом, однако, люди рассматривают эти части как бы отдельно от тела, то есть так, как будто целое им неизвестно. Точно так же, отвечая на вопрос (27) *Сколько рук изображено на этой картине?*, мы считаем предметы, а не области и не части целого, хотя нам известно, что руки – это части тела. В обоих контекстах представлено второе значение слова *часть*, передаваемое лексемой ЧАСТЬ 2, ср. *деталь*. Эта лексема означает ‘часть (ЧАСТЬ 1) некоторого целого, рассматриваемая как объект’, а потому ее значение уже не является смысловым примитивом.

**Замечание** (О смысловом элементе ‘рассматриваемый’ и о функциональных заместителях частей тела)

Смысловый элемент ‘рассматриваемый’ следует понимать как ‘рассматриваемый в норме’. Он отражает существующие колебания по поводу отнесения отдельных объектов мира к частям тела. Есть объекты (артефакты), которые заменяют отсутствующие части тела, – это так называемые протезы разного вида, а есть объекты, которые помогают имеющимся частям тела функционировать. К последним относятся, например, костыли, линзы, очки, слуховые аппараты. Наконец, существуют артефакты, которые в одних случаях заменяют части тела, а в других помогают человеку в его деятельности. Таков, например, парик. Когда парик надевают люди, у которых по разным причинам мало волос или их нет вообще, парик заменяет волосы, выполняя одну из их основных функций<sup>30</sup> – эстетическую. Если же парик надевает актер, у которого есть свои волосы, то парик не заменяет волосы, а служит исключительно художественным целям. В этом случае парик может или рассматриваться как часть тела, или не рассматриваться как таковая.

Таким образом, сочетание *часть тела* употребляется и тогда, когда некий артефакт заменяет «настоящую» часть тела. В дальнейшем мы о таких артефактах говорить не будем.

Существуют предложения с сочетанием *часть тела*, где трудно понять, что имеется в виду под словом *часть* – ЧАСТЬ 1 или ЧАСТЬ 2. Например, что имеется в виду под словом *часть* в предложении (28) *Все части ее измученного тела болели* – какие-то области на или в теле (ЧАСТЬ 1) или какие-то телесные объекты (ЧАСТЬ 2)?

Ситуация с частями (ЧАСТЬ 2) тела непростая. Дело в том, что люди нередко называют частями тела те объекты, которые с точки зрения строгой биологической номенклатуры частями тела не является. Иными словами, наивная картина мира, которая находится в сознании рядового носителя языка, устроена в этом отношении более сложно, чем научная картина. Поясним, что мы имеем в виду.

Как мы уже говорили, в биологии и физиологии частями тела называют строго определенные соматические объекты, которые, по-видимому, можно задать только списком. Это руки, ноги, спина, живот, голова и еще некоторые другие объекты, каждый из них со своей

<sup>30</sup> Подробнее о волосах, их признаках и функциях см. §6 гл. III.

структурой и со своими функциями. Все эти объекты видимые, они наиболее известные из всех прочих соматических объектов. Действительно, с ними люди знакомятся в самом раннем детстве: маленькие дети их рисуют, умеют их показывать и говорить о них. Эти объекты являются основными элементами в структуре человеческого тела. Они сравнительно крупные, и все членятся на структурно и функционально определенные части, имеющие стандартные имена. Между тем сами такие объекты не входят в качестве частей в состав других соматических объектов, то есть 'целым' для них является тело и только тело. Все они отличаются высокой степенью связанности с другими телесными объектами и большой культурной, коммуникативной и социальной значимостью. Рядовой носитель языка называет частями тела также и части таких частей<sup>31</sup>. Так, он может отнести к частям тела нос, рот, пальцы, уши и т. п. Вообще, человек может назвать частью тела практически любой телесный объект, ср. предложения (29) *В едином движении перемещать все части тела и осуществлять переходы в плавном, но быстром и импульсивном действии* (А. Яшкин. Стойки в каратэ); (30) *Кажется, не умом и не сердцем, а какой-то другой частью тела* (М. Бергер. Фонетический выбор России).

Сознавая реальное положение дел, мы тем не менее будем придерживаться более строгого членения и считать, что нос, рот, пальцы и уши являются не частями тела, а **частями частей тела, частями частей частей тела** и т. д. Это дает нам возможность построить более дробную классификацию соматических объектов, распределив их по типам. В нашей классификации настоящие (не наивно-языковые) части тела образуют отдельный класс.

В таком подходе есть еще одно преимущество, помимо формальной строгости. Дело в том, что, как показывает анализ нашего материала, у частей частей тела (а также единиц более глубокого уровня членимости<sup>32</sup>) обычно бывает более узкий набор функций по сравнению с набором функций у частей тела; им свойственны также более определенные аномалии, или дисфункции. Морфологию и структурные свойства частей частей тела тоже в общем случае описать проще, чем морфологию и структурные свойства частей тела. Например, чтобы описать форму руки, нужно, помимо формы остальных ее частей и соотношения их друг с другом и с рукой в целом, описать форму пальцев. Таким образом, описание формы целого сложнее, чем описание формы части. Точно так же нетрудно показать, что и структура целого сложнее, чем структура части: в ней содержится и большее число элементов, и более разветвленная и сложная система связей.

Возвращаясь к сочетанию *часть тела* с лексемой ЧАСТЬ 2. Оно настолько употребительно в лингвистических текстах, что создается впечатление о его терминологичности. Так, это сочетание нередко встречается в качестве синтаксически связанного элемента толкований многих слов<sup>33</sup>. Кроме того, термин *часть тела* обычно используется для описания моделей управления предикатных слов и их синтаксической сочетаемости. Например, характеризуя глаголы деструкции (*разрушить, разбить, расколоть, раздробить* и др.), обычно указывают объект или инструмент, с помощью которого совершается разрушение структуры целого, и говорят, что в качестве такого инструмента могут выступать части тела (наряду с артефактами и другими природными объектами). Сочетанием *часть тела* активно пользуются грамматисты при описании закономерностей синтаксического употребления предложных и предложно-падежных форм. Например, в русской грамматике принято выделять родительный падеж со значением 'часть целого', где в роли целого может выступать, наряду с другими объектами, также и тело. Больше того, родительный части тела нередко выделяется как самостоятельный родительный падеж, отличный от других родительных падежей со значением 'часть целого'. Выде-

<sup>31</sup> О типе соматических объектов «части частей тела» см. ниже п. 3.3 §3 гл. I.

<sup>32</sup> Глубина членимости телесных объектов, установленная по разным языкам, не превосходит шести.

<sup>33</sup> Ср. толкования из словаря (Ожегов, Шведова 1999): *голова* – 'часть тела человека (или животного), состоящая из черепной коробки и лица (у животного морды)...', *шея* – 'часть тела, соединяющая голову с туловищем', *ягодица* – 'одна из выпуклых частей тела человека между поясницей и бедрами'.

ление такого самостоятельного падежа можно мотивировать, в частности, тем, что в некоторых контекстах имеет место противопоставление родительного части целого и родительного части тела. Например, предложения, содержащие предложно-падежную форму с родительным части тела, синонимичны соответствующим предложениям с дательным посессора, ср. (31) *Он поцеловал ее руку* (родительный части тела) и (32) *Он поцеловал ей руку* (дательный посессора). Между тем предложения с родительным части целого (не тела!) не синонимичны соответствующим предложениям с дательным посессора. Более того, предложения с дательным посессора чаще всего являются грамматически неправильными, ср. нормальное предложение (33) *Он поцеловал полотнище флага* и аномальное (34) *\*Он поцеловал полотнище флагу*<sup>34</sup>.

А вот еще один пример использования в лингвистических исследованиях термина *часть тела*. Характеризуя употребление некоторых русских предложно-падежных форм, особо отмечают, что сочетания вида *N1 у N2*, где *N1* и *N2* – существительные, причем *N2* стоит в родительном падеже, являются грамматически правильными, если *N1* является частью тела, а *N2* – ее обладателем (ср. правильные выражения *руки у Петра длинные; глаза у Маши голубые*). Однако если *N1* и *N2* связаны отношением «часть целого», но не «часть тела», то такие сочетания допустимы далеко не всегда (ср. аномальные *\*библиография у диссертации; \*действие у драмы; \*цех у завода* при правильных *библиография у диссертации весьма обширная, действие у этой драмы захватывающее* и пр.)<sup>35</sup>.

Заканчивая обсуждение класса соматических объектов *части тела*, подчеркнем еще раз, что принадлежность объекта к этому классу непосредственно вытекает из толкования его стандартного имени.

В заключение параграфа приведем синоптический список значений слова *часть*:

ЧАСТЬ 1 – семантический примитив (в целях пояснения: ‘область некоторого известного целого’); ЧАСТЬ 2 – ‘часть (ЧАСТЬ 1) некоторого целого, рассматриваемая как объект’.

### 3.3. Части частей тела

Ниже из множества частей соматических объектов рассматриваются только части частей тела.

Как правило, части тела состоят из отдельных частей, большинство из которых имеют стандартные языковые имена. Голова состоит из таких частей, как затылок, макушка, лицо, лоб и др. В состав руки входят плечо, локоть, запястье и кисть. В свою очередь, некоторые из перечисленных частей частей тела членятся на более мелкие части, и это уже членение второго уровня. А для некоторых соматических объектов возможно членение третьего уровня. Такова, например, рука. В ней вычленяется часть «кисть», в кисти – часть «пальцы», а в пальцах – часть «подушечки».

По сути дела, мы здесь ввели два понятия – **уровень членимости соматического объекта** и **глубина членимости соматического объекта**. В этой связи встают вопросы: (а) Все ли части тела членятся на какие-то значимые части?; (б) Совпадают ли уровни членимости соматических объектов в научном и бытовом представлении?; (в) Каковы средний и максимальный уровни членимости у соматических объектов в данном языке?

Наличие большого числа уровней членимости и языковых обозначений единиц каждого уровня говорит о том, что язык обладает разветвленной системой имен соматических объектов

<sup>34</sup> О подобного рода явлениях см. подробнее в книгах (Апресян 1995 т. 1, 34 со ссылкой на Wierzbicka 1967; Рахилина 2008).

<sup>35</sup> См. об этих видах сочетаний *N1 у N2Gen* в их соотношении с сочетаниями *N1 N2Gen* в (Крейдлин 1980). Впоследствии этим и другим посессивным конструкциям уделялось очень много внимания. Описывались их структура, семантика и функционирование в разных языках. См., например, работы (Иорданская, Мельчук 1995; Кибрик 1999) и близкие к ним (Кибрик, Брыкина, Хитров 2004; Гращенков 2007).

и что соматический объект, у которого число уровней членимости максимально или близко к максимальному, прагматически хорошо освоен этим языком.

Имена многих соматических объектов имеют в составе толкований одну из семантических структур следующих видов: 'тело', 'часть тела', 'часть части тела', 'часть части части тела' и т. д., которые либо являются семантическими примитивами, либо могут быть сведены к такому. В целях сокращения при толковании таких слов, как *пальцы*, *подошечки*, *мочка*, мы рассматриваем их как обозначающие части соответственно кистей рук, пальцев и уха, то есть толкуем их через семантический элемент 'часть' и ближайшее родовое понятие.

Отметим еще один момент, связанный с соматическими объектами и членимостью их на части. Для жизнедеятельности человека очень важна **специализация** частей тела, а именно выполнение ими определенных действий и функций. Изучение большого языкового и жестового материала показывает, что не только для каждой части тела, но и для каждой части части тела можно указать характерные для нее функции или дисфункции. Например, ладонь участвует в таком действии, как удерживание относительно небольших предметов. Она активно используется также в жестах со значением 'выражение отношения к другому человеку' (ср. жесты **пощечина**, **поглаживание**, **похлопывание**) и обозначает плоскость во многих так называемых **инструментальных жестах** – ср. жест кулаком, имитирующий забивание гвоздя, или жест, условно называемый либо «резать», либо «ножницы». Огромное количество действий выполняется пальцами; труднее указать действия руки, в которых пальцы совсем не принимали бы участия.

Когда встает проблема межъязыкового сопоставления систем соматических объектов, возникает еще один ряд содержательных вопросов: (г) Одинаково ли в разных языках членятся соматические объекты, имена которых эквивалентны друг другу?; (д) Каковы имена единиц среднего и максимального уровня членимости для данного естественного языка?

Полные и аргументированные ответы на них можно будет, однако, дать только при наличии лингвистического и, шире, семиотического описания всех телесных объектов для каждого рассматриваемого языка и культуры.

У частей частей тела, как и у самих частей тела, есть свое, присущее только им анатомическое строение, функции, культурная и коммуникативная значимости. У лба функции иные, чем у затылка, а у век – иные, чем у зрачков. Слово *лоб* может использоваться как обозначение твердолобого, туповатого человека (ср. слово *твердолобый*, которое является дериватом языкового выражения, передающего значение /твердый/ признака «твердость лба», см. подробнее об этом в §7 гл. III), а слово *затылок* в качестве такого обозначения не используется.

Отметим, что информация о том, что данное имя соматического объекта или языковое выражение, обозначающее некоторый признак объекта или значение признака, могут быть в данном языке именами человека или кличками, является важной языковой и вместе с тем значимой культурной информацией. Ей место в разного рода словарях языка и культуры; при этом в толковом словаре она может представать в виде коннотации, отдельного значения или особого употребления слова.

Обращают на себя внимание именные группы с одинаковыми словами – обозначениями частей частей тела. Мы имеем в виду, в частности, такие единицы, как *пальцы рук* и *пальцы ног*, или структурно более сложные выражения, такие как *ногти пальцев рук* и *ногти пальцев ног*. Несмотря на внешнее сходство членов соответствующих друг другу пар, каждый из них обозначает свою часть части тела. С точки зрения биологии пальцы руки являются частями кисти, но в языке мы не употребляем сочетание *??пальцы кисти*; с точки зрения русского языка *пальцы руки* являются частью руки (см. об этом также (Рахилина 2008)). Точно так же не говорим мы и *пальцы ступни*, а только *пальцы ноги*, и пальцы ноги с языковой точки зрения являются исключительно частями ноги. Таким образом, мы получаем отрицательный ответ на поставленный выше вопрос (б), а именно научное (биологическое) и наивное (языковое)

членения целого на части могут не совпадать. Поэтому следует различать **биологические <соматические> объекты** и **языковые <соматические> объекты**.

Сопоставим сочетания *пальцы рук* и *пальцы ног*. Помимо местоположения и некоторых особенностей строения, пальцы рук и пальцы ног различаются главным образом функционально: пальцами рук люди в норме выполняют на порядок больше действий, чем пальцами ног. В частности, многие русские жесты исполняются при активном участии пальцев рук, но есть очень мало общеупотребительных жестов, в которых участвовали бы пальцы ног. Далее, у каждого из пальцев рук в русском языке есть свое имя – *большой, указательный, средний, безымянный, мизинец*, а из пальцев ног стандартное название имеет только большой палец (и очень редко употребляется применительно к ногам имя *мизинец*). Этот факт тоже является свидетельством различия по степени значимости пальцев рук и пальцев ног.

Анализ вербального и невербального материала показывает, что разные части одной и той же части тела, как правило, противопоставлены не только функционально и не только номинативно. Например, ладонь и указательный палец, будучи частями кисти руки, отличаются своей формой, размером, строением, степенью участия в разного рода важных действиях (в частности, в жестовых движениях), а также символизацией. Так, указательный палец, в отличие от ладони, участвует в реализации многих **указательных**, или **дейктических жестов**<sup>36</sup>, а ладонь, в отличие от указательного пальца, широко используется в русских **жестах приветствия и прощания**.

Указательный палец является особенно значимым среди пальцев руки: он принимает активное участие в разных действиях, ритуалах и символических актах. Например, он служит для привлечения внимания к словам или мыслям, которые жестикулирующий считает особенно важными (ср. жест **поднять палец**). Кроме того, поднятый вверх указательный палец является **иконическим** невербальным знаком<sup>37</sup>, выражающим такие смыслы, как 'важность' (ср. стилистически маркированное языковое выражение *перст указующий*, называющее данный жест), 'единичность, один' (например, при счете или исчислении людей и предметов; ср. вербально-невербальный диалог, характерный для коммуникации молодых людей: – *Вы придете вдвоем?* – в ответ человек поднимет указательный палец, обозначая этим, что придет один).

Хотя части соматического объекта разных уровней языковой членимости, как правило, отличаются своими обозначениями, анатомическим строением и функциями, было бы неверным считать, что части одного соматического объекта всегда имеют разные функции. Так, разные части одного объекта могут с одинаковым успехом участвовать в одних и тех же действиях, в норме приводящих к одному и тому же результату, то есть иметь общие функции. Постучать в дверь, например, можно и костяшками пальцев, и кулаком, то есть разными частями кисти руки, и в обоих случаях ожидается одинаковый результат: дверь откроют. Отметим, что оба описываемых действия могут обозначаться как одинаково (например, глаголом *постучать(ся)*), так и по-разному (ср. *стучать костяшками* и *стучать кулаком* vs. *колотить, дубасить* (кулаком)).

Для русского языка можно постулировать правило синонимического перефразирования предложений типа (35) *Глаза Маши смотрели на меня с любовью* и (36) *Машиа смотрела на меня с любовью*, то есть предложений, в которых именные группы вида «часть части тела + имя ее обладателя» вступают в метонимическое отношение с именем обладателя. Синонимия, о которой идет речь, является контекстно обусловленной. Аналогично, в некоторых контекстах являются взаимозаменяемыми слова *ладонь* и *рука*, то есть слово, обозначающее 'часть части тела', и слово, обозначающее 'часть тела' (ср. *протянуть ладонь для рукопожатия* и *протя-*

<sup>36</sup> См. о них работы (Крейдлин 2007; 2008б).

<sup>37</sup> Об иконических жестах см. подробно §1 гл. V т. 2 настоящей монографии.

нуть руку для рукопожатия). Разумеется, как и в первом случае, такая замена допустима далеко не всегда, то есть не во всех контекстах, ср., например, нормальное сочетание *руки-крюки* и аномальное \**ладони-крюки*. Описание подобных случаев контекстной синонимии, как всегда, предполагает полное и точное описание ее условий и фильтров-запретов на замену (на сегодняшний день мы таковым описанием еще не располагаем). Отметим, что метонимическая замена «части» на «целое» является обычной для русского языка, ср. *На дереве сидит птичка / На ветке сидит птичка*.

Из трех референциально эквивалентных обозначений объекта – с использованием номинации части части тела, номинации части тела и номинации <тела> человека – мы чаще пользуемся именем человека. Например, мы намного реже говорим (если вообще когда-нибудь говорим) ??*Кисти рук Пети подняли стул* или ??*Руки Пети подняли стул*, чем *Петя поднял стул*. Этому языковому факту можно предложить следующее объяснение. В разговоре о других людях мы гораздо охотнее обсуждаем связанные с ними события, чувства, состояния, мысли, чем части их тел или части частей их тел. Для того чтобы именно часть тела человека стала коммуникативно значимым и актуально важным предметом сообщения, нужны особые коммуникативные или прагматические условия.

В заключение раздела отметим, что, подобно тому, как мы здесь выделили части частей тела, можно (и нужно) выделять классы частей других соматических объектов (частей кости, частей волос, частей желудка и др.). Не описывая сами эти классы, мы позже остановимся на отдельных их элементах.

### 3.4. Органы

Еще один важный класс соматических объектов составляют **органы**.

Если в определении того, что представляют собой тело и его части, на передний план выступают структурные, или, как чаще говорят биологи, морфологические, характеристики (форма, размер, местоположение в теле, ориентация и ряд других характеристик<sup>38</sup>), то когда речь идет о телесных органах, на передний план выступают уже не структурные, а **функциональные** характеристики, прежде всего **функции** (подробно о функциональных признаках и их разновидностях см. §10 гл. II).

На то, что в слове *органы* высвечиваются идеи функций и функциональной организации соматического объекта, указывают большинство переносных значений слова *орган*, ср. *орган* 2 ≈ ‘элемент структуры власти’ (*судебные органы, орган здравоохранения*) или *орган* 3 ≈ ‘печатное издание, выражающее идеологию какой-то организации’, см. предложения (37) *Газета «Наша дача» – орган Союза садоводов России, издается с 19 декабря 1921 года* и (38) *«Рабочая газета» – нелегальный орган кружка «Народная воля»*.

Не все объекты из класса органов имеют в языковой картине мира четко определенные функции, подобно тому как не все части тела имеют ясно выраженные структурные или физические признаки. Например, только специалисты и люди, особенно интересующиеся строением и свойствами человеческого тела, знают, какую функцию имеют селезенка или слепая кишка.

На многие телесные объекты можно смотреть как минимум двояким образом, а именно относить их к одному или к другому типу, например к частям тела или к органам. Принадлежность к первому из этих типов высвечивает структурные характеристики объекта, а принадлежность ко второму – функциональные. В таких случаях мы говорим о **двойной, тройной** и т. д. **референтной отнесенности** данного имени, то есть о **множественной референт-**

<sup>38</sup> Ср. определения некоторых слов, обозначающих части тела, в работах А. Вежицкой (Вежицкая 1999; 2011) и ее коллег (Language Sciences 2006).

**ной отнесенности**, а указанное свойство имени соматического объекта называем **полиреферентностью** (см. об этом свойстве подробнее в следующем разделе). Так, на вопрос «Глаза – это часть тела или орган?» разумным ответом является «И то и другое». Действительно, когда говорят, что *Глаза находятся на лице*, когда характеризуют глаза человека как *большие* или *маленькие*, *голубые* или *карие*, когда говорят, что *Глаза выступают на лице* или *глубоко посажены*, – во всех этих случаях глаза понимаются как часть тела. А когда говорят, что *глаза хорошо* или *плохо видят*, что *они устали* или *пристально вглядываются в кого-то*, – во всех этих случаях речь идет о глазах как органе зрения. Высказывание \**Глаза – это орган лица* недопустимо точно так же, как недопустимым является высказывание \**Глаза – это часть зрения*. Правильными будут высказывания *Глаза – это часть лица* и *Глаза – это орган зрения*.

Слово *часть* сочетается с именем соматического объекта, а слово *орган* – с названием функции. Однако такая сочетаемость, по всей видимости, лексически ограничена. Например, хотя у ног четко выделяется в качестве основной функция «ходить», не говорят ??*Ноги – это орган ходьбы*. У языка две основные функции. Одна из них состоит в том, что язык, наряду с зубами и слюной, участвует в переработке и потреблении пищи, а другая – в том, что язык участвует в производстве речи. При этом можно сказать *Язык – это орган речи*, но едва ли говорят ??*Язык – это орган переработки пищи*.

**Замечание** (Об особенностях толкования полиреферентных имен соматических объектов)

В связи со сказанным возникает важная семантическая и лексикографическая проблема, а именно: какой должна быть структура толкования полиреферентных имен соматических объектов, то есть следует давать им антропоморфные (структурные) или функциональные толкования? Иными словами, *глаза* – ‘часть лица,..’ или *глаза* – ‘орган зрения,..’?

Мы предлагаем следующее решение этой проблемы, единое для всех полиреферентных имен. Основным компонентом толкования имени соматического объекта должен быть пропозициональный компонент, который определяет место этого объекта в предлагаемой нами классификации. Так, коль скоро мы отнесли глаза к частям частей тела (частям лица), толкование слова *глаза* должно вводиться пропозицией ‘часть лица’, а функциональные характеристики должны вводиться с помощью дополнительной пропозиции, причем в обязательном порядке.

У органов есть и другие характеристики, отличающие их от частей тела. В норме органы являются **внутренними соматическими объектами** – в норме, потому что, как мы только что видели, глаза – это орган зрения и притом видимый орган, хотя и вместе с тем часть лица. Нос, так же как и глаза, является частью лица и видимым органом, а именно органом дыхания. А язык является органом речи, в норме невидимым, хотя он бывает видимым в некоторых поведенческих актах, в том числе жестовых. Например, язык становится видимым, когда врач просит человека показать язык, когда ребенок высовывает язык, усердно рисуя что-то, или в жесте-«дразнилке» **показать язык**. К внутренним соматическим объектам относятся также почки, печень, селезенка, кишки, желудок и некоторые другие. В русском языке эти объекты так и называются – *внутренними органами*. Сочетание *внутренние органы* часто интерпретируется как термин, и в этом случае прилагательное *внутренний* опустить нельзя. В то же время сочетание *внешние органы* не существует; оно используется только в контексте противопоставления внутренним органам.

Внутренние органы – объект очень важный для медицины – как научной, так и народной. Не случайно в русском языке есть сочетание *внутренние болезни*, за которым скрываются

ются болезни внутренних органов. Существуют специалисты по внутренним болезням, есть книги и учебники, которые так и называются «Внутренние болезни» (см., например, учебник Е. М. Тареева (Тареев 1957)), есть народные целители, пытающиеся лечить такие болезни, и т. д. Между тем сочетания \*внешние болезни в русском языке нет, как нет и специалистов по таким болезням.

Еще одним характерным свойством органов человека является то, что они объединяются в сложные системы, каждая из которых выполняет свои существенные для жизни и деятельности человека функции. Мы сознательно используем здесь слово *системы*, а не *совокупности*, поскольку и для языка, и для жизни важны не только сами единицы, входящие в объединения, но и отношения между ними, а под словом *система* в его основном значении понимается ‘множество с заданными на нем отношениями’. Присущая телесным органам и их обозначениям способность объединяться в системы проявляется в регулярном использовании ряда языковых средств. К таким средствам относятся, во-первых, граммы множественного числа при слове *орган* со значением ‘класс’, а не со значением арифметической множественности<sup>39</sup>, ср. *органы чувств*, *органы жизнедеятельности*, *половые органы*. Во-вторых, это группа лексических средств – маркеров объединения, ср. сочетания *система пищеварения*, *пищеварительная система*, *пищеварительный аппарат*, *пищеварительный тракт*, *мочеполовая система*, *иммунная система*, *сердечно-сосудистая организация*, *артикуляторный аппарат*. В этих сочетаниях слова *система*, *организация*, *тракт*, *аппарат* являются именами совокупностей внутренних органов (впрочем, не одних только внутренних органов, см. об этом ниже), а слова *пищеварение*, *мочеполовая*, *иммунная* и т. п. обозначают соответствующие функции.

#### Замечание (О словах *внутренности* и *нутро*)

В русском языке для обозначения совокупности органов брюшной и грудной полости существуют особое слово *внутренности* и близкое ему по смыслу просторечное слово *нутро*. Отметим, что в этом значении слово *внутренности* имеет грамматическую форму Pl. tant., а *нутро* – форму Sg. tant.

Важным является членение телесных органов на **реальные**, или **действительные**, и **нереальные – имагинальные**, или **представляемые**. К последним относится, например, *душа*. О том, что *душа* с языковой точки зрения является обозначением органа, много и подробно писали разные лингвисты, в частности А. А. Вежицкая и Е. В. Урысон<sup>40</sup>. В работах Е. В. Урысон указаны некоторые свойства представляемых органов, которые отличают их от реальных органов. В частности, для души указывается возможность ее перемещения в пределах тела и даже выхода за пределы, тогда как у реальных органов, как и у частей тела, локализация постоянная. В дополнение к наблюдениям Е. В. Урысон относительно языковых характеристик представляемых органов укажем на особые обозначения аномальных состояний таких органов, их болей и болезней, а также на использование особых средств лечения, отличающихся от средств лечения реальных органов. Например, для представляемых органов трудно указать какие-то конкретные виды патологий; можно указать лишь самые общие их болезненные состояния (ср. *душа болит*, *ноет*). Между тем для реальных объектов существуют отдельные разновидности патологий, требующие лечения (ср. *сердце колет*, *палец гноится*, *глаза слезятся*, *волосы ломаются*, *кожа шелушится*).

<sup>39</sup> О значениях множественного числа существительных см., например, (Русская грамматика 1980). Термин **арифметическая множественность** взят нами из работы (Поливанова 1983).

<sup>40</sup> См. об этом (Вежицкая 1996; Урысон 1999), а также составленную Е. В. Урысон словарную статью слова *душа* в (НОСС 2004).

Поскольку внутренние органы являются невидимыми, многие традиционные культуры наделяют их символическими, прежде всего магическими, свойствами<sup>41</sup>. Так, многие культуры стран Азии приписывают им функции хранилищ разного рода чувств или свойств характера. Китайцы считают, что в желчном пузыре спрятано мужество, причем величина желчного пузыря непосредственно коррелирует со смелостью человека. Желчный пузырь, как отмечено в «Трактате Желтого Императора о внутреннем», отвечает за решительность и храбрость. И когда желчный пузырь в недостатке, человек становится робким и затрудняется принять решение, см. (Су-Вэнь 2007). В японском языке существует важное в культурном отношении слово *hara*, одно из значений которого – ‘живот’, а другие значения – ‘сердце’, ‘ум, разум’, ‘намерения’, ‘мужество’, ‘сила воли’ (Конрад 1970, 441). Со словом *hara*, по представлению японцев, связаны такие свойства человека, как мужество и сила воли. Кроме того, как свидетельствуют многочисленные языковые данные, в японской языковой картине мира внутреннее «Я» человека, то есть его представляемый орган «душа», тоже размещается в животе. Б. Мак-Вей в этой связи пишет (MacVeigh 1996, 38): «How one stands and holds one’s stomach indicates one’s level of spiritual and moral development» (‘то, как человек стоит и держит свой живот, указывает на уровень его морального и духовного развития’ (перевод наш. – *Авторы*)).

Исследователь приводит целый ряд японских слов и выражений, соотносящих живот с физическим или психическим состоянием человека, его отношением к другим людям или событиям (там же, 40), ср. *hara ga tatsu* (‘сердиться’, букв. ‘живот стоит’), *hara o miseru* (‘показывать великодушие’, букв. ‘показать живот’), *hara o sueru* (‘решиться на что-либо’, букв. ‘установить живот’) и др. Характеризуя позу человека словами, что тот *держится прямо, собран*, японец говорит буквально *Его живот подтянут*, тем самым утверждая наличие у него *hara*. Все эти свойства в совокупности говорят о том, что человек обладает внутренней силой, что он держится с внутренним достоинством.

В русском языке и русской культуре тоже есть один реальный соматический объект – орган человеческого тела, который резко выделен по сравнению с другими. Этот орган – сердце (например, мозг не так выделен в языковом и культурном отношении, как сердце, а душа, тоже выделенный объект, является не реальным, а представляемым органом). За сердцем закреплены важнейшие функции и человеческого тела, и самого человека<sup>42</sup>. Не только в русской, но и в очень многих других мировых культурах сердце может рассматриваться как вместилище и как орган человеческих переживаний и настроений, как средоточие забот и переживаний о другом человеке, см. предложение (39) *Сердце, тебе не хочется покоя*.

Сердце в русской культуре может мыслиться как орган и хранилище любви (существует даже специальное изображение для символического выражения любви и близких к ней чувств, непосредственно связанное с сердцем). Сердце помнит, ср. выражение *память сердца*, и чувствует радость и боль, ср. предложения (40) *Его сердце хранит самые лучшие чувства и воспоминания о ней* и (41) *Сердце болит за тебя*.

#### **Замечание (О религиозной символике сердца)**

Особенно разнообразной выглядит религиозная символика сердца, которая ярко подчеркивает то место, которое занимает в культурном и языковом сознании этот соматический объект. Так, иудаизм видит в сердце источник жизни, ср. предложение (42) *Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни* (Притч. 4: 23), и центральный орган человеческого тела, объединяющий дух, душу и тело и связывающий их

<sup>41</sup> Отсюда, впрочем, не следует, что магические свойства приписываются исключительно внутренним органам и не приписываются никаким другим видам соматических объектов.

<sup>42</sup> О них, а также об антропологии и культурных стереотипах в разных культурах, о структурных и о физических характеристиках сердца см., например, в книге (Хейстад 2009).

в человеке. Иудаизм и христианство рассматривают сердце какместилище многообразных душевных волнений и чувств. Сердце может ощущать подавленность (см. Пс. 33: 19) и печаль (см. Ин. 16: 6), скорбь (см. 2 Кор. 2: 4) и радость (см. Ин. 16: 22). По Библии, сердце является внутренней сущностью человека, ср. предложение (43) *Если человек смотрит на лицо, то Бог – на сердце* (1 Цар. 16: 7). Христианской символике сердца и ее отражению в русском языке посвящена работа (Шлепин 2013).

В исламе отношение к сердцу неоднозначное. С одной стороны, сердце называют *чистым*, говорят, что оно «*светится светом веры и не подвержено искушениям и прихотям. Когда его одолевают искушения, оно отражает и отталкивает их, увеличивая внутренний свет*» (Сайда Хайат. Два вида сердца в исламе). С другой стороны, сердце – «слабое», так как поддается разным соблазнам и искушениям, к которым относятся разрушительные страсти и сомнения. Страсти ведут к уклонению и отходу от высшей Цели и правильных намерений, а сомнения разрушают веру и подлинное знание<sup>43</sup>. После приятия очередного соблазна такое сердце «покрывается черным пятном греха, пока полностью не потемнеет» (там же). И тогда оно перестает отличать добро от зла и начинает потакать каждой прихоти своего хозяина. Чистое же сердце ислам считает органом интеллектуальной и духовной жизни, в котором хранится все то, что человек полагает самым сокровенным, разумным и правдивым. Это духовный центр, абсолютный разум и просветление.

Отдельно укажем на такую особенность иудаизма, как подчеркивание в разного рода религиозных текстах тесной связи сердца и жизни в духовном плане. Сердце рассматривается как жилище духа. Оно является также органом чувств, а чувства человека в наибольшей мере отождествляют с самим человеком, с его сущностью. В Торе (Дварим 4, 39) говорится: «Познай же ныне и положи на сердце твое, что Господь есть Бог». Наконец, сердце в иудаизме считается источником понимания; причем понимание, согласно иудаизму, зависит от чувства. Мысль «настоящая» (а для подлинного понимания недостаточно внешнего знания, то есть той мысли, которая находится в мозгу человека) выражает внутренние чувства и желания человека и находится в сердце, так как сердце – источник чувств. Таким образом, в иудаизме сердце как источник духа, чувств и понимания отождествляется с самим человеком больше, чем какие-либо другие соматические объекты.

В буддизме сердце – это само существо природы Будды, а в даосизме сердце считается местом разума и центром понимания. Так, китайское слово *xin* чрезвычайно многозначно: оно обозначает не только сердце, но и разум, чувство, образ жизни; намерение; центр. Согласно статье (Jing 2013), значение и понятие *xin* «are deeply rooted in Chinese culture and reflect important idiosyncratic cultural qualities» ‘глубоко укоренились в китайской культуре и отражают важные культурные качества, свойственные именно этой

---

<sup>43</sup> Концепты «страх» и «сомнение» издавна находятся в центре не только религиозных, но также философских, лингвистических и художественных концепций. Например, о ценностной ориентации человека и о преодолении страхов и сомнений на пути человека к Богу идет речь в поэме «Fears and Scruples» («Страхи и сомнения») английского поэта Роберта Броунинга, опубликованной в 1876 году. О лингвокультурных аспектах концептов «страх» и «сомнение» см., например, в работах (Вежицкая 1999; Иоанесян 2015; Копосов 2004; Никольская 2009; Рагозина 1999; Юровицкая 2005). О философских аспектах страха и сомнения см., например, сочинение Рене Декарта 1664 года «Первоначала философии» (цит. по (Декарт 1989)), а также работы (Wittgenstein 1969; Свендсен 2010).

культуре' (с. 75). Переводные эквиваленты слова *xin* не могут передать все те культурные коннотации, которые в нем спрятаны и которые выступают на передний план в религиозных, философских, художественных, медицинских и спортивных текстах, а также в более чем 500 фразеологических единицах, входящих в ядро бытового лексикона (Jing 2013).

До сих пор, говоря о частях тела и органах, мы в основном подчеркивали их отличительные особенности. Однако у этих классов соматических объектов есть много общего. Помимо того, что и части тела, и органы – это соматические объекты, и те и другие обладают внутренней структурой и возможностью членения на более мелкие прагматически освоенные части. Кроме того, и части тела, и органы объединяются в некоторые группы, которые ввиду их важности получают особые языковые обозначения. Эти объединения в группы происходят на основании тех признаков, которые присущи телесным объектам. Мы имеем в виду группы, обозначаемые как *отверстия* (ср. *ушное отверстие (ухо)*, *ротовое отверстие (рот)*, *заднепроходное отверстие (задний проход)*), *вместиллица* (*рот, нос, живот*), *конечности – верхние конечности (руки)* и *нижние конечности (ноги)*.

Про такие группы мы можем сказать следующее: (1) их имена – слова *отверстие* и *вместиллице* – входят в основной лексический фонд русского языка, причем сфера употребления этих слов, в отличие от слова *конечность*, простирается далеко за пределы телесной лексики; (2) приводимые языковые обозначения принадлежат скорее не к повседневному, бытовому языку, а к языку научному. Слова *отверстие* и *вместиллице* мы используем в качестве единиц метаязыка для обозначения соответствующих групп.

**Замечание** (О необычных объединениях частей тела и органов и о национально-культурной специфике их языковых обозначений)

В разных языках и культурах части тела, части частей тела и органы могут объединяться весьма своеобразно. Так, в языке хинди в один класс соматических объектов объединяются объекты «рука», «нога», «язык», «половой орган» и «задний проход». Доказательством этого является наличие в хинди особого слова *karmendriyaan*, обозначающего (в форме множественного числа) данный класс. Форма единственного числа этого слова – *karmendriy* – обозначает произвольный, один из перечисленных пяти элементов данного класса, см. об этом подробнее (Rishi 2003). Ср. в этой связи русскую пару *органы – орган*.

### 3.5. Кости

Перечислим сначала основные разновидности костей вместе с их типовыми, входящими в центр множества имен соматических объектов русскими именами<sup>44</sup>. Согласно материалам, содержащимся в Национальном корпусе русского языка<sup>45</sup> и электронных сайтах, все перечисляемые объекты с их стандартными именами известны взрослым людям, весьма далеким от специальной, в частности научной, деятельности. К классу костей относятся, помимо <собственно> костей, барабанная перепонка, бедро, висок, голеностоп, <межпозвоночный> диск, затылок, зуб, кадык (адамово яблоко), ключица, колено, копчик, косточка <пальца>, крестец, лоб, локоть, лопатка, лучевая кость, мениск, <носовая> перегородка, переносица, плечо, под-

<sup>44</sup> В биологии и медицине едва ли не каждая кость человеческого тела имеет свое название, но простые, неискушенные люди таких названий не знают.

<sup>45</sup> Далее в тексте монографии для обозначения этого ресурса мы будем иногда использовать сокращённое название Национальный корпус или аббревиатуру НКРЯ.

бородок, позвонок и позвоночник, предплечье, ребро, скелет, скула, слуховая косточка, стрелочко, сустав, таз, хрящ, <коленная> чашечка, челюсть, череп, щиколотка (лодыжка).

Разумеется, не все эти телесные объекты в равной степени известны обычному человеку: одни объекты и их обозначения знает даже ребенок, в то время как другие не очень хорошо знакомы даже образованному взрослому. Как это обычно бывает с телесными объектами, многие из них становятся известны людям не с раннего возраста, а позже, когда люди сталкиваются с ними в жизни: познакомились с ними на уроках в школе, прочитали о них в книгах, услышали о них по радио или телевидению, но чаще всего люди узнают об этих объектах и их названиях, когда у них самих или у их близких что-то болит или плохо работает.

У разных видов костей есть много общих свойств. Среди них выделим: (1) локализацию внутри тела; (2) наличие разнообразных способов соединения и объединения костей – множества, структуры, сочленения и др.; (3) патологии (аномалии строения, травмы, боли и болезни и др.) и нарушения нормального функционирования костей; (4) многообразные способы лечения болезней костей; (5) богатые связи всех видов костей с соматическими объектами других типов, прежде всего со смежными соматическими объектами и с местами на или в человеческом теле (мышцами, связками, тканями, сосудами, телесными покровами и жидкостями); (6) участие многих видов костей в жестах самых разных семиотических типов, включая жесты рук, ног, плеч; позы, знаковые телодвижения и др. (например, костяшки пальцев участвуют в жесте **постучать в дверь**, локоть – в жесте **толкнуть <локтем> в бок**) и в невербальных ритуалах<sup>46</sup>; (7) нетривиальные возрастные, гендерные и другие социальные признаки костей; (8) особую роль костей в характеристике внешнего облика человека, в этике и эстетике его поведения.

Каждый вид костей характеризуется следующими признаками: форма (ср. сочетание *выпуклая кость*), размер (*широкие скулы*), цвет (*пожелтевшие зубы*), внутренняя структура (*полая кость*), каритивность, или недостаточность, чего-то, что в норме должно быть в костях (выражение *кости скрипят* обозначает состояние костей, в которых недостаточно смазки, жира), <относительная> подвижность (ср. выражение *играть скулами* или *двигать локтями*). Большинство костей обладают свойством твердости (исключение – не в патологическом случае – составляют мелкие *косточки* и особые мягкие кости – *хрящи*), благодаря чему кости формируют остов тела.

Класс костей делится на два больших подкласса. Элементы первого подкласса с языковой точки зрения являются костями, множествами, объединениями или сочленениями костей. Именно так воспринимают соответствующие объекты обычные люди. Соматические объекты из этого подкласса являются референтами таких слов (взятых в их исходных значениях), как *кость*, *череп*, *сустав*, *ребро*, *позвонок*, *хрящ*, *ключица*, <коленная> *чашечка* и др. Второй подкласс составляют объекты, которые с языковой точки зрения являются прежде всего частями тела или частями частей тела. Сказанное означает, что в большинстве коммуникативных актов и текстов люди относятся к словам, обозначающим данные объекты, как к именам частей тела или именам частей таких частей. Между тем центральным, если не единственным формо- и структурообразующим компонентом в них является кость, а потому во многих других контекстах такие слова, как, например, *локоть*, *лоб*, *бедро* или *колени*, могут интерпретироваться именно как кости (ср. *лоб* – *лобная кость*, *бедро* – *бедренная кость*), то есть в этих контекстах они имеют другие значения или другой тип употребления.

Резюмируя, можно сказать, что слова *локоть*, *колени*, *зуб*, *таз* и ряд других обладают свойством полиреферентности, то есть, напомним, множественной (двойной, тройной и т. д.) референтной отнесенности. Это оправдывает включение данных объектов в класс костей (не говоря уже о том, что биологи и медики относят их к костям). См. в этой связи показательные

<sup>46</sup> О них см. далее §6 гл. V т. 2, а также статью (Крейдли, Переверзева 2013).

сочетания, такие как *лобная кость*, *плечевая кость*, *тазовая (тазобедренная) кость*, *челюстная кость*.

Телесные объекты, относящиеся ко второму подклассу, в отличие от объектов первого подкласса, участвуют в производстве многих русских жестов – либо в роли активного, либо в роли пассивного органа, то есть служат или основным инструментом в производстве жеста, или местом исполнения жеста. Примерами жестов, которые мы здесь имеем в виду, являются единицы **преклонить колени**, **стоять на коленях**, **поставить на колени**, **положить голову кому-л. на колени**, **уткнуться в колени**, **ломать через колено**; **работать локтями**, **опереться локтями** (когда человек задумался и его голова покоится на руках), **взять под локоть**; **дать в лоб**, **поцеловать в лоб**, **щелкнуть по лбу**. Многие из этих невербальных знаков и их имен актуализируют главное физическое свойство костей – твердость.

Некоторым костям в каждом из двух указанных подклассов присуща вариативность названий (см. ниже об общих свойствах имен костей) – даже в пределах русского литературного языка, не говоря уже о диалектах; ср. *позвоночник* и *хребет*, *лодыжка* и *щиколотка*, *коленная чашечка* и *надколенник*, *кадык* и *адамово яблоко* – две последние единицы называют ‘выступ гортани’.

Имена костей, как и сами кости, тоже имеют целый ряд общих свойств. Среди них: (1) большая вариативность в номинациях костей, ср. *кадык* и *адамово яблоко*, *косточки пальцев* и *костяшки пальцев*; (2) наличие особых имен костей, в семантику которых входит значение определенных признаков костей (ср. *моляры* (*коренные зубы*), *мослы*, *позвонок*, *мениск*, *хрящ*, *чашечка* и др.); (3) множественная референтность и разнообразная структура полисемии; (4) своеобразная метонимия во множестве имен костей (например, *скелет* – это не только структурно оформленное множество костей, но и обозначение очень худого человека; ср. также выражение *рабочая косточка*); (5) разветвленные формальные модели словообразования и нетривиальная словообразовательная семантика дериватов (см., например, производные от *кость* слова *косточка* <на большом пальце ноги>, *надкостница*, *костяшки*, *костный* (*костная ткань*), *костяк*, *костлявый* и др.); (6) обширное поле фразеологии и ее смысловое и формальное разнообразие; (7) вхождение большого числа имен костей в состав языковых обозначений межличностных отношений (ср. сочетания *перемывать кому-либо косточки*, *иметь зуб на кого-либо*); (8) участие имен костей в так называемых **конструкциях уровня**<sup>47</sup>, ср. *до бедра*, *по колено*, *по ключицы*, или в соматизмах со значением крайней степени какого-то свойства или признака, см. сочетание *продрог до костей* и предложение (44) *Студента погубило то, что он был интеллигент до мозга костей* (А. Аверченко. Русская история); (9) богатая культурная символизация.

Детальный анализ отдельных костей, признаков костей и языковых имен костей и признаков читатель найдет в §7 гл. III.

### 3.6. Покровы

Телесные покровы делятся на три большие группы: **волосяной покров**, или **волосы**, **роговой покров**, или **ногти**, и **кожный покров**, или **кожа**.

Наибольшее внимание лингвисты и специалисты в области невербальной семиотики уделяли коже, что не удивительно, поскольку кожа является основным соматическим объектом, участвующим в актах касания и, шире, актах тактильного восприятия мира. Коже посвящена ставшая классической книга Э. Монтегю (Монтегю 1971), а также работы (Burton, Heller 1964; Jibson 1966; Минц 1969; Heslin, Alper 1983; Вутен 1998 и др.). Из относительно недавних работ отечественных лингвистов на эту тему можно указать чрезвычайно содержательную статью

<sup>47</sup> О термине **конструкция уровня** и семантике различных конструкций уровня см., например, работу (Шеманаева 2008).

(Березович, Седакова 2013), посвященную слову *кожа* и его производным в славянских языках, а также словарную статью «кожа» и связанные с ней статьи в словаре (Славянские древности 1995–2012). Что касается волосяного и рогового покровов, то им лингвистами и семиотиками внимания уделялось значительно меньше. Нам неизвестны также отечественные или зарубежные работы, в которых изучались бы общие свойства всех трех видов телесных покровов. Поэтому именно на этих свойствах мы остановимся в данном разделе.

Прежде всего отметим, что класс телесных покровов назван так по основной функции всех объектов, образующих этот класс. Общая функция покровов – закрывать части тела, части частей тела и органы, предохраняя соматические объекты от возможных внешних нежелательных воздействий и повреждений. Между тем у отдельных видов телесных покровов есть свои, присущие только им, функции. При этом среди покровов есть как те, у которых эти функции выражены четко, так и те, все функции которых до конца не выяснены.

Из функций телесных покровов особенно важными являются те, которые наиболее полезны для жизни и деятельности человека. Так, волосы на голове выполняют важные защитную и эстетическую функции, а волосы под мышками или на ногах относятся к рудиментам, функции которых остаются неясными; больше того, такие волосы люди часто полностью выбривают, считая их некрасивыми или ненужными<sup>48</sup>.

Не только волосы на голове, но и ногти обладают защитной функцией (они защищают мягкие ткани пальцев от повреждений) и эстетической. Поэтому за волосами на голове и за ногтями принято *ухаживать*. Существуют разнообразные социальные практики и приемы ухода за волосами и ногтями, которые едва ли не все имеют в русском языке специальные обозначения. Так, волосы на голове *причесывают, завивают, укладывают, красят* и др.; ногти *подпиливают, красят, полируют*; люди *делают маникюр, педикюр* и т. п. Поскольку от состояния волос на голове и ногтей зависит эстетическая привлекательность человека, его внешности, за ними *следят* на протяжении всей жизни. Когда ногти и волосы длинные или имеют некрасивую форму, их *стригут*. Впрочем, некоторые – и особенно это касается детей – ногти *грызут*. Детей, которые грызут ногти, родители пытаются отучить от этой вредной привычки; тем не менее у некоторых людей такая привычка сохраняется в течение жизни.

Слова *волосы* <на голове> и *ногти* обладают двойной референтной соотнесенностью, поскольку обозначают не только телесные покровы, но и части соответственно головы и рук (ног). Волосы и ногти объединяют не только указанные свойства: они являются культурными символами многих событий, явлений и процессов. Так, в ряде культур, в том числе и русской культуре, волосы на голове связывались с жизненной силой (вспомним также библейского Самсона). По фольклорным представлениям русских людей, жизненная сила человека заключена в волосах. Отдельные виды и качества волос тоже получают символическое осмысление<sup>49</sup>. В риторике известен прием, получивший название **бестиализация**, внутри которого определенные действия с волосами играют существенную роль. А именно, оратор с целью внушить аудитории страх или ужас с помощью такого приема перевоплощался в чудовище или дикого зверя. Желая быть более убедительным, обрушить на чью-то голову град проклятий или привести аудиторию в более агрессивное состояние, он вздымал волосы, строил гримасы и др. (см. об этом (Крейдлин 2002, 77 и след.)).

Культурная символизация ногтей проявляется в жестах агрессии, в частности в жесте оскорбления **грызть ноготь**, о котором говорится у У. Шекспира в «Ромео и Джульетте»: (45) *Грегорио: Вон двое монтекковских. <...> Я скорчу злое лицо, когда пройду мимо. Посмотрим, что они сделают.*

<sup>48</sup> Подробнее о волосах на голове человека и о волосах-рудиментах речь пойдет соответственно в §6 и 10 гл. III.

<sup>49</sup> Подробнее о культурной символизации самих волос и их признаков см. §6 гл. III.

*Самсон. Я буду грызть ноготь по их адресу. Они будут опозорены, если смолчат* (Акт 1, сцена 1, перевод Б. Л. Пастернака). Ср. также агрессивное поведение **царапаться**.

Желая получить от человека нужную информацию, которую тот сознательно скрывает, применяют такие жестокие пытки, как *загонять гвозди под ногти, вырывать ногти*. Об особой культурной символизации ногтей говорит и фразеологический оборот *узнать (всю) подноготную*, означающий ‘проникнуть силой в тайну, тщательно хранимую человеком, как бы загоняя ему для этого нечто острое под ногти’. И другие фразеологизмы, в частности *придавить ногтем* или *прижать к ногтю*, говорят об агрессии одного человека по отношению к другому. Оба выражения означают ‘уничтожить, как уничтожают ногтем мелкое насекомое’.

Кожа, в отличие от ногтей и волос на голове, – это оболочка, покрывающая весь человеческий организм, она занимает большое пространство человеческого тела. Подобно волосам и ногтям, кожа предохраняет организм человека от неприятных воздействий внешней среды. Она способна воспринимать и передавать сообщения в тех ситуациях, когда другие соматические объекты бездействуют: человек мгновенно реагирует на внешние возмущения (*чувствует кожей что-то*), отчетливо распознает форму, размер и конфигурацию воздействующих на кожу объектов, узнает людей в некоторых поведенческих актах (ср., например, игру в жмурки). «О коже можно думать как о внешней нервной системе <...> если нервная система – это скрытая часть кожи, то кожа, напротив, – это видимая часть нервной системы» (Монтегю 1971, 2). Тактильное восприятие, то есть восприятие кожей, присуще человеку с самого раннего детства. С его помощью маленькие дети познают мир<sup>50</sup>.

### 3.7. Жидкости

Когда говорят, что тело человека состоит в среднем на 60% из воды, очевидно имеют в виду родовое употребление слова *вода*, потому что на самом деле в человеке имеется не только собственно вода, но также кровь, пот, моча и другие виды жидкостей. Чтобы различить родовое и видовое употребления слова *вода*, мы иногда вместо слова *вода* в родовом употреблении будем говорить *<телесная> жидкость*. В основном своем значении слово *вода* обозначает вид телесных жидкостей. Другие виды телесных жидкостей – это *кровь, пот, слезы, слюна, моча, <грудное> молоко, желудочный сок, желчь, гной, сперма, слизь, тканевая жидкость* и пр.<sup>51</sup>

У некоторых телесных жидкостей имеются номинации, не дифференцирующие, а объединяющие жидкости в один класс. Таково, например, слово *соки*, ср. фразеологизмы *выжать/высосать из кого-либо все соки*, а также прилагательные *сочный* или *худосочный*. Одним из контекстных синонимов слова *соки* является выражение *жизненные соки*, представленное в предложении (46) *Жизненные соки бурлили во мне, я вся была готова к приключениям* (Л. Смирнова. *Моя любовь*). Сочетание *жизненные соки* по сути означает, что соки – это не просто совокупность телесных жидкостей, а такая их совокупность, которая дает человеку жизненные силы.

Среди имен телесных жидкостей можно выделить центр и периферию. Центр любого множества, системы или поля, как мы уже говорили, всегда состоит из элементов, хорошо освоенных человеком. В данном случае человеку известны назначения соответствующих жидкостей, способы их существования и особенности функционирования в организме. Он знает переносные значения слов, исходно обозначающих такие жидкости. Мы имеем здесь в виду прежде всего такие слова, как *кровь, слезы, пот*. Чуть дальше от них отстоят слова *моча, слюна* или *желчь*. А к периферии относятся, например, такие слова и словосочетания, как *лимфа*,

<sup>50</sup> Подробнее о коже, ее свойствах и функциях см. работы (Крейдлини 2002, 418–423; Березович, Седакова 2013).

<sup>51</sup> О различных субстанциях внутри тела человека см. отдельную главу в монографии (Урысон 2003 гл. 2, 60–81).

*желудочный сок, глазная жидкость, тканевая жидкость*. И сами эти языковые единицы, и стоящие за ними телесные жидкости плохо известны обычному человеку, он о них почти ничего сказать не может. Имена таких жидкостей не представлены во фразеологии, у них нет или почти нет синонимов и стилистически окрашенных вариантов.

Даже среди «основных» телесных жидкостей несколько особняком стоит кровь. Не случайно слову *кровь* и обозначаемой им жидкости посвящено несколько специальных исследований отечественных лингвистов (Борисова 2010; Гудков 2003; Мазалова 2001; Шмелев 2002). Внимание к слову *кровь* и к его дериватам *кровяной, кровоточить, бескровный, кровопускание* и сочетаниям *переливание крови, пустить кровь, до первой крови, кровь с молоком* и др. со стороны лингвистов объясняется тем, что все эти слова и словосочетания имеют широкую сферу употребления, связанную с жизнью и деятельностью организма, с его функционированием в разных областях, со здоровьем и болезнями.

«Область действия» слез и пота более ограниченная: слезы – это типичное телесное проявление разного рода болевых ощущений и эмоций, а пот – это жидкость, тесно связанная с климатом и с такой областью деятельности человека, как труд (см. далее подробно об основных видах телесных жидкостей).

Что же касается ряда периферийных телесных жидкостей, таких как сопли, слизь, гной или желудочный сок, то люди знакомятся с ними и их свойствами, только когда непосредственно сталкиваются с недомоганиями, повреждениями, болезнями, а, например, такой жидкости, как гной, в здоровом теле вообще нет.

Важными характеристиками телесных жидкостей являются их физические и структурные признаки (характеристики, свойства)<sup>52</sup>. Среди физических свойств выделим цвет, вкус, текучесть, ср. такие сочетания, как *алая кровь, соленые слезы, кровь быстро свертывается*. К структурным признакам относятся, например, местонахождение жидкостей в теле и различные характеристики движения жидкости в теле (направление, скорость, интенсивность, вязкость). Особенно важно то, как все эти признаки представлены в естественном, в частности русском, языке. Ср. единицы *кровь течет в жилах, кровь хлещет, густая кровь, прилив крови к голове; глаза наполнились слезами, слезы стоят в глазах, слезы в три ручья, море слез; сопли в носу, размазанные по лицу сопли; моча желтого цвета, подозрительно темная моча, моча в голову ударила*.

Имена основных жидкостей являются элементами многих фразеологических соматизмов, что говорит о хорошей освоенности этих имен людьми, ср. предложения (47) *Конечно, твой Журавлев постарается мне попортить кровь, но я думаю, что все-таки отпустят* (И. Эренбург. Оттепель); (48) *Вечерние улицы были полны офицерами, беззаботными чистяками и породистыми, благородных кровей, щеголихами* (А. Веселый. Россия, кровью умытая); (49) *Теперь вы сидите и проливаете крокодиловы слезы – вроде вас обманули* (В. Шукшин. Танцующий Шива); (50) *О, как дорого дал бы он тогда, чтобы поплакать на груди существа любимого, чтоб утопить в слезах любви новое, ядовитое чувство, которое начало вкрадываться в его душу!* (В. Соллогуб. История двух калаш); (51) <...> *Русачок в понедельник нарежет болты до седьмого пота, в среду пьяненький, в пятницу плачет над «Историей дипломатии», в субботу смертным боем воспитывает жену* (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа); (52) *Докладчик, в черной коленкоровой шапочке, прикрывавшей его лысину во всю голову, с матовым бледно-оливковым лицом и черной бородою до ушей, страдал нервной испариной и все время обливался потом* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Что касается функций телесных жидкостей, то они у разных жидкостей разные. Без такой жидкости, как кровь, человека не существует, и об этом говорит не только знание о мире, но и язык, ср. слово *обескровить* и выражения *выпить всю кровь, высосать всю кровь, выкачать*

<sup>52</sup> Подробно о признаках телесных объектов см. в гл. II.

*всю кровь*. По слезам и плачу можно судить об актуальном эмоциональном состоянии человека, ср. *слезы радости, слезы любви и благодарности, плакать от горя, лить слезы по кому-либо*, об испытываемой им физической или психической боли, ср. предложение (53) *Васильев лег на кровать и, спрятав голову под подушку, стал плакать от боли, и чем обильней лились слезы, тем ужаснее становилась душевная боль* (А. Чехов. Припадок). Появление пота может свидетельствовать о жаре, болезни или физическом напряжении, ср. известное изречение *Только мертвые не потеют* или предложение (54) *Чертопханов дрожал, как в лихорадке; пот градом катился с его лица и, мешаясь со слезами, терялся в его усах* (И. Тургенев. Конец Чертопханова).

Принимая во внимание, что внутри человеческого тела существуют разного рода газообразные вещества (в быту называемые *газы*), можно сказать, что в теле есть объекты всех трех физических состояний: твердые, жидкие и газообразные.

\*\*\*

На этом мы заканчиваем описание разных классов соматических объектов и их важных свойств. За пределами книги осталась характеристика таких классов, как сосуды (*вены, артерии, капилляры*), мускулы (*мускулы, мышцы, бицепсы*), телесные газы (*углерод, кислород, кишечный газ*), представляемые телесные объекты (*душа, ум, совесть*), вымышленные («художественные», шуточные) телесные объекты («части тела» – *рога, копыта*; «телесные жидкости» – *яд*; «телесные покровы» – *панцирь*) и некоторые другие.

## ГЛАВА II

# СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛА: ПРИЗНАКИ СОМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ

### §1. Слово *признак*. Основные типы телесных признаков

Слово *признак* часто используется в языках разных наук как термин. Поэтому выделим сразу же два основных круга употреблений этого слова в русском языке. Первый круг включает в себя как нетерминологические, так и терминологические употребления и состоит из двух областей. Второй круг образуют исключительно терминологические употребления.

Одну из областей первого круга употреблений составляют те случаи использования слова *признак*, когда у какого-то определенного (известного) объекта или какой-то определенной (известной) ситуации выделяется какая-то особенность, или аспект. Такая особенность (аспект) и называется *признаком* <данного объекта> (resp. *признаком* <данной ситуации>).

Слово *признак* в указанном значении – лексема ПРИЗНАК 1.1 – входит в один синонимический ряд с такими словами бытового русского языка, как *свойство, качество, характеристика, особенность, черта, сторона* (в соответствующих значениях).

Приведем примеры употребления этой лексемы:

(55) *Основные признаки роз, относящихся к этой группе: быстрый рост побегов и их густое ветвление, обильное и длительное цветение* (О. Турченкова. Энциклопедия декоративных и садовых растений);

(56) *Признаком равнобедренного треугольника является наличие у треугольника двух равных углов.*

Другую область того же круга употреблений слова *признак* – лексема ПРИЗНАК 1.2 – образуют ситуации, в которых речь идет о свойстве некоторого неопределенного (неизвестного) объекта (или неопределенной ситуации), то есть о свойстве, которое позволяет такой объект (такую ситуацию) идентифицировать, или, говоря другими словами, выделить либо распознать во множестве других объектов (ситуаций). В отличие от лексемы ПРИЗНАК 1.1, лексема ПРИЗНАК 1.2 обозначает некоторое свойство неизвестного объекта (ситуации), а не свойство объекта (ситуации), который известен заранее. Отсюда вытекает различие в функциях этих лексем: у первой она характеризующая, а у второй – идентифицирующая<sup>53</sup>.

Лексема ПРИЗНАК 1.2 – это второе значение слова *признак*. Она входит в другой синонимический ряд, а именно в один ряд с лексемами *знак, симптом, показатель, примета* (в соответствующих значениях). Приведем примеры употребления этой лексемы:

(57) *Покрасневшие глаза могут быть признаком утомления;*

(58) *Неизменная скупость в похвалах – верный признак посредственного ума* (Л. де Клапье Вовенарг. Цитаты);

(59) *Появление почек на деревьях – признак приближения весны.*

<sup>53</sup> Ср. близкое различие в математике между *свойствами* объекта и *признаками* объекта (например, в геометрии – между свойствами параллелограмма и его признаками). В формулировке теоремы «В параллелограмме противоположные углы равны» равенство противоположных углов является свойством параллелограмма, а в формулировке теоремы «Если в выпуклом четырехугольнике противоположные углы равны, то этот четырехугольник – параллелограмм» равенство противоположных углов является признаком параллелограмма.

Еще одно, третье значение слова *признак* – лексема ПРИЗНАК 2 – близка по значению единицам *функция, параметр, категория, абстрактная характеристика* и некоторым другим. Лексема ПРИЗНАК 2 отличается от лексем ПРИЗНАК 1.1 и ПРИЗНАК 1.2 не только более узкой сферой употребления (как мы говорили выше, это терминологические употребления), но и семантико-синтаксическими свойствами. Так, она имеет семантическую валентность ‘имя признака’, которая синтаксически заполняется существительным в родительном или именительном падеже (ср. сочетания *признак формы* и *признак «форма»*).

Когда в языке науки хотят сказать, что данный признак принимает такое-то значение, обычно используют лексему ПРИЗНАК 2 и для выражения этой идеи чаще всего употребляют терминологическое сочетание *значение признака*. Кроме того, лексема ПРИЗНАК 2 встречается в терминологических сочетаниях *область определения <некоторого> признака* ‘множество объектов, к которым этот признак применим’ и *область значений <некоторого> признака* ‘множество всех возможных его значений’ (при этом предполагается, что область определения признака уже задана, то есть известна).

Отметим один важный языковой факт. Слово *признак* нередко употребляется в текстах неоднозначно, что для научной речи крайне нежелательно. А именно, языковое обозначение самого признака часто смешивается с языковым выражением одного из его значений. Например, вместо того чтобы корректно назвать признак по двум его полярным точкам – например, «твердость/хрупкость», часто небрежно говорят о признаке «твердость», фиксируя тем самым только одно из значений признака. Как отмечает А. А. Зализняк в книге «Русское именное словоизменение» (Зализняк 1967), в лингвистических сочинениях часто встречается некорректное употребление *фонема /б/ имеет признак звонкости*. Корректно было бы сказать *фонема /б/ имеет значение «звонкость» признака «звонкость/глухость»*.

Близкое к нашему замечание о возможном неоднозначном понимании слова *признак* делает также С. М. Толстая в статье (Толстая 2001) «Признак в языке культуры»: «Слово *признак* может иметь два значения: оно может обозначать нечто, принадлежащее объекту, его конкретное свойство (например, красный цвет шляпы), а может служить обозначением некоторого параметра, способного принимать разные значения. Так, мы можем говорить о признаке цвета (со всеми его значениями), о признаках размера (большой, огромный, маленький, гигантский и т. п.), признаках движения (быстро, медленно, рывками, скачками и т. д.), о признаках, по которым объекты могут быть сходными или могут различаться» (с. 2–3).

Принимая во внимание различие между признаком и его значением, мы все же считаем возможным иногда употреблять одно и то же слово и как обозначающее признак, и как обозначающее значение признака, то есть, например, употреблять слова *форма, размер* и *ориентация*, подразумевая под ними соответственно ‘значение признака «форма» (соответственно значения признаков «размер» и «ориентация»)’. Естественно, что всякий раз, когда потребовалось бы уточнить, что имеется в виду в тексте, мы такого неоднозначного словоупотребления старались избегать.

\*\*\*

Все признаки соматических объектов делятся на четыре большие группы: **структурные, физические, функциональные и классификационные признаки**.

Среди структурных признаков соматических объектов выделяются следующие важные разновидности: (1) возможность вхождения данного соматического объекта в состав другого соматического объекта и (2) местоположение и ориентация данного объекта относительно других объектов в пределах тела. Кроме перечисленных, есть и другие структурные признаки. К ним относятся также (3) свойство поверхности (текстура) соматического объекта, (4) каритивность (недостаточность чего-то в объекте, что в норме должно в нем быть) и (5) парный

к признаку «карикативность» признак «избыточность». Среди структурных признаков соматического объекта есть и такие, которые характеризуют его внутреннее устройство. Это, например, возможность членения данного телесного объекта на более мелкие части<sup>54</sup>.

Физический признак соматического объекта, такой как «температура <данного соматического объекта>», «цвет», «твердость/мягкость», «степень подвижности» и др., – это признак, которые характеризует сам соматический объект, вне связи его с какими-либо другими соматическими и иными объектами. Физические признаки обладают свойством измеримости, а их значения – свойством градуируемости.

Такие признаки являются предметом изучения многих естественных наук – физики, химии, биологии и т. д., а их значения человек, как правило, постигает опытным путем, причем не только с помощью каких-то приборов, но и с помощью органов чувств. В их восприятии участвуют зрение (глазами постигаются, например, значения признака «цвет соматического объекта»), слух (со слуховым каналом восприятия связаны прежде всего признаки «звучание соматического объекта» (ср. *кости трещат*) и «звучание, возникающее внутри соматического объекта» (ср. *в животе урчит*)), осязание (тактильно познается текстура объекта), обоняние (участвует в восприятии и распознавании запахов, ср. *пахнет изо рта*), вкус (вкусовое восприятие, ср. *соленые слезы*). Кроме того, существуют явные случаи **телесной синестезии**<sup>55</sup>. Например, прилагательное *жесткий* в своем прямом значении (лексема ЖЕСТКИЙ 1) обозначает свойство, которое воспринимается тактильно, но говоря *жесткое лицо* (лексема ЖЕСТКИЙ 2), имеют в виду, что такое лицо воспринимается зрительно и имеет резко выделяющиеся черты, что это лицо напряженное, без улыбок и других «смягчающих» свойств.

Функциональные признаки соматического объекта делятся на «функции <соматического объекта>» и «<его> дисфункции».

**Замечание** (О классификационном признаке и о возможных модификациях толкования имен соматических объектов)

Любой признак из указанных трех групп может стать основой для классификации. Однако в качестве классификационного мы здесь используем только один признак, а именно «тип соматического объекта». Одной из особенностей этого признака является то, что его наличие у данного соматического объекта либо выводится непосредственно из текста толкования имени объекта, либо обнаруживается в результате применения определенных операций к тексту толкования. Соматические объекты, относящиеся к одному типу, обладают рядом общих структурных, физических или функциональных свойств<sup>56</sup>.

Как показывает семантическая и лексикографическая практика, одни имена соматических объектов толкуются стандартно, через *genus proximum* и *differentia specifica*, то есть посредством указания ближайшего рода и видовых отличий, а другие имена толкуются при помощи семантического отношения «часть – целое»<sup>57</sup>. К первым относятся, например, имена *хрящ*

<sup>54</sup> О структурных признаках соматического объекта см. (Крейдлин, Летучий 2006, 80–115; Крейдлин, Переверзева 2010а, 42–51).

<sup>55</sup> Под *синестезией* в лингвистике обычно понимается «использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» (Гак 1977, 191), ср. сочетание *сладкий запах*, в котором прилагательное *сладкий* обозначает вкусовые ощущения, а запах характеризует сферу обоняния. О явлениях, близких к телесной синестезии, см. статью (Лебедева 2000, 93–97).

<sup>56</sup> На самом деле подлинной классификации – с непересекающимися классами – не получается. Для нас слово *классификация* здесь имеет смысл ‘способ упорядочивания’; единицы такой классификации представляют собой пересекающиеся классы. С формальной точки зрения структура, образующаяся при такой группировке, является «структурой с мешками». О таких структурах см. в работе (Борщев, Хомяков 1976, 3–6).

<sup>57</sup> Помимо толкований, использующих два выделенных смысловых отношения, толкования имен соматических объектов

и *кровь*, а именно *хрящ* – это ‘вид кости’, *кровь* – ‘вид <телесной> жидкости’; ко вторым – имена *ступня* или *щека*, ср. *ступня* – это ‘часть ноги...’, *щека* – это ‘часть лица...’. Родовидовые толкования задают тип соматических объектов непосредственно: хрящи относятся к типу «кости», а кровь – к типу «телесные жидкости».

Иначе обстоит дело со словом *ступня*. Если для *ступни* принято вышеприведенное толкование, то у нас есть две возможности: либо рассматривать ступню как элемент класса «части ноги» (а объекты, подобные ему, – как элементы других относительно мелких классов, таких как «части руки», «части головы» и т. д.), либо применить к толкованию стандартную операцию подстановки, а именно заменить *ноги* на *часть тела*, в результате которой мы бы получили в один шаг, что ступня относится к типу соматических объектов «части частей тела».

При первом решении мы бы получили много классов, однозначно заданных толкованием, но пришлось бы описывать структурную, физическую и функциональную общность как отдельно самих классов, так и отдельно их элементов. Такая классификация была бы слишком дробной, что нежелательно. Нам бы хотелось отнести к типам соматических объектов гораздо более крупные объединения – такие, как части тела, части частей тела, кости, телесные жидкости, телесные покровы и т. п.

И еще одно. Ступня соотносится с ногой, а кисть – с рукой, причем это отношение по сути одно и то же. Иными словами, имеет место семантическая пропорция ступня : нога = кисть : рука. В силу этой пропорции представляется, что толкования слов *ступня* и *кисть* должны быть устроены сходным образом, а именно оба слова должны толковаться с помощью семантического элемента ‘часть’, соответствующего лексеме ЧАСТЬ 2. К тому же ступня и кисть – структурно схожие объекты, они обладают общими физическими свойствами, притом что каждый из них имеет свои четко очерченные функции. Это обстоятельство позволяет объединить данные объекты в один класс, который уместно назвать «части частей тела». Формально, как мы говорили выше, имя этого класса получается из текстов толкований соответствующих слов путем операции подстановки.

В случае толкования, построенного по родо-видовому типу, принадлежность соматического объекта к данному типу устанавливается, как мы говорили, непосредственно из текста толкования, а в случае, если толкование строится на основании отношения «часть – целое», принадлежность соматического объекта к данному типу устанавливается путем постулируемого преобразования. В ходе последовательного применения ряда таких операций к толкованиям имен частей соматических объектов можно свести текст исходного толкования до уровня семантических примитивов или их комбинаций. Например, толкование слова *ступня* преобразуется в ‘часть части тела’, в котором содержатся два семантических примитива – ‘часть’ и ‘тело’.

Поскольку имена *рука*, *нога*, *голова*, *спина* и т. п. в своих основных значениях толкуются с помощью семантической единицы ‘части тела’, она позволяет однозначно установить класс референтов этих имен.

Структурные и физические признаки телесных объектов можно назвать **формальными**: они характеризуют тело и его части именно как физические объекты. К числу формальных признаков относятся (а) морфологические характеристики, то есть признаки, характеризующие внутреннее устройство соматических объектов и их внешнюю оболочку. Например, к морфологическим характеристикам относятся твердость/мягкость, текстура, наличие у соматического объекта отверстий или наличие в составе данного объекта других соматических объектов, таких как жидкости, кровеносные сосуды, кости. К формальным признакам относятся также (б) геометрические характеристики соматических объектов, такие как конфигурация, форма, размер, и (в) топографические характеристики (расположение данного соматического объекта относительно других объектов, степень связности и способ связи объектов друг с другом, например, связываются ли они при помощи хрящей, соединительных тканей и др.).

Морфологические характеристики телесных объектов можно назвать **статическими**. В противоположность им функциональные признаки являются **динамическими**, поскольку они характеризуют способность телесного объекта выполнять различные действия (например, двигаться, носить какие-то предметы, смотреть, думать и др.) и конкретные способы реализации такой способности.

К функциональным признакам телесных объектов, помимо функций, относятся также дисфункции, то есть разного рода нарушения нормального функционирования тела или каких-то его объектов. К основным функциям легких относится дыхание и его поддержание, а горло служит для того, чтобы проводить внутрь организма пищу и воду и участвовать в процессе дыхания и производства звуков. Описывая дисфункцию носа, мы говорим *Нос плохо дышит* или *Нос заложен*, а в случае миалгии (боли в мышцах) может плохо функционировать шея (*Шея не поворачивается*), возникают судороги ног (*Ноги плохо ходят*) и т. д.<sup>58</sup>

Важным делением признаков частей тела, как формальных, так и функциональных, является их деление по тому, как они воспринимаются органами чувств. Хотя последнее деление не совпадает с разбиением признаков на формальные и функциональные, можно отметить, что одни органы чувств лучше реагируют на формальные свойства, а другие – на функциональные. Например, ухо и слух в большей степени ориентированы на функциональные свойства: мы слышим звук шагов, треск суставов, хлопанье в ладоши или по плечу, звук, возникающий при потирании рук. Зрением же воспринимаются характеристики обоих типов. Так, глазами можно увидеть не только форму или размер любой видимой части тела, но и ее движение. Похожим на зрение образом ведет себя осязание. С одной стороны, оно реагирует на формальные характеристики объекта, такие как его текстура, твердость/мягкость, размер или форма, а с другой стороны, тактильные ощущения возникают у человека, когда по отношению к нему применяются определенные телесные действия и жесты, например разного рода **шлепки, поцелуи, похлопывания, удары**. Тем самым в сферу осязания попадают и функциональные характеристики. Что же касается запахов и вкусовых ощущений, то они характеризуют соматические объекты в гораздо меньшей степени, и потому здесь мы их обсуждать не будем.

С каждым признаком, будь то формальный или функциональный, связано множество его значений. Как и множество признаков, множество значений признака неоднородно и разбивается на отдельные группы. А именно, для каждого признака соматического объекта выделяются (а) значения, которые присущи данному объекту постоянно, так сказать, по природе (таковы, например, значения /карий/ и /голубой/ для признака «цвет глаз») и (б) значения, которые приписываются соматическому объекту лишь в определенных контекстах, так сказать, эвентуально. Таково, например, значение /красный/ для того же признака «цвет глаз». Крас-

<sup>58</sup> Подробно о функциях и дисфункциях телесных объектов, их разновидностях и способах языкового выражения см. в §10–11 данной главы.

ные глаза характеризуют только актуальное болезненное состояние глаз человека, вызванное физическими или психологическими причинами.

Аналогичное противопоставление можно ввести и на множестве признаков. Например, признаки «форма головы» и «размер головы» являются неотъемлемыми характеристиками головы, тогда как признаки «звук, издаваемый головой» или «звук, распространяющийся в голове» имеют особые условия употребления: не всякий раз в голове что-то обязательно звучит, и голова не каждый раз издает какие-то звуки. Эти условия употребления требуют дальнейшего изучения.

Во множестве значений признака, как и во множестве признаков, устанавливаются парадигматические связи, причем двоякого рода. Во-первых, это связи между каким-то значением данного признака и другими значениями того же признака. Например, эти связи среди телесных объектов выражаются в том, что какие-то значения одного признака некоторого телесного объекта могут быть совместимы в пределах одного сочетания, а значения другого признака того же объекта – несовместимы. Так, вполне допустимо сочетание *высокий полный человек*, в котором прилагательные обозначают размер тела в разных измерениях, и недопустимо сочетание *\*покатые квадратные плечи* (оба прилагательных характеризуют форму женских плеч). Во-вторых, это связи между соответствующими значениями разных признаков. В частности, строя семиотическую концептуализацию тела, важно описать то, как соотносятся языковые выражения, представляющие значения таких соответствующих друг другу признаков, как «текстура лица» (ср. сочетание *небритое лицо*) и «текстура щек» (ср. *небритые щеки*). Кроме того, в семиотической концептуализации тела важно отразить, как связаны значения разных признаков; например, тесно связаны между собой такие значения признаков соматического объекта «тело», как высокая температура и ломота.

Еще одним существенным проявлением структурированности множества значений признаков является **выделенность одних значений данного признака по отношению к другим его значениям**. Поясним, что мы имеем в виду под выделенностью.

Различаются два рода выделенности значения телесного признака – **семантическая (смысловая) выделенность** и **культурная выделенность**.

Под **семантической выделенностью** <данного значения признака данного соматического объекта> имеется в виду его дополнительная смысловая нагрузка, а именно то, что данное значение признака несет определенную информацию не только о данном объекте, но и о его обладателе, то есть говорит нечто о каких-то других характеристиках человека.

Так, признак «форма рук» принимает среди прочих значения /прямые руки/, /скрещенные/, /сложенные ладонями на груди/, /сложенные в форме арки/, /вытянутые/ и многие другие. Среди значений данного признака есть также значение /кривые/, которое является семантически выделенным, потому что у сочетания *кривые руки* есть переносные значения (это, в частности, отличает его от сочетания *кривые ноги*, у которого переносного значения нет). Действительно, сочетание *кривые руки* несет дополнительную смысловую нагрузку по сравнению, например, с сочетаниями *прямые руки* или *руки, сложенные на затылке*: сочетание *кривые руки* обозначает не только форму, но и плохое функционирование рук. Действительно, высказывание *У него кривые руки* может применяться для характеристики не только самих рук, но и человека, плохо делающего что-то или не умеющего делать нечто нужное или полезное. В то же время выражение *изогнутые руки*, близкое ему по смыслу, обозначает исключительно форму рук без какой-либо дополнительной смысловой нагрузки, и потому значение /изогнутый/ у признака «форма руки» выделенным по смыслу не является. Таким образом, мы видим, что далеко не все языковые выражения значения признака «форма рук» несут дополнительную смысловую нагрузку. Между тем достаточно наличия одного сочетания *кривые руки*, чтобы считать значение /кривые/ признака «форма рук» выделенным по смыслу.

Приведем примеры семантически выделенных признаков для разных телесных объектов.

(а) Признак «размер языка» имеет значение /большой/, выражаемое, в частности, следующими близкими по смыслу, хотя и не полностью синонимичными сочетаниями: *большой язык, длинный язык и сделать язык лопатой*, ср. предложения (60)–(62):

(60) *Теперь, щелкая зубами и облизывая большим языком мокрые усы, он <Мокей> особенно стал похож на большого, смиренного пса* (М. Горький. Ледоход).

(61) *С женою он <Скварыши> уже вдосталь наговорился о своей беде, жена ему не сочувствовала. Знай попрекала за его длинный язык, за детскую доверчивость* (В. Быков. Бедные люди).

(62) *Сделать язык лопатой – улыбнуться, приоткрыть рот, положить широкий язык на нижнюю губу, удерживать его под счет от 1 до 10* (Логопедическая служба).

Одно из приведенных в этих примерах выражений, а именно *длинный язык* в примере (61), является семантически выделенным. Оно в своем исходном значении говорит о размере языка (ср. слова, сказанные врачом ребенку: *Ну-ка покажи мне, какой у тебя длинный язык! Высуни его как можно дальше!*), а в переносном значении оно обозначает свойство его обладателя – болтливость.

(б) Среди значений признака «цвет глаз» семантически выделенным является значение /красный/. *Красные глаза* у человека говорят о том, что он болен или что он какое-то время назад плакал. Ср. предложение (63) *Мне было стыдно ее <бабушки> красных глаз, ее набрякших век, ее скорбного черного платочка в белых горошках, но я не мог выжать ни единой слезинки* (Ю. Герг. А ты поплачь, поплачь...).

Признаки соматических объектов, их значения и языковые выражения этих значений могут передавать не только характеристики человека – обладателя данного объекта, но и стереотипные представления о нем и о его теле, закрепленные в данной культуре. Значение признака соматического объекта, говорящее, наряду с характеристикой самого объекта, нечто содержательное о культуре, к которой принадлежит человек – обладатель этого объекта, мы называем **культурно выделенным**. Под **культурной выделенностью**, или **выделенностью в данной культуре**, некоторого значения данного признака <данного соматического объекта> мы имеем в виду важность этого значения для правильного осмысления культурного контекста, в котором употребляется языковое выражение этого значения.

Например, значение /иметь бороду/ признака «наличие волосяного покрытия на лице» (для мужского лица) еще в недавнем прошлом было выделенным в русской культуре. Действительно, бороду носили представители определенных и количественно ограниченных социальных групп мужчин. Это, например, крестьяне, купцы, религиозные деятели, художники, писатели. Сегодня наличие татуировки с определенным рисунком, серьга в одном ухе, кольцо на большом пальце, определенная походка – все эти характеристики людей в нашей культуре являются культурно выделенными (нагруженными).

Среди множества японских поз культурно выделенной является поза «агуми маситэ» (яп. **踏み坐して**, форма глагола «агуму», происходящего от «аси-о-куму» – ‘сидеть, скрестив ноги’). Ее, согласно трактату «Кодзики» («Записки о деяниях древности»), принимали боги и только боги: спускаясь на землю, они садились на острие меча и этим демонстрировали свое могущество перед людьми, которые так делать не могут (Кодзики 1994, 81, 190).

О семантической и о культурной выделенности значения признака соматического объекта (и, обобщая, самого признака) обычно говорят применительно к тем телесным объектам, которые играют ключевую роль в формировании внешнего облика человека и которые воспринимаются главным образом визуально.

Подчеркнем, что оба типа выделенности признака релятивизованы относительно языка и культуры. Поэтому если языковое выражение является обозначением семантически выде-

ленного свойства в русском языке, то совсем необязательно, что переводной эквивалент этого выражения будет обозначать семантически выделенное свойство, скажем, в английском языке. Например, выражение *язык без костей* является в русском языке семантически выделенным, поскольку обозначает человека, болтающего о том, о чем следовало бы молчать. При буквальном переводе его на английский язык получаем сочетание *boneless tongue*, семантически выделенным не являющееся. Отсюда следует, что если переводчик считает важным сохранить свойство семантической выделенности, то он должен осознанно искать соответствующий эквивалент, а не переводить сочетание буквально. Разумеется, бывает, что буквальный перевод выражения с одного языка на другой сохраняет свойство семантической выделенности. Например, русское и английское сочетания *красный нос* и *red nose* в этом отношении эквивалентны, поскольку оба указывают не только на цвет носа, но и на то, что его обладатель склонен к обильному употреблению спиртного. Вот, например, как переводится фрагмент из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (64) на английский язык, см. (65):

(64) *В то время как скакавшие были призваны в беседку <...>, старший брат Вронского, Александр, полковник с аксельбантами, невысокий ростом, такой же коренастый, как и Алексей, но более красивый и румяный, с красным носом и пьяным, открытым лицом, подошел к нему* (Л. Толстой. Анна Каренина).

(65) *At the time when the racers had to go to the pavilion <...>, Vronsky's elder brother, Alexander, a colonel with heavy fringed epaulets, came up to him. He was not tall, though as broadly built as Alexey, and handsomer and rosier than he; he had a red nose, and an open, drunken-looking face* (L. Tolstoy. Anna Karenina, перевод Констанс Гарнетт).

Работу переводчика по поиску переводного эквивалента, сохраняющего свойство семантической выделенности, иллюстрируют фрагмент (66) из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевод (67) на английский язык:

(66) *Низенький, совершенно квадратный человек, бритый до синевы, в роговых очках, в новенькой шляпе, не измятой и без подтеков на ленте, в сиреновом пальто и лайковых рыжих перчатках, стоял у прилавка и что-то повелительно мычал* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(67) *A short, completely square, blue-jawled little man wearing horn-rims, a pristine hat with unstained ribbon, dressed in a fawn overcoat and tan kid gloves, was standing at a counter and booming away in an authoritative voice <...>* (M. Bulgakov. Master and Margarita, перевод Майкла Гленни).

Значение /синий/ признака «цвет кожи» характеризует здесь не только сам цвет, но и человека, который очень хорошо выбрит, то есть это значение является семантически выделенным. В английском варианте ему соответствует выделенное выражение *blue-jawled*, означающее дословно ‘с синей челюстью’, то есть при буквальном прочтении выражающее значение признака «цвет челюсти», а не признака «цвет кожи».

Как показывает анализ собранного нами материала, количество значений у многих телесных признаков соматических объектов достаточно большое, а семантически и культурно выделенных значений у любого признака всегда немного (больше того, выделенных значений у данного признака может вообще не быть – таков, например, классификационный признак «тип соматического объекта»). Это позволяет нам надеяться, что рано или поздно удастся описать все семантически и культурно выделенные значения у каждого телесного признака, и такая задача весьма актуальна – ведь именно такие значения наиболее интересны, поскольку с их помощью устанавливается связь между разными **системами человека – телесной, психической, ментальной и защитной**<sup>59</sup>.

<sup>59</sup> Понятие и термин **системы человека** и анализ отдельных видов систем впервые были даны в работе (Апресян 1995, 348–378).

\*\*\*

Помимо описания признаков телесных объектов, построение или реконструкция семиотической концептуализации тела предполагают описание парных им **языковых признаков**, то есть признаков, которые характеризуют языковые единицы, соответствующие именам соматических объектов, а также именам признаков и значений признаков.

Из множества признаков данного соматического объекта и их значений выделим особый признак «возможность/невозможность данного объекта участвовать в производстве жестов». Этот признак связывает поле телесности с областью невербальной знаковой деятельности человека и соотносится с коммуникативно важным признаком «способность/неспособность данного соматического объекта двигаться». При этом в случае, если данный телесный объект способен двигаться, существенными для реализации конкретного жеста могут оказаться самые разные характеристики движений. Например, некоторые части тела **способны двигаться строго в определенном направлении**: обычный человек может осознанно двигать животом только в сагиттальной плоскости, то есть в направлении вперед – назад, и при этом выполнять жесты **выпятив живот** и **втянув живот**. Семантика этих невербальных знаков достаточно ясная: человек показывает, что наелся (первое значение жеста), что потолстел (второе значение жеста) или что потолстел его собеседник (третье значение). А **втянуть живот** – это жест, антонимичный первому жесту во втором и третьем значениях.

Еще одна характеристика соматического объекта, связанная с исполнением жестов, это его «способность/неспособность совершать определенный тип движения». Поскольку отнюдь не все соматические объекты могут совершать, например, вращательные движения, способность объекта совершать такое движение является его важной характеристикой и должна каким-то образом отражаться в семантическом представлении его имени.

Следует различать **биологические характеристики соматического объекта** и **языковые характеристики имени соматического объекта**. К первым относится, например, способность соматического объекта двигаться в определенном направлении, а ко вторым – способность его имени входить в состав определенного фразеологизма<sup>60</sup>. Биологической способностью поворачиваться и вращаться обладают руки, ноги и глаза, но не уши, живот или губы, а слово *нос* входит в состав **жестового фразеологизма**<sup>61</sup> *вертеть носом*, хотя нос вращаться не может. Таким образом, фразеологизм говорит нам о том, что **с точки зрения русского языка** нос способен поворачиваться<sup>62</sup>. И это не единичный пример. В русском языке и русском языке тела есть несколько единиц, в которых выражена способность телесных объектов вращаться или поворачиваться, вопреки реальному положению дел. См., например, эмблематический жест **вращать глазами**, номинация которого содержится в предложении (68) *Вместе с голосом он вдруг потерял всю силу, втянул голову в плечи, согнулся и, вращая во все стороны пустыми глазами, попятился...* (М. Горький. Мать). Ср. также иллюстративный жест рук **«колесо»**, отображающий круглую форму какого-то объекта, и жестовый фразеологизм *вертеть головой во все стороны*: (69) *Не поднимаясь на ноги, Митька тупо во все стороны вертел головой и просто не мог поверить тому, что он видел* (А. Геласимов. Разгуляевка).

Различение биологического признака соматического объекта и языкового признака его имени – это различение кардинальное и для онтологии, и для лингвистики. Мы еще обсудим

<sup>60</sup> Мы имеем в виду такой фразеологизм, в смысловое представление которого входит отражение способности соответствующего биологического объекта двигаться.

<sup>61</sup> О понятии и термине **жестовый фразеологизм** см. (Крейдлин 2002).

<sup>62</sup> Сказанное, впрочем, не должно удивлять, поскольку на естественном языке могут описываться и такие свойства телесных объектов, которых у них нет в реальности. Например, русский язык говорит нам о том, что ушки бывают на макушке, глаза лезут на лоб, сердце уходит в пятки, в голове бывают опилки, а моча ударяет в голову.

подробнее оппозицию биологического и языкового ниже, когда речь пойдет о признаке «парность соматических объектов».

Вернемся к признаку «способность/неспособность соматического объекта двигаться», который является определяющим для языка тела. Можно даже сказать, что язык тела вообще существует только благодаря способности некоторых соматических объектов совершать знаковые движения и принимать разнообразные знаковые позы<sup>63</sup>.

\*\*\*

При построении семиотической концептуализации тела необходимо учитывать не только признаки телесных объектов, но и характеристики людей – обладателей соматических объектов, исполнителей жестов и т. д. Эти характеристики могут быть самой разной природы: одни относятся к разряду физических, другие – к разряду социальных, а третьи принадлежат группе психологических, в частности эмоциональных, характеристик.

Описание всех таких характеристик необходимо по нескольким причинам. Во-первых, они подчеркивают тройственную связь тела, разума и души, точнее, пар «тело – разум» и «тело – душа». Во-вторых, телесные признаки представлены в обыденном сознании по-разному в зависимости от характеристик людей. Если человек болен, то могут меняться форма, размер или цвет его тела, и тогда соответствующие признаки принимают иные значения, чем у здорового человека. Цвет кожи человека зависит от расовой принадлежности, от климатических условий, от физического состояния, а поведение человека – от национальных, этнических и расовых характеристик, а также от свойств данного коммуникативного акта. Мозолистые и грубые руки в представлении русских людей ассоциируются скорее с рабочими профессиями, требующими затрат физического труда, а утонченные руки, тонкие, длинные пальцы – с профессиями музыканта или художника, то есть с профессиями творческими.

Больше всего исследований, посвященных соотношению телесных характеристик с интеллектуальными и психическими, относятся к области языковых и культурных представлений мужского и женского тела, а также взрослого и детского тела.

Исследования мужского и женского тела были в основном направлены на анализ природы пола, гендера<sup>64</sup> и сексуальности, а также на изучение языковых и телесных манифестаций психологических и коммуникативных особенностей мужчин и женщин (об этих особенностях и их манифестациях см. работы (Ганина, Карташкова 2006; Кириллина 1999; Кон 2005, 194–223; Крейдлин 2005; Пушкарева 2005, 78–102)).

Что касается репрезентации детского тела в естественном языке и соответствующем ему невербальном знаковом коде, то она обладает целым рядом отличий по сравнению с репрезентацией взрослого тела. При построении семиотической концептуализации детского тела следует учитывать сразу несколько моментов: (1) представления взрослых о строении и свойствах тела детей, причем разных возрастов; (2) представления детей о своем теле (особенно интересен здесь период осознания ребенком своего тела, его свойств и функций, а также отличий мужского и женского тела); (3) представления как взрослых, так и детей о детских телесных движениях и знаковых действиях.

Все эти аспекты можно объединить под названием **детская телесность**.

Оставим в стороне представления детей о своем теле и остановимся на представлениях о нем взрослых.

---

<sup>63</sup> Подробно о различии между антропоморфным положением тела или какого-то телесного объекта (англ. *pose*) и осознанно принимаемым положением (англ. *posture*) см. книгу (Крейдлин 2002).

<sup>64</sup> Пол – это биологическое понятие, а под гендером имеется в виду социально и культурно нагруженный пол (см. (Крейдлин 2005)).

Выделяются три типа соматических объектов. Во-первых, есть объекты, которыми обладают исключительно дети, например малыши, ср. родничок (неокостеневший участок детского черепа). Во-вторых, существуют объекты, которые люди приобретают только с возрастом, – это разного рода наросты, линии (например, морщины), лобковые волосы, грудное молоко и др. В-третьих, есть объекты, которыми обладают как взрослые, так и дети, и таких объектов, конечно, подавляющее большинство.

Объекты детского тела обычно имеют в языке особые имена, ср. *родничок*, *складочки* (не путать со *складками*, от которых *складочки* формально производно!), *пяточки* и *пиписька*.

Однако даже общие для взрослых и детей соматические объекты могут различаться своими стандартными наименованиями. Так, есть русские слова, называющие исключительно объекты детского тела, – это слова *родничок*, *пиписька*, *ручонки*. Есть слова, которые в норме используются для называния детских соматических объектов, – например, *ручки* или *ножки*, а их употребление применительно к взрослым людям стилистически маркировано. Волосы у маленьких детей могут называться *волосики*, а у еще более маленьких, в частности новорожденных, – *пушок*.

Как мы уже говорили, по мере взросления волосы на голове становятся эстетическим объектом. Взрослые осознанно ходят в парикмахерскую, *приводят голову в порядок*. За волосами *ухаживают*, их специально украшают: делают прически, подбирают аксессуары – заколки, ленты, различные украшения – *к лицу* или *одежде* (обычно это делают женщины). Впрочем, существуют и особые *детские прически*, и для них есть свои имена. Так, для девочек типичны *косички* – слово, формально и семантически достаточно сложно соотносимое с *косами*, а для мальчиков – *чубчик*.

Иначе, чем о признаках и значениях взрослого тела, мы говорим о признаках и значениях детского тела. Например, высокочастотной характеристикой пяток младенца является их цвет, ср. сочетание *розовые пяточки*, а о щеках младенца часто говорят *толстенькие* или *пухленькие щечки*.

Обычно стилистически нейтральные номинации соматических объектов у детей совпадают со стилистически маркированными именами тех же объектов у женщин. Эта своеобразная полисемия характерна, в частности, для производных слова *голова*.

(а) Слово *головка* применительно к женской голове является субъективно окрашенным: его употребление показывает, что говорящий относится к женской голове как к изящной, эстетически приятной или маленькой. Применительно же к ребенку слово *головка* обычно означает ‘маленькая голова’. Только в сочетаниях типа *аккуратная (аккуратненькая) головка* (обозначающих голову девочки, у которой волосы заплетены в косички или аккуратно подстрижены), то есть в сочетаниях, подчеркивающих форму прически, слово *головка* является эстетически нагруженным.

(б) Другое стилистически маркированное производное от слова *голова* – это имя *головушка*. Оно типично для фольклорных, поэтических или шуточных текстов. В то же время оно по отношению к детям практически не встречается, а если и встречается, то носит шуточный или снисходительный характер.

(в) Слово *головонька* встречается в описании в речи взрослых в отношении маленьких детей, ср. предложение (70) *А головонька у него самая обычная* – так мать пишет на форуме о своем ребенке. Взрослые же люди, когда говорят так о взрослом, относятся к человеку как к ребенку, ср. предложение (71) *По-моему, у тебя головонька бо-бо* (Форум любителей мотоциклов <http://forum.pmoto.ru>).

В некоторых случаях слово *головонька* по отношению к взрослым людям употребляется как стилизация под народную, деревенскую речь, см. (72) *Девка с опухшим и мокрым от слез лицом высморкалась в завеску и, утирая слезы концом платка, хрипло заголосила: Ефим, пожалей ты мою головоньку! ...Охо-хохо!* (М. Шолохов. Смертный враг).

Похожим образом обстоит дело и с производными слова *лицо*. Его уменьшительное производное *личико* по отношению к взрослым мужчинам в норме не употребляется, но может применяться для описания взрослых женских лиц и лиц детей. При этом применительно к женщине слово *личико* подчеркивает не величину лица, как в случае, когда оно употребляется по отношению к детям, а его изящество и красоту, передавая одновременно ласковое отношение говорящего к его обладательнице. Ср. типичный пример употребления слова *личико* применительно к женщине: (73) *Она сняла и отбросила в сторону иляпу, портившую ее прелестное круглое личико восемнадцатилетней девушки* (В. Катаев. Алмазный мой венец).

Вообще, коннотации, связанные с детским лицом, иные, чем связанные с женским лицом. Красота лица взрослого человека и красота лица ребенка в русской культуре воспринимаются и оцениваются по-разному. Об этом свидетельствует, в частности, то, что, говоря о лице взрослого человека, мы часто используем сочетание *черты лица*, то есть имя соматического объекта, входящего в класс «линии», но это сочетание не применяется по отношению к детям.

Красивое лицо взрослого человека часто характеризуется как имеющее *красивые* или *правильные черты*. Говоря о чертах лица, подчеркивают то, что лицо взрослого *оформилось*, что на нем появились четко выраженные линии, части и области. К ребенку же сочетание *черты лица* не применяется по той причине, что лицо ребенка еще не сформировалось. О *чертах лица* по отношению к ребенку начинают говорить, только когда тот повзрослел или когда хотят сказать, что ребенок лицом похож на взрослого, ср. предложение (74) *Неправильные черты лица его между хорошенькими личиками других детей казались суровыми и старыми* (И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского).

Остановимся теперь на двух родственных словах, обозначающих лицо, а именно на стилистически окрашенных именах *рожа* и *рожища*. Они используются детьми по отношению друг к другу и взрослыми по отношению к взрослым. Говоря о лице ребенка, взрослые часто употребляют имя *рожища*. В отличие от грубого слова *рожа*, оно, будучи употребленным по отношению к детям, не несет негативного смысла. Скорее оно в устах взрослых часто несет положительную оценку, выражая нежность, умиление и другие подобные чувства к ребенку. За словом *рожища* стоят отдельные свойства характера ребенка. Речь идет о тех свойствах, к которым говорящий относится положительно (хотя объективно эти свойства не обязательно положительные). Об этом говорят прилагательные – атрибуты имени *рожища* в следующих примерах: (75) *У Максика такая рожища хулиганистая* (Форум «Наши дети: малыши до года»); (76) *У нее были волосы кудряшками, веселье, озорные глаза и лукавая рожища с остреньким носиком* (Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей). Очевидно, что характеристики «озорство» и «хитрость» оцениваются авторами приводимых здесь предложений положительно. Наличие же таких качеств у взрослых оценивается негативно.

Рассмотрим еще один синоним слова *лицо* – имя *мордашка*. Оно тоже стилистически окрашено, но, в отличие от обладателя *рожищи*, обладатель *мордашки* не обязательно является носителем определенных качеств характера. *Мордашка* – это просто ‘приятное / милое / хорошенькое (по мнению говорящего) лицо’. Какое из этих свойств говорящий имеет в виду, обычно уточняется в контексте, ср., например, выражения *милая, довольная, хорошенькая мордашка*.

Такие характеристики человека, как гендер и пол, возраст, этнос, национальность и раса, физическое и психическое состояние, материальное и социальное положение, профессия и др., оказывают существенное влияние на репрезентации тел их обладателей. Построить полную и законченную семиотическую концептуализацию тела человека можно, лишь построив все частные семиотические концептуализации – те, которые характеризуются перечисленными выше признаками.

Вопрос о связи друг с другом признаков, относящихся к семиотической концептуализации тела, имеет прямое отношение к вопросу о системности телесной репрезента-

ции – насколько она регулярна, подчиняется она каким-то правилам и общим закономерностям или нерегулярна, случайна, хаотична. Мы попытаемся далее показать, что репрезентация человеческого тела в русском языке и русской культуре носит системный характер. С этой целью мы сформулируем некоторые общие закономерности телесного поведения человека в разного типа коммуникативных ситуациях и коммуникативных актах, приведем правила, объясняющие те или иные особенности телесного поведения русских людей и его передачи в текстах разных тем, жанров и стилей.

Сказанное касается и вербальных, и невербальных языковых явлений. Встречающиеся, казалось бы, странные, курьезные и плохо объяснимые невербальные явления до сих пор часто отбрасываются как не поддающиеся упорядочиванию. Их списывают, ссылаясь на индивидуальность стиля, на неразвитость или отсталость данной культуры, на недостаточное знание народа и общества. Однако стоит все же попытаться увидеть в этих явлениях пусть уникальные, но хоть в какой-то степени характерные и релевантные черты мировосприятия социальной группы или временного периода. В этом отношении нам интересны не столько конкретные жесты или какие-то другие невербальные приемы выражения смысла, сколько тот тип мышления и тот тип невербальной культуры, которые стоят за ними и которые обеспечивают существование и функционирование в коммуникативном акте знаков разной природы. Более всего нам интересен тот неявный, глубинный культурный слой, который лежит за явным поверхностным смыслом вербальных и невербальных знаков и который отражает ментальность человека и производимые им когнитивные операции, а также его психологию, часто проходящие мимо рефлексии исследователей мультимодальной коммуникации.

#### **Замечание (О понятии «ментальность»)**

Под **ментальностью человека** мы понимаем его социально-психологические установки, способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать. Как писал известный историк-медиевист А. Я. Гуревич, ментальность – «это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает» (Гуревич 1989, 115).

\*\*\*

Далее в главе (§2–12) приводится описание некоторых признаков соматических объектов и их значений. Оно строится в общем виде, то есть мы не рассматриваем такие частные телесные признаки, как, скажем, «форма головы» или «цвет волос», а описываем сразу признак «форма» или признак «цвет», имея при этом в виду, что областью применимости соответствующего признака является любой соматический объект, который обладает формой, цветом и т. п.

Описать данный признак означает, что для него необходимо указать:

- (а) область его применимости (область определения);
- (б) множество (область) его значений;
- (в) важнейшие противопоставления на множестве его значений, причем не только уникальные, то есть свойственные исключительно данному признаку, но и общие с другими признаками;
- (г) типовые вербальные и невербальные выражения признака и его значений;
- (д) парадигматические и синтагматические связи данного признака с другими признаками системы и способы языкового и неязыкового выражения этих связей.

Описание признака с необходимостью предполагает анализ всех тех типов информации, которые мы только что перечислили. Между тем для полного описания какого-то признака такого анализа может оказаться недостаточно (больше того, мы подозреваем, что это относится к каждому признаку соматического объекта). Так, для некоторых признаков надо описать особенности их функционирования в разных коммуникативных актах, в частности в коммуникативных ситуациях, где данный признак является смысловой темой важнейших сообщений. Есть признаки, для описания которых, помимо указания области их применимости (то есть соматических объектов, к которым они применимы), требуется указать структуру соматических объектов, к которым они приложимы, выделить и охарактеризовать значимые части этих объектов, признаки таких частей и т. п.

Ниже мы намеренно остановимся только на тех общих признаках и их значениях, которые либо обладают свойствами, важными для данного естественного языка, данного языка тела или данной культуры, либо имеют интересные типологические параллели в знаковых кодах других культур. Некоторые из рассматриваемых признаков описываются здесь не в полном объеме; предметом нашего внимания будут только те характеристики, которые представляются наиболее интересными и нетривиальными с семиотической точки зрения. В частности, при описании признака «звук соматического объекта» мы указываем лишь наиболее содержательные противопоставления внутри данного признака или вне его, то есть противопоставления данного признака другим, а рассматривая признак «форма соматического объекта», мы подробно останавливаемся на важном различии геометрических и негеометрических форм и способах их языкового выражения. В меньшей степени мы анализируем способы языкового обозначения форм конкретных соматических объектов (в частности, форм спины, ног, лица).

## §2. Признак «парность соматического объекта»

Когда говорят, что какие-то объекты, признаки, события, ситуации и т. д. образуют пару или, более формально, связаны отношением парности, то имеют в виду не только их количество, то есть что их ровно два, но и то, что эти объекты (признаки и т. д.) образуют некое единое целое. Как естественное следствие возникает понятие парности применительно и к соматическим объектам.

Парными соматическими объектами являются плечи, руки, ноги, ноздри, в отличие, например, от носа, поскольку с точки зрения анатомии и физиологии плечи, руки, ноги и т. д. – это соматические объекты, каждый из которых состоит из двух объектов, имеющих сходную структуру и сходные функции. Сходство структур и сходство функций – это как раз и есть те признаки, которые делают плечи, руки, ноги и др. единством, то есть тем «единым целым», о котором мы говорим. Парные части соматического объекта естественно называть **биологически парными частями**, а парные объекты – **биологически парными**.

Отметим одну важную характеристику биологических пар: наиболее известные биологические пары образуют части тела и части частей тела, то есть соматические объекты, которые являются видимыми. Существуют, впрочем, и такие биологические пары, которые видимыми не являются, – это мозг, почки, легкие и некоторые другие. О том, что эти объекты являются с точки зрения биологии парными, человек обычно узнает в процессе обучения, образования, приобретения специальных знаний о мире. Соответствующая информация о парности уже не перцептивная; она является интеллектуальной, когнитивной. То, что легкие состоят из правого и левого легкого, а мозг – из правого и левого полушарий или что есть левая и правая почки, – все эти сведения скорее относятся к научной картине мира, чем к наивному, бытовому представлению о теле и телесности. О каком-то одном легком или какой-то одной почке люди обычно говорят, когда с ними что-то произошло, когда они нездоровы, а в большинстве обыденных ситуаций люди пользуются словами *легкие* и *почки* в форме множественного числа. Поэтому в повседневном русском языке эти слова встречаются гораздо чаще, чем соответствующие им корреляты в единственном числе.

Отдельного замечания заслуживает слово *сердце*. Хотя в составе сердца есть парные объекты, такие как левое и правое предсердия, их имена не являются словами бытового русского языка – это слова научного (биологического, медицинского и т. д.) языков. В повседневном языке они употребляются разве что в стилистически окрашенных контекстах типа (77) *Какие-то там предсердия, желудочки...* (И. Грекова. Без улыбки).

Наличие в русском языке слов, обозначающих биологически парные органы, заставляет лексикографа подумать о том, какую числовую форму данной лексемы надо подать на входе в словарную статью толкового словаря.

В дальнейшем нас будет интересовать не столько биологическая парность объектов или частей объектов, то есть факты реального мира, сколько то, каким образом эти свойства отражаются в естественном языке или в невербальном знаковом коде. Иными словами, нас будет интересовать, как парность соматических объектов представлена в семиотической концептуализации тела и телесности. Это означает, что нам недостаточно указания реальных связей или реальных отношений между соматическими объектами; нам нужно также знать отношения между их языковыми обозначениями. А это уже другой вид парности – понятие, имеющее более сложную структуру, чем понятие биологической парности. Данный вид парности мы будем называть **семиотической парностью**<sup>65</sup>, а **семиотически парным** соматическим

<sup>65</sup> Впервые понятия **биологическая парность** и **семиотическая парность** были введены в ходе описания одной части тела – плеч (см. (Крейдли, Летучий 2006)). В настоящей монографии оба понятия уточняются, дополняются и используются

объектом – такой биологически парный соматический объект, который обладает следующими двумя характеристиками:

(1) В естественном языке биологически парные части данного телесного объекта обозначаются словосочетанием, включающим в себя общее для обоих объектов название и указание признака, который определяет местоположение этих объектов в теле относительно некоей вертикальной оси (ср. *ноги – левая и правая нога, глаза – левый и правый глаз*) или, реже, горизонтальной оси (ср. *губы – верхняя и нижняя губа, веки – верхнее и нижнее веко*);

(2) У данного соматического объекта и его биологически парных частей имеются имена, хорошо освоенные бытовым русским языком, то есть не являющиеся терминологическими. Например, слово *руки*, а также сочетания *левая рука* и *правая рука* хорошо освоены русским языком (не относятся к терминам). Освоенность этих единиц проявляется прежде всего в следующем: носители языка знают их произношение и написание, знают их морфологию, значение и употребление. Они понимают, например, что означают слова *безрукий, криворукий, рукастый, ругаться*, фразы *Он – моя правая рука; Я сделаю это одной левой (рукой)*, идиомы *без него как без рук, под руку, с легкой руки, на руках* и др., и они знают, каково смысловое наполнение и культурное содержание слова *левиша*.

Понятие семиотической парности, как мы видим, основано на понятии биологической парности и «дополняет» его некоторыми требованиями, относящимися к естественному языку, а именно к именам соматических объектов и их прагматической освоенности. В отличие от биологической парности, семиотическая парность соматических объектов, таким образом, не является универсальным понятием – оно релятивизовано относительно данного языка и данной культуры.

Приведем пример соматического объекта и его обозначений, из которого видно, что биологическая парность соматических объектов не обязательно влечет за собой семиотическую парность. Для этого мы рассмотрим соматический объект «мозг» и его основные языковые обозначения.

Мозг состоит из двух полушарий, образующих некое единое целое, а именно мозг имеет биологически парные части, которые называются *полушария* (ср. с упомянутым выше словом *предсердие*). У слова *мозг* есть две числовые формы, связанные между собой достаточно сложным образом. Рассмотрим по отдельности каждую из этих форм.

Начнем с формы единственного числа – со слова *мозг*. Это слово не используется как имя какого-то одного полушария. Иными словами, *мозг* не означает ни ‘левое полушарие’, ни ‘правое полушарие’ в отдельности. Но *мозг* не означает и ‘левое и правое полушария’ вместе. Не говорят также *\*левый мозг* в значении ‘левое полушарие’ или *\*правый мозг* в значении ‘правое полушарие’.

Обратимся теперь к форме множественного числа – *мозги*. Как и форма единственного числа, слово *мозги* не означает ‘два полушария одного мозга’. Это слово многозначно, и среди его основных значений выделяются следующие.

Первое значение является арифметическим (термин А. К. Поливановой, см. (Поливанова 1983, 130–145)). Его можно сформулировать так: МОЗГИ 1 = ‘множество соматических объектов, каждый из которых называется *мозг*’. Оно реализуется в предложениях (78) *В биологическом музее среди экспонатов выставлены мозги великих людей. Их строение изучают студенты* и (79) *В больнице хранился мозг Иванова и мозг Петрова. Эти мозги представляли интерес не только для патологоанатомов, но и для биологов*.

Другие основные значения единицы *мозги* таковы:

МОЗГИ 2 = ‘соматический объект, который находится в голове человека и основная функция которого – думать’, ср. предложение (80) *Мозги плавятся от жары*;

МОЗГИ 3 = 'умственные способности некоторого человека или нескольких людей', ср. предложения (81) *У него хорошие мозги* и (82) *Сейчас у молодых ребят компьютерные мозги* (А. Балабанов. Я снимаю не для вечности);

МОЗГИ 4 = 'множество людей с такими способностями', ср. сочетание *утечка мозгов*.

Таким образом, вокабула *мозги* состоит по меньшей мере из четырех лексем, часть которых имеет также метонимические употребления. В таких контекстах, как, например, (83), слово *мозги* обозначает 'множество людей, имеющих высокие умственные способности': (83) *Россия – «нетто-донор» мировой экономики: помимо нефти из нее утекают лучшие мозги и капиталы* (Известия. 14.01.2003).

Как мы видим, ни слово *мозг*, ни слово *мозги* не является именем семиотически парного объекта, хотя мозг – это биологически парный объект.

Введенное различие между биологической и семиотической парностью важно для практической лексикографии. Если соматический объект не является биологически парным, то вопрос о лексикографическом представлении его имени не стоит. А именно, мы поступаем с парой *нос – носы* в точности так же, как с парой *стол – столы*, то есть на вход подается существительное в единственном числе, а толкование имени во множественном числе отличается от толкования в единственном числе только числовой граммемой; случаи же семантически нестандартного множественного числа описываются отдельно.

Между тем если речь идет о семиотически парных объектах, то такое лексикографическое решение может заметно осложнить описание слова, поскольку смысловые различия между единственным и множественным числом в таких случаях гораздо более серьезные. Для обоснования выбора той или иной числовой формы в качестве входа вокабулы или лексемы лексикографу приходится в этих случаях опираться на какие-то другие, дополнительные критерии. В качестве одного из таких критериев для парных соматических объектов мы можем предложить считать основной форму того или иного числа в зависимости от (а) сравнительной оценки роли каждого из членов пары и самой пары в совершении действий, жизненно важных для человека, (б) сравнительной важности основных функций, закрепленных за парой в целом или за одним из членов пары, а также (в) частотности соответствующих языковых выражений. Например, *легкие* и *почки*, с одной стороны, и *глаза*, с другой стороны, являются хорошими кандидатами на имена вокабул, но по разным причинам. Как мы уже говорили, слова *легкие* и *почки* гораздо чаще встречаются в бытовой речи носителей русского языка, чем *легкое* и *почка*. Ни у одного из членов этих пар – ни у легкого, ни у почки – нет функций, отличных от функций пары в целом. Мы обычно говорим *Человек дышит легкими* (но не *легким!*); *У него что-то с легкими* (не с *легким!*); *У него больные почки* (даже в ситуации, когда больна одна почка!) и т. п.

Словоформа *глаза* в качестве входа выбирается по той причине, что она служит стандартным обозначением органа зрения, а также потому, что она может обозначать способность человека воспринимать информацию зрительно, ср. *У него острые глаза*. Эти характеристики значительно расширяют сферу употребления слова *глаза* по сравнению со сферой употребления слова *глаз*. Слово *глаза* в этом отношении близко к таким словам, как *валенки*, *сапоги*, *ботинки*, *перчатки* и т. п., разобранным в книге (Зализняк 1967). Все эти слова означают либо пару предметов, либо множество предметов, возможно, разрозненных. Ср. предложения (84) *Ее глаза подобны морю* (речь идет о паре глаз одного человека) и (85) *Глаза всех собравшихся смотрели на нее* (речь идет о глазах множества людей).

Кроме того, число вхождений словоформы *глаза*, по данным Национального корпуса русского языка, в три раза превышает число вхождений словоформы *глаз*<sup>66</sup>.

<sup>66</sup> *Глаза* (во всех падежных формах) – 2170 вхождений; *глаз* (во всех падежных формах) – 689 вхождений (данные получены из основного корпуса со снятой омонимией по состоянию на февраль 2017 года).

С понятием «семиотическая парность соматического объекта» связаны несколько проблем. Разберем их по очереди.

Первая проблема касается области применимости данного признака и его связи с признаком «тип соматического объекта».

Соматические объекты далеко не всех типов могут быть семиотически парными. Известны семиотически парные части тела, части частей тела и органы. Кроме того, семиотически парными могут быть, например, челюсти (ср. *верхняя челюсть*, *нижняя челюсть*), скулы и некоторые другие единицы из класса костей, а также ноздри, ушные отверстия, то есть единицы из класса отверстий. Между тем нелепо было бы считать, что, например, объекты из классов жидкостей, газов, наростов (инородных телесных объектов) обладают свойством семиотической парности. Как мы видим, признак «семиотическая парность соматического объекта» тесно связан с признаком «тип соматического объекта».

Вторая проблема связана с возможным расширением понятия семиотической парности.

Отдельные части тела, органы и некоторые другие типы соматических объектов организуются в группы элементов, обладающих сходным внутренним устройством, функциями или действиями. Таковую группу образуют, например, пальцы руки. В этой группе каждый из элементов имеет свои функции и свои языковые обозначения. Например, указательным пальцем и мизинцем можно на что-то показывать, *мизинцем* называют младшего сына в семье, большой палец является активным органом в жесте «**Во!**»<sup>67</sup>, на безымянный палец правой руки надевают обручальное кольцо. Тем не менее все пальцы правой руки могут равноправным образом участвовать в одних и тех же действиях (держат небольшой предмет, хватать что-то, сжимать кулак и др.). Когда люди показывают рукой на что-то, пальцы сомкнуты, а не раздвинуты, как бы символизируя этим единство (говорят *показывать рукой*, но не \**показывать пальцами руки*).

Вспомним, что отдельные группы образуют также некоторые органы. Об этом говорят их названия, в которых отражены общие функции соответствующих органов, ср. *органы пищеварения*, *половые органы*, *органы дыхания*, *артикуляционные органы*. Между тем у каждого из органов дыхания, пищеварения и т. д. есть, разумеется, свои функции и назначения.

Организация соматических объектов в группы подчеркивается не только лексически (об этом, помимо слова *органы*, свидетельствуют также такие слова и словосочетания, как *система*, ср. *пищеварительная система*, *дыхательная система*, *черты лица*; *внутренности*; *конечности*; *линии ладони* и др.). На объединение соматических объектов могут указывать также морфологические элементы, например морфемы множественного числа (ср. *ноги*, *пальцы* и т. д.), и синтаксические единицы, ср. сочинительные группы типа *Он мои глаза и уши* (сочинение функционально однородных объектов) и биномы типа *Руки-ноги переломаю!*. Наконец, на объединение соматических объектов в группы указывают межфразовые единства, ср. разнообразные по лексическому составу и синтаксическим особенностям комплексные описания внешности или разновидностей телесного поведения (например, описание драки, походок, поведения за столом и т. п.). Такие организации единиц создают целостные группы семиотически однородных объектов. Понятие **семиотической однородности** можно рассматривать как обобщение понятия семиотической парности.

Третья проблема состоит в установлении соответствий между членами семиотической пары.

Для многих соматических объектов, связанных отношением семиотической парности, существенным является их местоположение в теле. Так, толкования имен этих объектов различаются только смыслом 'местоположение', и, казалось бы, таковы пары *левая рука – правая рука*, *левая нога – правая нога* и т. п. Однако семантика сочетаний *левая рука* и *правая рука*,

<sup>67</sup> Описание этого жеста см. в (СЯРЖ 2001, 100–101).

а также семантика сочетаний *левая нога* и *правая нога* устроены более сложным образом. Дело в том, что в каждой из этих пар за именами *левая рука* (*правая рука*) и *левая нога* (*правая нога*) стоят определенные коннотации<sup>68</sup>. Например, в русской культуре именно с левой рукой связана коннотация 'легкость выполнения некоторого действия'. Мы говорим *сделать что-то одной левой*, но нельзя сказать *\*сделать что-то одной правой/только правой* и т. д. А с левой ногой связана коннотация 'плохое настроение': когда хотят сказать, что у человека с начала дня плохое настроение, нередко используют выражение *встать с левой ноги* или *встать не с той ноги*.

Вместе с тем и у сочетаний *правая рука* и *правая нога* есть свои коннотации (языковые или культурные). Так, с сочетанием *правая рука* в русском языке связана коннотация 'помощник', ср. (86) *Он – моя правая рука*.

Класс **жестов-рукопожатий** состоит из единиц, выражающих уважение или почтение к собеседнику, демонстрирующих его значимость для жестикулирующего или передающих какие-то другие позитивные смыслы. Реализация этих жестов правой рукой вполне согласуется с выражаемыми смыслами.

В других культурах у левой (правой) руки и левой (правой) ноги могут быть совсем другие коннотации. В западноафриканских культурах и этносах, в частности в Гане, жесты левой руки табуированы (Kita, Essegbey 2001, 73–95), тогда как в русской и, шире, в европейской культуре это заведомо не так. В мусульманских культурах левая рука считается нечистой, что, видимо, связано с тем, что в Коране Сатана – левша, а потому этой рукой не принято давать или брать подарки (Али-Заде 2007). Известны случаи, когда принятие подарков от мусульман левой рукой приводило к конфликтам. В русской культуре за левой рукой таких коннотаций не закреплено. А в Гане запрещены указательные жесты не только левой рукой, но и ее отдельными ее пальцами (Kita, Essegbey 2001).

Знание культурных фактов дает возможность осуществлять разного рода операции над текстами, в частности давать правильную номинацию объектов, опуская избыточные элементы. Если человек знает, что свадебные подвязки в русской культуре принято надевать на правую ногу (и в этом отношении правая нога противопоставлена левой), то для него предложение *Невеста надела на ногу свадебную подвязку* интерпретируется однозначно как 'на правую ногу'. Предложение же *Невеста надела свадебную подвязку на правую ногу* выглядит избыточным и потому по меньшей мере стилистически шероховатым<sup>69</sup>.

К предыдущей проблеме примыкает проблема выявления и описания факторов и причин, обуславливающих неравноправность одного из двух семиотически парных объектов в пределах данной культуры.

Можно указать несколько факторов и причин, обуславливающих неравноправность одного из членов семиотической пары:

*1 (биологический фактор)*

Один из членов пары может быть выделенным по сравнению с другим в силу биологических особенностей человека. Так, наш мир ориентирован на правшей, людей, которые владеют правой рукой намного лучше и свободнее, чем левой. Правая рука в нашем обществе и в нашей культуре является немаркированной, а левая маркирована. Это проявляется, в частности, в том, что слово *рука* в некоторых контекстах интерпретируется именно как 'правая рука', см., например, (87) *Он приветственно протянул ей руку* (правую) или (88) *Провожать тебя я выйду, Ты махнешь рукой* (правой). Чаще всего контексты, где рука понимается как

<sup>68</sup> Это связано с различием в семантике слов *правый* и *левый* и их эквивалентов в ряде других языков, о чем много писали лингвисты. См. работы (Шайкевич 1959; Киселева 2001; Cienki 1999).

<sup>69</sup> См. (Самоедова 2015).

правая, это контексты различных действий. В них слово *правый* в норме не употребляется, а если оно все же употреблено, то это употребление всегда стилистически маркировано.

Разумеется, далеко не во всех контекстах слово *рука* понимается как 'правая рука'. Контексты, в которых слово *рука* употребляется без прилагательных *правый* и *левый*, делятся на два класса. В одних случаях не определено, о какой руке идет речь, ср. предложение (89) *Мне сказали, что у Миши что-то случилось с рукой*. В других случаях понять, о какой руке идет речь, можно либо из знаний о мире, ср. предложение (90) *У него на руке дорогие часы*, либо из участия говорящего в актуальной ситуации, ср. высказывание (91) *Что у тебя с рукой?*, произнесенное в ситуации, когда говорящий видит, какая рука имеется в виду. Разграничение языковых контекстов, в которых определение *правый* при имени *рука* не употребляется, а смысл 'правый' тем не менее присутствует, и аналогичных контекстов, в которых смысл 'правый' отсутствует, является важной, интересной и еще не решенной лингвистической задачей.

Как известно, поведением человека, в частности его физическими действиями, управляют разного рода принципы. Многие из таких принципов и правил человеческого поведения объединяет стремление к эффективности достижения результата и общая интенция экономии при этом усилий. Однако сами принципы действуют не всегда согласованно.

В качестве примера укажем на один любопытный контекст, иллюстрирующий конфликт двух принципов, связанных с исполнением физических действий, включая жестовые. Это **принцип физиологического удобства** и принцип, который связывает действие человека с местоположением объекта действия в личном пространстве этого человека и который мы будем называть **принципом местоположения объекта**.

Чтобы читателю было понятнее, о чем идет речь, сформулируем эти принципы в явном виде<sup>70</sup>.

Принцип физиологического удобства состоит в следующем: если человек хочет выполнить некоторое действие и в его распоряжении имеется несколько соматических объектов, априорно пригодных для его выполнения, то он выбирает для этого объект, самый удобный с физиологической точки зрения. Например, если человек исполняет жест **закрыть глаза руками**, он закрывает правой рукой правый глаз, а левой рукой – левый; иначе ему неудобно.

Принцип местоположения объекта гласит, что когда человек хочет выполнить некоторое физическое действие с определенным предметом, расположенным в непосредственной близости от него (то есть в его личном пространстве), и для этого использовать в качестве инструмента некоторые телесные объекты, то при прочих равных условиях он выбирает тот инструмент, который находится ближе всего к данному предмету.

Действие принципа местоположения объекта можно проиллюстрировать следующим примером. Представим себе, что один человек спрашивает другого: *Где Петр Михайлович?*, а второй отвечает указательным жестом головы, вскидывая ее вверх. Он делает это головой, а не рукой в силу принципа местоположения объекта (в данном случае – Петра Михайловича): голова находится ближе кверху, чем рука. Жест показывает, что Петр Михайлович находится наверху. Попутно заметим, что по нашим наблюдениям русские люди в подобных ситуациях пространственного дейксиса совершают указательный жест головой гораздо чаще, чем соответствующий жест рукой. Впрочем, жест головы характерен для мужского стиля поведения: он исполняется мужчинами, а также женщинами, которые следуют такому стилю в силу социальных или каких-то иных причин<sup>71</sup>.

Рассмотрим теперь предложение (92) *Мальчик отодвинул стоящую на столе тарелку*. Предположим, что мальчик, о котором идет речь, правша, то есть большинство мануальных

<sup>70</sup> Впервые эти принципы были сформулированы соответственно в (СЯРЖ 2001, 23–24) и (Kreydlin, Pereverzeva 2013, 155–165).

<sup>71</sup> О мужских и женских жестах и моделях невербального поведения как о гендерных стилях мультимодальной коммуникации см. (Крейдлиной 2005).

действий он выполняет правой рукой, поскольку это для него физиологически удобно и потому естественно. Однако если тарелка находится слева от мальчика, то, скорее всего, он отодвинул ее левой рукой (правой рукой сделать это ему было бы физиологически неудобно). В данной ситуации принцип физиологического удобства не действует; приоритетным является расположение тарелки относительно тела мальчика. Таким образом, из данной фразы непонятно, какой рукой мальчик это сделал.

### 2 (языковой фактор)

Для некоторых семиотических пар один компонент пары выделен по сравнению с другим, и факт неравноправности компонентов часто находит отражение в структуре устойчивых выражений. Ср. приведенную выше идиому *Он – моя правая рука*: здесь слово *правая* нельзя ни опустить, ни заменить; оно конструктивно обязательно. Таким образом, в данном случае фактор, обуславливающий выделенность правой руки, языковой. Он состоит в конструктивной обязательности появления во фразе некоторой языковой единицы.

### 3 (культурный фактор)

В формулировке некоторых правил использования знаков и правил реализации знаковых действий существенно используется та или иная культурная информация. В качестве примера назовем правила ношения оружия, одежды или предметов культа, стандартные способы приветствий и прощаний, принятые в русской культуре, выражения благодарности или почтительного отношения к адресату, а также правила, регулирующие выполнение более сложных действий – проведения ритуала, церемонии, праздника, следование традициям или обычаям и многие другие знаковые формы поведения. Например, обручальные кольца у нас носят на правой руке (на безымянном пальце), так же передают свечу в храме и ставят ее правой рукой. Символические плевки совершают через левое плечо, а шпагу военные носят у левой ноги, чтобы ее легче было вынуть из ножен (действие принципа физиологического удобства, о котором шла речь выше)<sup>72</sup>. Все эти ситуации, связанные с единицами предметного знакового кода, и формы невербального знакового поведения напрямую соотносятся только с одним из членов соответствующей семиотической пары. В акте молитвы, осуществляемой в христианской церкви, верующие опускаются на оба колена, а торжественно предлагая женщине руку и сердце, мужчина обычно встает на правое колено. Во многих рыцарских турнирах выделенной оказывается правая рука, которая прикладывается к сердцу во время ритуальной клятвы вести поединки честно, а в обряде посвящения в рыцари выделенным является левое плечо юноши, на которое кладется меч.

Впрочем, для некоторых семиотически парных соматических объектов ни один из компонентов не является выделенным относительно другого. Так, по данным русского языка у глаз, ушей и ноздрей выделенных парных частей нет; во всяком случае, мы не знаем ни одного обычного, «непатологического» контекста, где бы правый глаз, правое ухо или правая ноздря были противопоставлены соответственно левому глазу, левому уху и левой ноздре.

---

<sup>72</sup> См. подробнее (Шмелев 2002).

### §3. Признак «форма соматического объекта» и важнейшие противопоставления его значений

#### 3.1. Геометрические и негеометрические значения признака «форма соматического объекта»

Не в каждом классе соматические объекты обладают формой. Так, части тела и части частей тела все имеют форму. Формой обладают также кости, мышцы и другие твердые соматические объекты. А телесные жидкости или газы, как вообще любые жидкости и газы, собственной формы не имеют.

С признаком «форма соматического объекта» связаны такие свойства объекта, как «кривизна», то есть является он прямым или кривым (ср. *прямые ноги* и *кривые ноги*), «объем», то есть является он плоским или объемным (ср. *плоская грудь* и *полная грудь*; *плоскостопие*), наличие у него углов и выступов (ср. *горбатая спина*, *угловатые плечи*), то есть «конфигурация контура». Признак формы, таким образом, является комплексным и имеет несколько аспектов, а потому его с самого начала можно было бы в соответствии с выделяемыми аспектами формы разложить на ряд более мелких признаков. Так, в лексике русского языка отражается такой аспект формы, как ее характеристика в тех или иных измерениях (плоскостях): в вертикальном (плоскость «верх – низ»), горизонтальном (плоскость «лево – право»), сагиттальном (плоскость «перед – зад») и других измерениях. Например, в сочетаниях *согнутая спина* и *горбатая спина*, а также в глаголах *сутулиться* и *горбатиться*<sup>73</sup> отображается особая форма спины в сагиттальной плоскости, в сочетании *кривая спина* – ее форма в плоскости «лево – право», а в сочетании *прямая спина* – форма спины в обоих измерениях.

С языковой точки зрения важным делением значений признака «форма» является деление по способу представления этих значений. Различаются **геометрические значения**, или **геометрические характеристики, формы** (имеющие общий семантический компонент 'X имеет форму абстрактного геометрического тела/фигуры Y', например, форму шара, круга, прямой и т. п.) и **негеометрические значения**<sup>74</sup>.

Первые, как правило, выражаются в русском языке в сочетаниях существительных с прилагательными, ср. сочетания *круглая голова*, *овальный череп*, *квадратные плечи*, а вторым свойственно образовывать сравнительные или аппозитивные конструкции с названиями соматических объектов, ср. сочетания *глаза как блюдца*, *ухо ракушкой*. И геометрические, и негеометрические характеристики формы могут обозначаться прилагательными с формантами *-образный*, *-видный*, ср. *яйцеобразная* (или: *яйцевидная*) *голова*, *трапецевидная мышца*.

Среди геометрических значений формы выделяются такие стандартные значения, как 'прямой' (*прямой нос*), 'круглый' (*круглая голова*), 'овальный' (*овальное лицо*) или 'квадратный' (*квадратные плечи*). Эти значения, как правило, являются эталонными для соматических объектов – эталонными в том смысле, что такие значения соматические объекты должны принимать в норме. Например, в нормальной ситуации голова является *круглой*, а лицо – *овальным*.

Многие имена соматических объектов сопровождаются в предложениях прилагательными *прямой* и *кривой*, но в большом числе случаев эти прилагательные относятся по смыслу

<sup>73</sup> Хотя глагол *горбатиться* используется не только в физическом смысле, его внутренняя форма отображает изогнутую форму тела.

<sup>74</sup> В силу соглашения, принятого в гл. I, мы позволим себе иногда вместо сочетаний *значение формы* и *характеристика формы* говорить просто *форма*.

не к самому соматическому объекту, а к некоторой его части (или в другой, более «технической» терминологии: синтаксическая сфера действия прилагательного часто не совпадает с его семантической сферой действия). Например, в сочетании *прямой нос* прямой является его часть, которая называется *спинка*, а в сочетании *кривой рот* кривизна характеризует губы (линию губ).

Прилагательные, обозначающие геометрические значения формы, в сочетаниях с названиями соматических объектов обладают рядом любопытных свойств. Их необычность проявляется по меньшей мере в двух отношениях.

Во-первых, прилагательные, обозначающие формы, часто получают нестандартную интерпретацию (стандартная интерпретация сочетания прилагательного, обозначающего геометрическое значение формы, например, *круглый*, с существительным X – названием части тела выглядит как ‘X в форме круга’). Например, сочетание *квадратные плечи* означает, что плечи образуют с рукой прямой угол; тем самым от идеальной квадратной формы здесь остается лишь информация об угле.

Во-вторых, нестандартными являются соотношения между именами геометрических значений формы. Особенно это становится заметным, если обратиться к примерам употреблений некоторых в прочих случаях антонимичных прилагательных. Например, сочетания *прямой нос* и *кривой нос* не являются антонимами, притом что в сочетаниях типа *прямые зубы* и *кривые зубы*, *прямые ноги* и *кривые ноги* или *прямой забор* и *кривой забор* они антонимичны. Действительно, нос мыслится как имеющий форму прямой линии, которая делит лицо на две симметричные части (косвенным подтверждением этому служат стилизованные изображения лица на детских рисунках, схемах или в используемых в интернет-коммуникации знаках-смайликах). Сочетания *прямой нос* и *кривой нос* оба фиксируют некоторое отклонение от этой линии, но в разных плоскостях, то есть эти сочетания отражают разные аспекты признака формы. Интересно, что представление о *прямом носе* создается у человека, который смотрит на лицо сбоку, а представление о *кривом носе* – у человека, который смотрит на лицо спереди. Кроме того, различными являются и сами кодируемые этими сочетаниями значения формы: *прямой нос* обозначает то, что часть носа образует прямую, не изогнутую линию (см. рис. 1), а *кривой нос* говорит об отклонении носа от прямой линии вправо или влево (см. рис. 2).

Антонимом к *прямому носу* является не *кривой нос*, а нос с какой-то выступающей на нем частью, например *нос с горбинкой*, а антонима у сочетания *кривой нос*, строго говоря, нет, поскольку нормальное расположение носа вдоль воображаемой прямой линии русским языком специально никак не фиксируется.

Те же самые прилагательные *прямой* и *кривой* ведут себя по-разному и в сочетаниях с такой частью тела, как *руки*, ср. *прямые руки* и *кривые руки*. В повседневном бытовом языке о *прямых руках* не говорят, а сочетание *кривые руки* отражает не только отклонение от нормальной формы, но и то, что руки не могут нормально функционировать и выполнять то, что им следует. Это переносное значение сочетания *кривые руки*. Иными словами, сочетание *кривые руки* имеет два смысла – прямой и переносный, который говорит нечто определенное о владельце рук. Поэтому значение /кривой/ признака «форма рук» является семантически выделенным. Не так представлены в языке сочетания *прямые ноги* и *кривые ноги*. Они не выражают выделенные значения признака «форма ног», и у этих сочетаний нет переносных значений.



*Рис. 1. Прямой нос*



*Рис. 2. Кривой нос*

Отметим еще один любопытный факт, касающийся прилагательных формы. Их сочетания с именами соматических объектов могут получать в русском языке разные эстетические оценки. Прилагательные формы при этом говорят нам что-то не только о том объекте, к которому они относятся, но и, возможно, о других объектах тела или даже о самом теле. Например, *кривые ноги* не только сами по себе оцениваются людьми как некрасивые, но и создают у них негативное представление о человеческом теле. Сказанное объясняет, почему высказывание (93) *\*Она была красивая, с кривыми ногами*<sup>75</sup> является со смысловой точки зрения нелепым. Аналогично, квадратные женские плечи некрасивы сами по себе и оценивают тело их обладательницы тоже как некрасивое.

### ***3.2. Языковые способы выражения негеометрических значений формы***

Негеометрических значений, точнее негеометрических способов представления, формы соматических объектов намного больше, чем геометрических. Это связано с тем, что негеометрическое представление формы соматического объекта возникает, как правило, в результате сопоставления формы соматического объекта с формой некоторого нетелесного материального объекта. Вследствие этого негеометрические значения формы по сравнению с геометрическими значениями более разнообразны, конкретны и приближены к реальному миру. Именно разнообразие материальных объектов позволяет передавать сложные телесные формы, не сво-

---

<sup>75</sup> В этом выражении наблюдается рассогласование оценок. О согласовании и рассогласовании оценок см. ниже в п. 3.10 (подраздел «Оценка»).

дящиеся к простым геометрическим их обозначениям. В реальном мире конкретные значения формы у соматических объектов далеки от эталонных геометрических форм. Так, *круглая голова* не является идеальным кругом, а форма *прямого носа* – это не идеальная прямая. Поэтому формы соматических объектов более точно и детально описываются сопоставлением с формами конкретных материальных объектов.

При рассмотрении негеометрических значений формы встает несколько важных вопросов. Среди них: (а) Каковы те эталонные объекты, с которыми сравнивается по форме данный соматический объект? (б) Каковы те типы эталонных объектов, с которыми чаще всего в данной культуре сравниваются соматические объекты? (в) Каковы соматические объекты, которые сравниваются с данным материальным предметом или классом предметов (вопрос, в каком-то смысле обратный предыдущему)? (г) Какими морфологическими и синтаксическими средствами в данном языке могут выражаться негеометрические значения формы? (д) Как соотносятся между собой геометрические и негеометрические значения формы данного соматического объекта?

Имена эталонных объектов «извлекаются» из сравнительных оборотов и конструкций с так называемым «творительным метафорическим» падежом. В лингвистическом описании формы соматического объекта следует указывать наиболее употребительные эталоны, и наоборот, в лингвистическом описании предметного имени следует отмечать его способность служить эталоном сравнения форм по тем или иным аспектам.

Приведем несколько примеров наиболее употребительных негеометрических языковых способов представления формы: *нос картошкой, губы бантиком, грудь колесом, хвост трубой, нос крючком* (все эти сочетания содержат имена в форме творительного метафорического падежа); *глаза-щелочки, ноги-тумбы* (языковые биномы), *яйцевидная голова, миндалевидные глаза, крючковатый нос, скрюченное тело, слоновьи ноги, кошачьи глаза, оленья стать, римский нос, античная фигура, лебединая шея* (сочетания с метафорически употребленным прилагательным).

Такие в высокой степени идиоматичные языковые способы выражения сравнения позволяют выявить имена типичных эталонов, поскольку другие способы, например сравнительные обороты с союзами *как, словно, будто* и др., возможны практически с любым объектом, ср. *голова как арбуз, живот как тыква, зад как печь, ноги как ходули, рот как пещера*. Многие из высокочастотных негеометрических значений признака формы одновременно выражают значения других признаков соматических объектов. Так, сочетание *глазки-вишенки* передает не только круглую форму объекта, но и его цвет (ср. *глаза-пуговики*, где выражается только значение формы – /круглый/), ср. неправильное сочетание \**голубые глазки-вишенки* и правильное *темные глазки-вишенки*.

Априори кажется, что классы эталонных объектов, выделяемые при ответах на вопросы (а) и (б), не совпадают. Например, в русской культуре разные соматические объекты нередко сравниваются с растениями (ср. *гибкая как тростинка*), наиболее употребительными плодами и другими съедобными объектами, причем имеющими самую разнообразную форму, ср. *нос картошкой, голова как арбуз, глаза-изюминки, яйцевидная голова, миндалевидные глаза*. В этом отношении телесные объекты не уникальны – с теми же эталонами сравниваются и объекты других семантических классов. Очень часто эталонами для соматических объектов, относящихся к человеку, оказываются соматические объекты, относящиеся к животным, ср. сочетания *лебединая шея, слоновьи ноги, кошачьи глаза, орлиный нос, львиная голова, порослячьи глазки, ослиные уши*. В отличие от многих других областей языка, базой сравнения здесь выступает имя соматического объекта животного: *орлиный нос* – это ‘нос человека, похожий по форме на клюв орла’, *ослиные уши* – это ‘уши человека, напоминающие уши осла’, *лебединая шея* – это ‘шея, похожая своей формой (и, видимо, размером) на шею лебедя’.

Ведя речь о каком-то соматическом объекте, можно попытаться выделить и описать наиболее характерные, стереотипные для него в данной культуре эталоны. *Голова*, например, чаще всего сравнивается с *яйцом*, *арбузом*, *капустой*, *репой*. Широко используются описания *нос картошкой*, *крючком*, *римский нос* ('нос как у римлянина'), *орлиный нос*<sup>76</sup>. С вопросом, каковы соматические объекты, которые сравниваются с данным материальным предметом или классом предметов, связана одна примечательная особенность негеометрических способов выражения формы тела и его частей. А именно, в русском языке с одним конкретным объектом сравнивается, как правило, ровно одна часть тела (в качестве исключения из этой общей закономерности назовем слово-эталон *колесо* – возможны сочетания *грудь колесом* и *спина колесом*, но не бывает *\*руки колесом*, *\*шея колесом* или *\*живот колесом*)<sup>77</sup>. В то же время геометрические способы выражения формы данным свойством в общем случае не обладают; ср. *кривые руки* и *кривые ноги*, *круглый живот*, *круглая голова*, *круглые глаза*, *круглые щеки*.

Подчеркнем, что различие между геометрическими и негеометрическими характеристиками форм соматических объектов – это различие между способами языкового представления (обозначения) формы, но не обязательно различие самих форм. Так, различие между формами, которые обозначаются выражениями *глазки-щелочки* и *узенькие глазки*, не столь уж велико, однако существенно именно то, что описываются эти формы разными способами.

### 3.3. Признак «форма соматического объекта» и русские жесты

Посмотрим теперь, как отображаются признак «форма соматического объекта» и разные его значения в невербальном телесном коде.

Роль, которую рассматриваемый признак играет в описании лексики языка тела, проявляется двояким образом. Во-первых, существуют (и их можно выделить и описать) такие жесты, которые обозначают, быть может одновременно с другими признаками или свойствами, данную конкретную форму. Во-вторых, этот признак используется при описании физической реализации самых разных видов жестов.

Большинство жестов, выражающих форму, принадлежат к разряду **иконических жестов** (об иконических жестах см. §1 гл. V т. 2, а также работы (Крейдлин 2002; 2005)). В языке русских жестов иконические жесты, передающие форму, в основном являются мануальными, причем обычно исполняются двумя руками. С помощью иконических жестов изображаются, во-первых, формы соматических объектов, а во-вторых, контуры тел. Иногда соматический объект и его форма изображаются не в точности иконическим способом, то есть изображаемый объект не выводится однозначно из физической реализации жеста. Ср., например, изображение женской груди посредством особого положения кистей рук, которые не определяют референт в точности. Или, рисуя в воздухе круг, человек может изображать этим разные соматические объекты, но все круглой формы. Это могут быть голова, глаза или тело в целом. А форму *круглого* или *овального лица* можно изобразить также иначе, например с помощью надутых щек или особым образом согнутых ладоней, симметрично располагаемых около щек. При жестовом изображении глаз с помощью рук, располагаемых около глаз, синкретично отображаются форма и размер глаз<sup>78</sup>. Подчеркнем, что чем ближе форма соматического объекта к стандартной геометрической, тем легче ее изобразить руками<sup>79</sup>.

<sup>76</sup> Отметим, что поиск и анализ эталонов в данной культуре, например в русской, и переводных соответствий этих эталонов в других культурах представляют собой важные, сложные и до конца не решенные проблемы межкультурного соответствия и теории и практики перевода.

<sup>77</sup> Сегодня, однако, у нас еще мало данных для того, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что все подобные сравнения выражают разные значения признака «форма» – вполне возможно, что разные соматические объекты могут сравниваться и с предметами одинаковой формы.

<sup>78</sup> Заметим, что форма и размер очень часто синкретично выражаются также и в языке. Например, сочетание *сделать*

Теперь опишем роль признака «форма соматического объекта» в исполнении (физической реализации) разного рода жестов.

При исполнении очень многих жестов меняется форма активного органа или его рабочей части, и в ряде случаев изменение формы является основным компонентом физической реализации жеста. Примерами невербальных единиц, изменяющих форму частей тела, являются мимические жесты (ср. **скривить рот в улыбке, нахмурить брови** и др.), а также жесты некоторых других семиотических типов – те, в которых компонент изменения формы является доминантным. Ср. жесты **выпятить грудь, выпятить живот, поклониться, надуть щеки, предложить руку, чтобы кто-то взял человека под руку** (рука сгибается в форме кольца) или детский жест **мириться**, при исполнении которого мизинцы рук двух детей сцепляются в аналогичной форме.

Если для большинства мануальных жестов признак формы соматического объекта не важен, то для другого семиотического класса жестов – поз – он входит в число основных. Это вытекает из самой природы знаковой позы как используемого для конвенциональной передачи того или иного смысла положения самого тела, а не какой-то его части (ср. позу **вытянуть руки по швам**, где существенны и положение разных частей тела, а именно *рук, ног, головы*, и сама форма тела в целом). Форма тела для позы, однако, важна даже в том случае, когда формы отдельных соматических объектов несущественны. Ср. позу вины **стоять с опущенной головой** или **свободную позу** (позу релаксации), для которых формы телесных объектов не важны, и положение **сидеть в позе мыслителя**, где релевантными и значимыми являются как форма самого тела, так и формы рук и головы сидящего.

Конечно, установить в каждом случае по одной только физической реализации жеста, будет для него релевантным геометрическое или негеометрическое значение признака формы, невозможно – ведь эти характеристики могут определять одну и ту же форму. Однако иногда сведения о релевантной форме могут дать номинация и функция (функциональное назначение) жеста.

Хотя в номинациях жестов могут участвовать как геометрические, так и негеометрические характеристики формы соматических объектов (ср. *округлить глаза, скривить рот, надуть щеки, выпрямиться* – геометрические характеристики – и *сложить губы бантиком, сесть по-турецки* – негеометрические характеристики), русских жестов, которые получили название по геометрической характеристике формы, гораздо больше.

Преобладание таких жестов можно объяснить. Как мы говорили, негеометрические характеристики чаще всего описывают форму предмета через его сходство с другим предметом или классом предметов. Такое сходство обычно осмысливается как свойство, постоянно присущее данному предмету. Кроме того, жесты должны интерпретироваться партнером по коммуникации, а интерпретировать форму того или иного соматического объекта как похожую на непростую форму другого предмета сложнее, чем интерпретировать ее как простую (геометрическую) – скажем, прямую, круглую или квадратную. Тем не менее стремление к изобразительности и образности заставляет авторов литературных и других художественных текстов гораздо чаще прибегать к более ярким негеометрическим формам, чем к более «строгим» геометрическим формам. Видимо, именно по этой причине негеометрических форм в русском языке представлено больше, чем геометрических.

Иногда информация о том, какая – геометрическая или негеометрическая – форма более важна для того или иного жеста, является следствием функционального назначения жеста. Так, для тех иконических жестов, которые передают форму некоторого предмета, более существен-

---

*круглые глаза*, акцентируя внимание на форме, имплицитно передает размер глаз; наоборот, сочетание *сделать большие глаза*, акцентируя внимание на размере, синкретично отображает форму.

<sup>79</sup> Важно подчеркнуть, что иконические жесты, изображающие форму человеческого тела, скорее всего, являются интернациональными; во всяком случае, англичане, итальянцы, немцы и французы исполняют их так же.

ной является негеометрическая характеристика, основанная на сходстве между формой участвующего в жесте соматического объекта и формой изображаемого этим жестом предмета.

### **3.4. Постоянные и переменные значения признака «форма соматического объекта»**

Помимо деления на геометрические и негеометрические значения формы, существует ряд других не менее важных противопоставлений на множестве значений признака формы.

Значения признака формы делятся на **постоянные** и **переменные**. Это деление, как и все другие рассматриваемые ниже классификационные разбиения признака формы, существенно не только с физиологической, но и, что особенно для нас важно, с семиотической и культурной точек зрения.

Некоторые значения признака формы у данного соматического объекта меняются, потому что меняется сам объект в течение жизни его обладателя или потому что объект участвует в разных действиях, осуществляемых человеком<sup>80</sup>. Такие значения признака формы мы называем переменными. Постоянные же значения признака формы – это те, которые остаются одними и теми же, если объект не меняется.

Приведем примеры переменных и постоянных значений признака формы (того или иного телесного объекта).

Как мы уже говорили, многие соматические объекты участвуют в производстве жестов разной морфологии и семантики, и при этом форма объектов может меняться. Так, в ходе исполнения жеста **подзывать <кого-то> пальцем** форма пальца все время меняется: он то сгибается, то распрямляется, при этом меняется и местоположение частей пальца. А в жесте **зажать нос** меняется форма ноздрей. Точно так же форма соматического объекта, который участвует в исполнении двух жестов (или сложных жестовых комплексов), может меняться при переходе от одного жеста к другому. Например, щеки участвуют в жестах **надуть щеки** и **втянуть щеки**, и при переходе от одного жеста к другому меняется форма щек, а рот участвует в производстве жестовых комплексов, таких как **смех** и **плач**, и при переходе от смеха к плачу меняется форма рта.

Понятия постоянного и переменного значений признака формы данного соматического объекта можно интерпретировать по-разному. Первую возможную интерпретацию нетрудно понять из следующего вопроса: *можно ли выделить у данного соматического объекта такие значения формы, которые в нормальных ситуациях являются разными в разные моменты времени для одного и того же взрослого человека?* Например, у головы такие переменные значения не выделяются, поскольку в нормальном случае форма головы человека в разные моменты времени не меняется. Это позволяет приписать человеку постоянную характеристику, называя его, скажем, *круглоголовым*. Напротив, у признака «форма ног» выделяются значения, которые изменяются при многих движениях ног, как знаковых, так и незнаковых (ср. *выпрямить ноги, скрестить ноги, согнутые ноги, <ходить> на полусогнутых*). Переменными при этом являются не все возможные значения признака «форма ног»; некоторые из возможных значений являются постоянными (ср. *кривые ноги, слоновьи ноги*).

Вторая допустимая интерпретация понятий постоянного и переменного значений признака «форма» видна из другого вопроса: могут ли значения признака «форма данного соматического объекта» быть разными для разных людей? Сразу подчеркнем, что этот вопрос, конечно, целесообразно ставить только применительно к тем значениям формы, которые для

---

<sup>80</sup> Когда телесный объект участвует в разных действиях, в том числе жестовых, наряду с изменением значения признака «форма» меняется и значение признака «местоположение объекта или его частей». См. ниже о жесте **подзывать кого-то пальцем**.

данного человека являются постоянными в разные моменты его жизни. Например, у одних людей *голова* может быть *круглой*, у других – *яйцевидной* и т. д., но для одного отдельно взятого человека форма головы, как уже отмечалось выше, в норме в течение жизни является постоянной. Точно так же, говоря о форме ног у разных людей, мы отвлекаемся от того факта, что ноги какого-то конкретного человека в разные моменты времени могут быть *вытянутыми*, *согнутыми*, *скрещенными*, *подобранными под себя* и т. д. Независимо от того, какое из этих положений принимают ноги людей, у одних они могут характеризоваться как *прямые*, а других – как *кривые*.

### 3.5. *Намеренные и ненамеренные изменения формы данного соматического объекта*

Вернемся к тем значениям признака формы, которые могут меняться у одного человека с течением времени. Эти значения можно разбить на два класса в соответствии с теми изменениями (точнее говоря, с типами изменений), которым они могут подвергаться. В частности, в русском языке и в языке русских жестов лексически выражено противопоставление **ненамеренно и намеренно измененных форм**. Иными словами, выделяются такие значения (и соответственно разновидности форм), как **формы, изменяемые ненамеренно**, и **формы, изменяемые намеренно**.

К ненамеренным изменениям формы относятся ее физиологические изменения (возрастные изменения, изменения, связанные с физическим или эмоциональным состоянием человека, изменения, связанные с условиями его существования, и др.), а также изменения формы, вызванные ненамеренным воздействием на данный соматический объект природных сил или других людей. Намеренные изменения формы вызываются различными действиями либо самого человека, либо других людей.

Сравним, например, языковые высказывания *глаза ее округлились* и *лицо ее округлилось* – в обоих случаях меняется форма соматического объекта в одном и том же отношении, а именно форма становится близкой к круглой. Однако первое выражение может обозначать намеренное изменение формы (например, при выражении удивления), а второе – только физиологическое изменение. Некоторые значения признака «форма глаз» (*круглый*, *округлиться*), таким образом, можно изменить намеренно, а те же значения у признака «форма лица» изменяются только ненамеренно.

### 3.6. *Изменение формы своего и чужого тела*

В русском языке по-разному выражается воздействие человека на свое и на чужое тело, а потому при описании формы соматического объекта следует сказать несколько слов о противопоставлении «изменение формы своего тела» и «изменение формы другого тела».

Сочетание *заламывать руки* может называть **коммуникативный жест**<sup>81</sup>, выражая намеренное воздействие человека на собственное тело, ср. предложение (94) *Она покачнулась и села на кедровую табуретку, запахнув сильнее прежнего пудрой и одеколоном, предалась окончательному унынию – начала покачиваться, театрально заламывать руки и стелать* (В. Липатов. Еще до войны). В жесте, описываемом этим сочетанием, руки располагаются перед телом, а форма (а также положение) кистей постоянно меняется. Но у того же сочетания есть и другое значение, отражающее намеренное воздействие одного человека на тело другого человека. Ср. жест *заламывать руки кому-либо* и предложение (95) *Прямо возле нас они его*

<sup>81</sup> К коммуникативным жестам относятся жесты, несущие информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату (подробнее о коммуникативных жестах см. (Крейдлин 2002, 99)).

*догнали, схватили, стали заламывать руки* (А. Найман. Любовный интерес). Исполняя жест **заламывать руки кому-либо**, один человек делает так, что руки другого человека оказываются согнутыми за спиной, и какое-то время этот человек удерживает их в таком положении. Аналогичное действие со своими руками называется по-русски иначе – *сложить руки за спиной* (человек сам удерживает свои руки в согнутом за спиной положении).

### 3.7. Длительные и краткие изменения формы соматического объекта

Следующее противопоставление касается временной продолжительности изменений формы. Мы будем говорить о длительности и краткости как процесса изменений, так и его результата.

Сначала скажем несколько слов о характере процесса телесных изменений вообще. Физиологические изменения, происходящие с человеком и его телом, обычно бывают длительные, протяженные во времени. В норме они в естественном языке передаются либо при помощи глаголов конкретной семантики, таких как *расти, стареть, вытянуться, сгорбиться, сплющиться, округлиться* и многих других, либо при помощи глаголов общей семантики изменения – *меняться, изменяться, перемениться* и т. п. Но даже глаголы конкретной семантики, такие как, например, *расти*, в семантическом поле тела и телесности могут отражать изменения разных типов. Например, *расти* может обозначать, во-первых, изменения размера тела (ср. *Петя растет*), во-вторых, изменения размера и формы (ср. *живот растет*), а также появление на теле или в теле человека чужеродных объектов (ср. *растет горб*) – в последнем случае, разумеется, меняется и форма всего тела.

Такая характеристика изменения формы соматического объекта, как скорость изменения, тесно связана со многими другими характеристиками человеческого тела, его частей и его действий. В частности, характеристика «скорость изменения формы» тесно связана с семантикой жеста и его структурной организацией, а также с трудностями исполнения жеста. Естественные для взрослого человека, то есть привычные и простые, формы и положения тела он может принимать с разной скоростью, тогда как сложные позы (например, *позу лотоса*) ему легче исполнять медленно.

Скорость и продолжительность изменения формы связаны не только с разными структурными свойствами разных соматических объектов (в частности, одни формы менять труднее, и потому они меняются дольше, чем другие), но и с передаваемыми смыслами. Например, изменения позы, обозначенные глаголами *вскочить* (моментальное действие) и *встать* (это действие может быть как быстрым, так и медленным, то есть не маркированным по времени), имеют разное значение.

Теперь остановимся на продолжительности (длительности) результата изменения формы соматического объекта.

Длительность результата имеет прямое отношение к ранее выделенному противопоставлению постоянных и переменных значений формы соматического объекта. Некоторые значения формы, которые были охарактеризованы как постоянные для одного человека (*кривые ноги, горбатый человек*), на самом деле могут являться результатами физиологических изменений, которые, раз появившись у человека, сохраняются на протяжении всей его дальнейшей жизни. Другие значения формы всегда постоянны и с изменениями никак не связаны. Эти значения мыслятся как бы «приобретенными с самого рождения», ср. *нос с горбинкой, круглая голова, лопухий*.

Переменные значения формы, как и постоянные, тоже могут дифференцироваться в зависимости от продолжительности результирующего состояния. Например, изменение формы ног связано, как правило, с изменением положения всего тела и может сохраняться довольно долго (ср. *сесть, подогнув под себя ноги*). Напротив, *руки* не могут долгое время оста-

ваться *сжатыми в кулаки* в жесте **сжимать руки в кулаки**, а *рот* – быть *открытым от удивления*: помимо того, что долго пребывать в таких состояниях сложно физиологически, большая длительность пребывания в этих состояниях не согласуется со смысловой интерпретацией жестов. Действительно, основным значением жеста **сжимать руки в кулаки** является выражение сильного желания или прямой угрозы ударить адресата. Вместе с тем этот жест является невербальным проявлением целого ряда сильных чувств, таких как *гнев, ярость, злость* или *ненависть*. Обычно эти чувства невербально выражаются с помощью быстрого перехода из одного состояния в другое, в данном случае от спокойного к аффективному. Точно так же жест **открыть рот** передает сильную эмоцию удивления, что объясняет относительно небольшую продолжительность состояния **открытый рот**.

Признак длительности для жестового кода может быть смысловозначительным. А именно, в зависимости от того, реализуется данная форма в течение долгого времени или короткого, мы имеем дело с разными жестами. Когда человек **сжимает кулаки**, это знаковое действие может интерпретироваться, например, как выражение злости, однако если та же форма рук сохраняется, по мнению адресата, чересчур долгое время, то ее интерпретация меняется, и тогда мы имеем дело с жестовым выражением угрозы, ожесточения и, возможно, желания отомстить. **Краткий поцелуй** означает совсем не то, что **длительный** (или **долгий**) поцелуй, **приветственный поклон** более краткий, чем **религиозный поклон** в храме, а **кивок** в норме более краткий жест, чем **приветственный поклон**. Жест **взглянуть человеку в глаза** (сравнительно краткий по времени) интерпретируется иначе, чем жест **пристально смотреть в глаза** (более длительный).

### 3.8. *Формы и положения соматического объекта в жестах и незнаковых действиях*

Многие движения, изменяющие формы частей лица, являются **симптоматическими знаками**, выражающими эмоции человека<sup>82</sup>. Из двух разновидностей статических положений тела – намеренно принимаемых поз в смысле англ. *posture* и физиологически вынужденных положений тела в смысле англ. *pose* – знаками являются только первые. При исполнении позы **положить ногу на ногу** меняется положение ног, и это изменение (вероятно, в сочетании с какими-то другими телесными характеристиками) может означать демонстрацию внутренней свободы и раскованности, и, следовательно, такое положение ног является семантически нагруженным. С другой стороны, многие люди спят, подогнув ноги, и такая форма ног и соответствующее ей положение тела знакового характера, по-видимому, не имеют.

Как это обычно бывает с единицами, не являющимися знаками, многие формы и положения телесных объектов, исходно знаками не являющиеся, могут в контексте означиваться, то есть приобретать значение и становиться знаками. Например, изменения формы и положения тела при вставании со стула в норме не передают какого-то определенного смысла, и соответствующие форма и положение тела не являются знаковыми. Однако существуют этикетные ситуации, при которых одни люди встают перед другими, и в этих случаях изменение формы и положения тела уже является знаковым, а результирующая поза – этикетным жестом, то есть невербальным телесным знаком. Еще один важный пример, когда действие **встать со стула** является знаковым, представляет собой ситуация интервью: когда интервьюер поднимается со стула и встает, интервью считается законченным, что бы ни говорил при этом интервьюируемый.

<sup>82</sup> О противопоставлении коммуникативных (несущих информацию, осознанно передаваемую адресату) и симптоматических (спонтанных, отображающих актуальное внутреннее состояние человека) невербальных знаков см. подробнее в (Крейдин 2002).

### 3.9. Семантически выделенные и невыделенные значения признака «форма соматического объекта»

Многие изменения формы, внешне выглядящие как чисто физиологические, в действительности представляют собой манифестации внутреннего состояния человека или его отношения к некоторому лицу либо некоторому событию, а потому являются семантически выделенными. Рассмотрим такие изменения более подробно.

Основной особенностью тех значений формы, которые ответственны за выражение внутреннего состояния или отношения к кому-то или чему-то, является их нестандартность по сравнению с обычно принимаемыми формами. В русском языке семантически выделенные значения признака формы соматического объекта, которые выражают эти смыслы, передаются в основном экспрессивными, стилистически маркированными словами и сочетаниями слов, такими как *скрючиться, свернуться в клубок, скривиться, расплыться в улыбке, осклабиться, подернуть плечами, глаза на лоб полезли, надуться, ползти на коленях, он весь поник, ломать руки* и т. п.

Многие из этих единиц являются обозначениями симптомов в медицинском смысле этого слова, то есть являются проявлениями болезненных психических или физических состояний человека, ср. *скрючиться (от боли), кривая улыбка, скривиться, ноги подгибаются*. К телесным проявлениям внутренних аномалий относится также невозможность для человека изменить те или иные признаки формы так, как ему это нужно в данный момент, или так, как требует от него данная ситуация. Например, когда человек не может разогнуться, такое состояние может говорить о том, что у него радикулит, или свидетельствует о каких-то иных болезнях спины, позвоночника или тела вообще. Аномальная форма рта и неспособность человека ее изменить так, как он хочет, могут указывать на болезни телесных объектов, находящихся в полости рта, в частности *губ, языка, зубов* и др.

### 3.10. Эталонное значение признака «форма соматического объекта»

Введем понятие **эталонного значения признака**. Под эталонным значением <данного> признака мы будем понимать такое его значение, которое обладает двумя свойствами: оно является (1) наиболее частотным среди других значений этого признака и (2) в максимальной степени свободным от прочих семантических наслоений, то есть относящихся не к собственно выражению значения признака. Эталонное значение, так сказать, ближе всего к идеальному представлению о том, каким должен быть этот признак (точнее, его значение) у данного соматического объекта.

Производным от этого понятия является понятие эталонного значения признака «форма соматического объекта». Отметим некоторые важные свойства эталонных значений этого признака.

1. *Языковое выражение*. Эталонные значения признака формы обычно выражаются в естественном языке только в тех случаях, когда они либо противопоставлены неэталонным значениям, либо несут существенную для данной ситуации положительную (реже – отрицательную) оценку. Например, высказывание *Выпрями спину!* побуждает человека изменить неправильную форму спины на правильную, то есть на эталонную, и показывает, что исходная форма спины была *кривой*, то есть неправильной, неэталонной. Тем самым две формы спины, эталонная и неэталонная, противопоставлены<sup>83</sup>. Характеризуя внешний облик человека и оце-

<sup>83</sup> Такого рода императивные сочетания могут побудить человека привести форму того или иного телесного объекта не только в нормальное (эталонное) состояние. Иногда требуется придать соматическому объекту форму, необходимую для

нивая его, мы можем сказать, что у него *прямые ноги, нос правильной формы* или *правильные черты лица*. Вообще, при описании и оценке внешнего вида людей мы часто противопоставляем их именно по одинаковым аспектам формы каких-то частей тела или частей таких частей, ср. предложение (96) *У Маши прямая спина, а Вася вечно сутулится*.

2. *Оценка*. Выражения эталонных значений формы несут, как правило, положительную оценку, о чем говорит, в частности, употребление оценочного прилагательного *правильный* применительно к эталонным формам. Положительная оценка эталонных значений признака формы проявляется в особенностях сочетаемости слов и выражений, обозначающих такие эталонные значения. Рассмотрим ряд примеров.

Предложения типа *?У нее была прямая спина и кривые ноги* являются семантически странными, поскольку передают одновременно эталонное, положительно оцениваемое значение формы одной части тела – *спины* и неэталонное, отрицательно оцениваемое значение формы другой части тела – *ног*. Рассогласование в оценках двух составляющих в пределах одной сочинительной непротивительной конструкции приводит к семантической странности, даже нелепости данного предложения и ему подобных. Гораздо естественнее здесь было бы ожидать появления союза *но*<sup>84</sup>. Столь же странными являются сочетания типа *?некрасивые прямые ноги*: в данном случае положительно оцениваемое эталонное значение формы, выраженное прилагательным *прямой*, вступает в конфликт со значением отрицательной эстетической оценки, содержащейся в прилагательном *некрасивый*, входящим с прилагательным *прямой* в один ряд соположенных определений.

Выражения неэталонных значений формы по контрасту чаще оцениваются отрицательно, см. явную странность предложения *?Он был высокий, статный, широкоплечий, с кривыми ногами*, где неэталонное и потому отрицательно оцениваемое значение формы ног плохо сочетается с положительно оцениваемыми свойствами тела.

3. *Выражение в невербальном знаковом коде*. Физическая реализация многих жестов подразумевает определенное изменение формы соматического объекта, а именно переход от эталонного значения к неэталонному, ср. жесты **поклониться, скривить рот, округлить глаза** и др. После исполнения жеста соматический объект – активный орган при исполнении данного жеста – обычно снова принимает эталонную форму (так, поклонившись, человек выпрямляется). Как правило, в номинациях жестов эталонная форма соматического объекта прямо не выражается, но семантика лексем, входящих в номинацию жестов, может говорить о том, что исходно данный соматический объект имел эталонную форму (ср. **скривить рот**, где глагол *скривить* подразумевает исходную эталонную прямую форму). Существуют, однако, и такие жесты, физическая реализация которых предполагает как раз принятие эталонной формы (ср. **выпрямиться**), которая в большинстве случаев, как отмечалось выше, оценивается положительно.

### 3.11. Основные противопоставления эталонных значений признака «форма соматического объекта»

Посмотрим теперь, к каким классам, образуемым в соответствии с выделенными противопоставлениями, принадлежат эталонные значения признака «форма соматического объекта».

(1) (постоянные значения/переменные значения)

---

выполнения определенных действий в конкретной ситуации, и такая форма может быть неэталонной. Ср., например, такие фразы, как *Выпрями спину, чтобы я измерил твой рост!* (прямая спина – эталонная форма); *Пригнись, иначе ты не пройдешь в эту дверь!* (согнутая спина – неэталонная форма).

<sup>84</sup> См. об этом, в частности, (Вольф 2002).

Эталонные значения могут быть и постоянными, и переменными значениями формы. Например, сочетание *круглая голова* выражает постоянное эталонное значение признака «форма головы», а сочетание *открытые глаза* передает переменное, но вместе с тем эталонное значение признака «форма глаз».

(2) (намеренные/ненамеренные изменения формы)

Оставим в стороне постоянные значения признака формы и будем рассматривать только переменные значения этого признака. Напомним, что переменные значения возникают в ходе изменений формы – намеренных или ненамеренных.

В норме человек хочет, чтобы его тело в максимальной степени соответствовало эталону: он заботится о теле, ухаживает за ним, тренирует его и т. п. Если какие-то телесные объекты заболевают (например, у человека *раздулась щека*), он пытается их вылечить (в приводимом примере – понять причину воспаления и снять воспаление), то есть сделать так, чтобы они нормально функционировали. Для этого заболевшие объекты, помимо всего прочего, должны иметь нормальную, то есть правильную, эталонную форму (эталонная форма для щеки – не сильно отклоняться от контура лица). Поэтому в нормальных жизненных ситуациях человек осознанно стремится достичь эталонных значений формы разных соматических объектов. Исключение составляют ситуации, в которых человек, наоборот, осознанно (намеренно) стремится принять неэталонные формы, а именно те, которые нужны ему для совершения определенных действий. Например, исполнение актером роли может потребовать изменения формы, размеров, текстуры и т. п. самых разных телесных объектов.

(3) (воздействие на свое/чужое тело)

Разного рода воздействия, будь то на свое или на чужое тело, либо приводят к эталонной форме, либо, наоборот, меняют эталонное значение формы на неэталонное.

Теоретически возможны четыре комбинации разных аспектов, связанных с формой соматического объекта, а именно: воздействие человека на свое vs. на чужое тело и возникающее при этом воздействии эталонное герсп. неэталонное значение формы. На практике одна из четырех логически возможных комбинаций этих аспектов, а именно <воздействие на чужое тело, результирующее значение – эталонное>, встречается крайне редко<sup>85</sup>. Причина этого заключается в том, что воздействие на чужое тело, как правило, осуществляется всегда с определенной целью, и для ее достижения обычно нужна форма с неэталонным значением. В самом деле, если бы для достижения этой цели форма с неэталонным значением была бы не нужна, воздействие на чужое тело едва ли понадобилось бы (поскольку нормальное положение тела или какой-то его части, как мы говорили, как раз эталонное).

Кроме того, сама цель, ради достижения которой осуществляется воздействие на тело другого человека, часто тоже бывает нетривиальной или нестандартной. Для реализации такой цели нужны нестандартные, неэталонные значения формы. Согласно определению эталонной формы, такое значение формы тела, как /стоять прямо/, в нормальной ситуации является семантически немаркированным, то есть не несет каких-то нетривиальных смыслов. В силу этого поза *стоять прямо* является непригодной для достижения многих нетривиальных коммуникативных целей. Между тем такие неэталонные формы тела, как /стоять навытяжку/, /земной поклон/ или /откинуться назад/, играют важную роль в коммуникации, обозначая разные отношения между жестикулирующим и адресатом, и способствуют решению многих коммуникативных, социальных, культурных и иных задач.

Бывает так, что воздействие на тело другого человека является очевидной формой агрессии, вторжением в личную сферу человека (иное дело – ситуация с портным, врачом и т. д.,

<sup>85</sup> Речь идет о прямых воздействиях на человеческое тело, то есть тех физических действиях, которые один человек осуществляет над телом другого даже вопреки воле адресата; при этом он приводит форму тела или какого-то другого соматического объекта адресата в иное состояние, ср. *повернуть ребенка набок*.

когда действия специалиста по отношению к клиенту и пациенту нельзя считать агрессивными). В этом случае изменение исходной ситуации является нежелательным для адресата (см. выше о преобладающей негативной оценке неэталонных форм).

Приведем примеры логически возможных комбинаций и типов воздействий вместе с их естественно-языковой или жестовой реализацией (комбинация в пункте (в), как мы только что сказали, встречается относительно редко):

(а) <воздействие на свое тело, возникновение эталонного значения>: *разогнуться, расправить плечи, поднять голову (от стола, от бумаг)*;

(б) <воздействие на свое тело, возникновение неэталонного значения>: *Нагнись и подними бумажку!*, *сесть на корточки, сжать кулаки*;

(в) <воздействие на чужое тело, возникновение эталонного значения>: *хлопнуть по спине* (чтобы человек сел прямо), *заставить приподняться ученика* (чтобы тот встал перед учителем);

(г) <воздействие на чужое тело, возникновение неэталонного значения>: **заломить руки за спину, силой нагнуть чью-то голову, хлопком по щекам или сжатием щек «сдуть» их** (больше нормы), **поворачивать нос в разные стороны, положив на открытую ладонь монетку или другой мелкий предмет, согнуть ладонь**.

(4) (длительность изменения) и (5) (продолжительность результирующего состояния)

Прямой корреляции признака (4) с эталонностью формы не обнаруживается, а вот для парного ему признака (5) она явно существует. В самом деле, тело или его часть не могут находиться долго в неэталонном состоянии, и это происходит по разным причинам, из которых две можно выделить как основные.

Первая причина – это положение тела. Принцип физиологического удобства<sup>86</sup> заставляет человека принимать наиболее удобную позу или обеспечивать максимально удобное положение телесного объекта, при этом форма данных объектов, как мы уже говорили, в большинстве случаев совпадают с эталонными значениями. А вторая причина связана с выражением некоторых важных коммуникативных смыслов. Дело в том, что именно неэталонные формы прежде всего «ответственны» за выражение таких смыслов. Приняв неэталонную форму, то есть выразив раз нужные смыслы, было бы странно сохранять эту форму в течение длительного времени – для того чтобы соматический объект долго сохранял неэталонную форму, нужны какие-то дополнительные и веские основания. Обычно для восприятия и интерпретации таких форм адресатом, а также для осмысления новой коммуникативной ситуации достаточно кратковременного выражения соответствующего смысла телом или каким-то телесным объектом.

Ситуация, при которой человек для выражения какого-то смысла принимает и сохраняет в течение длительного времени неэталонную форму тела или иного соматического объекта, является коммуникативно отмеченной. Например, в русской культуре, если жестикулирующий в обычной бытовой ситуации хочет выразить уважение или почтение к собеседнику с помощью **поклона**, то его длительное пребывание в соответствующем положении предстает нарочитым, утрированным, воспринимается как чересчур церемониальный жест и интерпретируется адресатом жеста скорее как издевательство, чем как почтение или уважение. Риторическая функция **поклона** здесь иная, чем при его стандартном исполнении.

Аналогично, если человек долго стоит, **сжав кулаки**, то такое его поведение обычно воспринимается не как, например, выражение злости, а как выражение другого чувства (желания ударить, отомстить) или как другой поведенческий акт, например акт угрозы.

(б) (семантическая выделенность)

Как уже говорилось, среди эталонных значений формы преобладают такие, которые не являются знаковыми, а потому эталонные значения формы обычно не являются семантиче-

<sup>86</sup> См. о нем выше – во вводных замечаниях к §2 гл. II.

ски выделенными. Так, не являются семантически выделенными обычные эталонные формы (положения) тела **стоять, сидеть, лежать** и обычные, эталонные формы телесных объектов, такие как **открытые глаза, прямые ноги** и др. Разумеется, сказанное не означает, что эталонные значения формы ни в одной ситуации не могут быть знаками. Например, невербальный знак **встать по команде** – это коммуникативный жест подчинения или повиновения, при котором тело принимает эталонную форму.

Завершая обсуждение эталонных значений формы, отметим еще раз, что нашей задачей было раскрыть природу этого важного понятия и показать, что оно позволяет объяснить некоторые свойства форм по отношению к вербальным и невербальным семиотическим кодам, в частности объяснить наличие или отсутствие семантической выделенности и семиотической значимости у тех или иных значений признака «форма соматического объекта». Понятие эталона (эталонного значения) проясняет или объясняет также некоторые особенности языкового функционирования названий соматических объектов и положений тела, ср., например, языковые выражения вида *X как-то P* (*Он весь вдруг как-то согнулся; Лицо ее как-то болезненно скривилось*), которые описывают неожиданные или неопределенные отклонения от эталонных форм.

Понятие эталонного значения формы, а также эталонного значения местоположения полезно и для совсем иных теоретических и практических целей. В частности, оно позволяет связать друг с другом языковые и культурные представления о теле и его частях. Действительно, неэталонные значения формы в каждой из известных нам культур обычно не только являются семиотически значимыми, но и считаются прогностически важными, поскольку часто квалифицируются как свойственные людям, находящимся в аномальных психических состояниях, например испытывающим в данный момент сильные эмоции. Считается, что изменение психического состояния человека отражается не только и не столько в конкретной форме его тела или другого телесного объекта, сколько в степени отклонения такой формы от эталона.

#### §4. Признак «размер соматического объекта»

Признак «размер» является одним из основных в системе телесных признаков – прежде всего потому, что, с одной стороны, им обладают соматические объекты очень многих типов, а с другой стороны, он связан со многими другими признаками данного объекта.

Среди типов соматических объектов, которым присущ признак «размер», выделим само тело, части тела и части частей тела, телесные покровы, внутренние органы, кости, линии (морщины, талия, линия подбородка, черты лица), жилы (нервы, вены, сухожилия), сосуды, инородные объекты на человеческом теле (такие, как синяки, фингалы, прыщи, бородавки, опухоли, папилломы и др.). Описывая размер соматических объектов, мы говорим *крупное тело*, *<телесный> обрубок, гном, великан, крупные формы, длинные руки, короткие пальцы, маленькие ногти, длинные волосы, небольшой живот, увеличенная печень, широкая кость, огромная бородавка, болючий прыщ, здоровенный фингал под глазом, крупные черты лица, мелкие вены*. Эти сочетания свидетельствуют о многообразии способов языкового выражения значений признака «размер» для разных соматических объектов.

Признак «размер», как мы сказали, связан со многими группами телесных признаков. Хорошо известно, что теснее всего он связан с признаком «форма» (см. работы (Иорданская, Паперно 1996; Рахилина 1995, 58–81; Beattie, Shovelton 2006; Wierzbicka 2003)). Об этом говорят, например, такие выражения, как *глазки-бусинки*, то есть маленькие по размеру и круглые по форме, или *лебединая шея* – длинная и тонкая. В частности, если форма телесного объекта вытянута в каком-либо измерении, например в длину, то и размер – в данном случае длина – будет доминантным, то есть самым большим из возможных размеров. Ср. также выражения *сделать большие глаза* (акцентируется размер) и *сделать круглые глаза* (акцентируется форма). Хотя смысл этих сочетаний разный, результат описываемых ими жестов глаз один и тот же.

Помимо признака формы, размер соотносится с такими признаками соматических объектов, как (а) «объем», ср. *крупная голова*, (б) «толщина», ср. *пухлые щеки, плоский живот*, (в) «внутренняя структура» (*костлявый человек* – человек, у которого видны выступающие кости, то есть его тело имеет особую внутреннюю структуру, и одновременно худой, то есть имеющий малый размер тела), (г) «функция», ср. *короткие руки, длинный язык*, а также слово *глазастый*, которым обозначается как *большой размер глаз*, так и, в переносном значении, определенная способность человека, (д) «сила», ср. *могучий торс, могучие плечи, крепкие бицепсы, сильные руки*, (е) «вес», ср. *тяжелые кулаки* и др. Кроме того, языковые обозначения признака «размер» могут одновременно быть обозначениями других телесных признаков. Например, в каждом из словосочетаний *большой кулак* и *крупные плечи* представлены значения признаков «размера», «функции» и «силы».

Некоторые связи размера с другими телесными признаками на первый взгляд неочевидны. Рассмотрим, например, признак «наличие волосяного покрова». Если нога мужчины *волосатая* («на ней много волос»), то она воспринимается как *объемная* и в целом *большая*. Есть, однако, и такие признаки телесных объектов, которые напрямую с размером не связаны. К ним относятся «температура», «цвет», «наличие пустоты» или «наличие отверстия».

Руки, ноги и некоторые другие части тела и отдельные части таких частей могут *опухать*. Этот глагол обозначает состояние объекта, связанное с изменением внутренней структуры соматического объекта (появляется больше влаги, вредных веществ и т. д.), вследствие чего объект становится больше, чем обычно, то есть меняется его размер. Многие глаголы, которые обозначают изменение структуры объекта и к которым принадлежат, наряду с *опухать*, глаголы *надуваться, сжиматься, сморщиваться, усохнуть, высохнуть, похудеть* и некоторые другие, не содержат в своей семантике непосредственного указания на размер, в отличие, например,

от глаголов *удлиняться, укорачиваться, расшириться* и ряда других. Информация об изменениях размера, скрытая в глаголах изменения внутренней структуры объекта, обнаруживается только в результате глубокого семантического анализа, компонентами которого являются обнаружение и описание некоторых когнитивных и семантических механизмов, импликаций, стереотипных представлений людей о данном соматическом объекте и его частях, смысловых клише и пр. Подробнее об этих глаголах мы еще скажем ниже.

Признак «размер» тесно связан не только с другими признаками соматических объектов; он соотносится также с признаками обладателей таких объектов, в частности с полом и возрастом (так, *маленькие ножки* в норме бывают у женщин и детей), с физическим или психическим состоянием (*расширенные зрачки, сморщенное лицо*), с профессией или занятием (*здоровенные кулаки боксера, тонкие пальцы скрипача*), с расой, народностью, этническими или культурными стереотипами (*узкие глаза японца, еврейский нос*)<sup>87</sup>.

Как и на многие другие признаки соматических объектов, на их размеры могут влиять не только внутренние характеристики человеческого тела, но и какие-то свойства внешней среды. Прежде всего это климатические условия (от холода размер тела или его частей уменьшается, ср. *человек съезживается, сжимается, пальцы скрючиваются*), потребляемые субъектом пища, напитки или лекарства (от коньяка *расширяются сосуды, есть сосудосуживающие лекарства*), ограничения типа диеты, которую человек соблюдает и которая направлена на увеличение или уменьшение размеров тела либо каких-то его частей.

В данном разделе мы (а) опишем основные противопоставления на множестве размеров соматических объектов и построим начало типологии размеров, а также (б) укажем набор значений признака «размер соматического объекта» и особенности их выражения для соматических объектов разного рода. Основной акцент при этом будет сделан на соотношении значений рассматриваемого признака и классов соматических объектов, к которым эти значения приложимы.

За пределами анализа признака «размер» остаются грамматические и словообразовательные способы выражения этого признака и его значений, ср. дериваты типа *усатый, скуластый, мосластый, глазища, глазенки*<sup>88</sup> и композиты типа *широколицый, узкогрудый, большеголовый, толстоногий*.

#### **4.1. Место признака «размер» в системе признаков, образующих семиотическую концептуализацию тела**

Напомним, что все признаки, описывающие человеческое тело, делятся на три большие группы: структурные, физические и функциональные (классификационный признак мы оставляем в стороне). Однако это деление нельзя назвать классификацией, так как наряду с признаками, бесспорно относящимися к одной из указанных групп (например, признак «часть – целое» применительно к телесным объектам является структурным, признак «цвет телесного объекта» – физическим, а признак «аномальное функционирование объекта» – функциональным), существует достаточно большое число пограничных случаев, когда признак можно отнести к двум или трем группам.

В качестве примера рассмотрим признаки формы и размера телесного объекта. С одной стороны, эти признаки являются физическими, поскольку характеризуют геометрические (измеряемые и наблюдаемые) свойства объектов. Однако они принадлежат также и к структур-

<sup>87</sup> Многие из указанных и подобных им сочетаний отражают существующие в обществе и культуре стереотипные представления о теле и других телесных объектах, ср. такие сочетания, как *тело спортсмена, фигура интеллигента, длинные ноги модели, длинные пальцы пианиста*.

<sup>88</sup> О некоторых из таких дериватов идет речь в статьях (Плунгян 2003; Иткин, Переверзева 2012, 138–148).

ным признакам, поскольку задают внешние характеристики соматических объектов не только самих по себе, но и в их отношении к другим объектам. Например, признак «форма щек», в отличие от признака «цвет глаз», который является в чистом виде физическим, связан с формой и размером других частей лица. Так, говоря *круглые щеки* (это сочетание обычно используется для характеристики лица ребенка), мы выделяем щеки на фоне остальных частей лица<sup>89</sup>. При этом, хотя мы описываем здесь форму щек, мы подразумеваем, что на самом деле круглым является все лицо ребенка. Аналогично, когда говорят о размере рук или ног ребенка, например *ручки, крошечные ножки*, в норме имплицитно связывают размер этих частей тела с размером самого тела.

Признак «размер» связан также с признаками «карикативность» и «избыточность». В частности, прилагательное *сухой* характеризует карикативность телесных объектов в трех смыслах: отсутствие нормы влаги (*сухой язык*)<sup>90</sup>, отсутствие нормы жизненных сил (*сухая старушка*) и отсутствие нормы телесной массы или объема (*сухие пальцы*). Отсутствие у человека необходимых жизненных сил, равно как и недостаточность телесной массы и объема, создают впечатление об уменьшенном размере самого тела (*сухая старушка*) или какой-то его части (*сухие пальцы*)<sup>91</sup>.

**Замечание** (О словах *толстый, полный и пухлый* и о признаке «толщина соматического объекта»)

Прилагательные толщины *толстый, полный и пухлый*, примененные к соматическому объекту и указывающие на его большой размер, семантически акцентируют другие характеристики этого объекта (которые и создают впечатление большого размера). Так, *толстый* и в особенности *пухлый* фокусируют внимание на внутренней структуре объекта, а именно на его большой плотности (*толстый*) и на наличии в нем большого количества жира и от того мягкости (*пухлый*). Слово *полный* подчеркивает, что объект занимает большой объем (ср. в этой связи предложение (97) *Это платье меня полнит*, которое означает, что я в этом платье занимаю слишком большой, не свойственный моему телу объем)<sup>92</sup>.

Признак толщины занимает важное место при описании размеров соматических объектов. При этом прилагательные толщины, такие как *тучный, упитанный, жирный, оплывший, опухший, тощий, худой, худощавый, исхудалый, отоцалый, щуплый, субтильный, поджарый* и др., сочетаются с именами соматических объектов весьма избирательно, и многие из сочетаний получают в языке положительные или отрицательные эстетические оценки. Ср. сочетания *худые руки* и *тощие бедра, тонкие брови и пухлые ноги, поджарое тело* и *жирные пальцы* и предложения (98) *Я вспоминал запах ее <Лены> волос, теплоту ее свежего дыхания, встревоженные серые глаза и чуть взлетающие тонкие брови* (К. Паустовский. Книга жизни) и (99) *И к ужасу своему я увидел, как жирные пальцы инспектора опустились в табакерку и, вытаскив оттуда большую щепоть табаку, он стал посыпать им голое,*

<sup>89</sup> О телесном объекте «щеки» см. в статье (Крейдлин, Летучий 2010, 222–235) и подробнее в §3 гл. III настоящей монографии.

<sup>90</sup> В этом значении прилагательное применимо и к другим объектам действительности, таким как артефакты и природные объекты, ср. *сухая доска, сухая земля*.

<sup>91</sup> Подробно о прилагательном *сухой* в контексте синонимического ряда ХУДОЩАВЫЙ, ПОДЖАРЫЙ, СУХОЙ 3 см. (НОСС 2004, 1273–1275), автор словарной статьи – Е. В. Урысон.

<sup>92</sup> О прилагательных *толстый, пухлый* в контексте синонимического ряда ТОЛСТЫЙ 2, ПОЛНЫЙ 2, ЖИРНЫЙ 2, ТУЧНЫЙ 1, ПУХЛЫЙ 1 см. (НОСС 2004, 1157–1162), автор словарной статьи – Е. В. Урысон.

*покрытое рубцами тело своей жертвы* (Н. Златовратский. Детские и юные годы. Воспоминания 1845–1864 гг.).

Прилагательные *толстый* и *тонкий* применительно к соматическим объектам образуют пару антонимов: первое обозначает избыточность некоего вещества в теле (обычно – жира), а второе – недостаточность. В свою очередь, избыточность, например, жира создает впечатление большого объема тела или какой-то его части, а недостаточность – малого объема, то есть объема меньше нормы.

#### 4.2. Абсолютный и относительный размер соматических объектов

Анализ вербальных и невербальных единиц, обозначающих размер соматического объекта, показывает, что выделяются две основные разновидности размера. Это **абсолютный размер** и **относительный размер**.

Абсолютный размер соматического объекта – это его размер, не привязанный ни к какой пространственной оси координат. Для обозначения абсолютных размеров разных телесных объектов в русском языке есть стандартные слова *большой* и *маленький*. Кроме того, существуют и другие способы обозначения абсолютных размеров, причем эти способы достаточно разнообразны с морфологической и синтаксической точек зрения. К ним относятся (а) прилагательные *огромный*, *крошечный*, *громадный*; (б) существительные *гном*, *лилипут*, *мальчик-с-пальчик* (о маленьком теле), *формы* (существительное в форме Pl. tant., употребляется при обозначении больших размеров отдельных частей женского тела) или стилистически маркированные слова, такие как *рубильник* и *паяльник* (о большом носе), *вывеска* и *будка* (о большом лице)<sup>93</sup>; (в) параметрические словосочетания с классификаторами *размер*, *величина* и т. п. (ср. *руки большого/малого размера*, *голова исполинского размера*, *руки средней величины*); (г) сравнительные обороты типа *голова как тыква*, *глаза как тарелки*, *ноги как спички*, где в качестве основания сравнения выбирается типовое имя, обозначающее нечто большое или маленькое. Выбор основания, на котором производится сравнение, зависит не только от свойств соматического объекта, но и от культурных, национальных, этнических и др. экстралингвистических предпочтений или контекстных условий. К сравнительным оборотам примыкают аппозитивные сочетания типа *человек-гора*, *глазки-вишенки*, *ноги-тумбы*.

Относительный размер соматического объекта – это его размер вдоль одной из пространственных осей. Примерами языковых выражений относительного размера являются прилагательные *длинный*, *короткий*, *широкий*, *узкий*, *высокий*, *низкий*, *приземистый*, *длинноногий*, *коротконогий*, *расширенный*, *суженный*, *удлиненный*, *продолговатый*, *долговязый*, существительные *коротышка*, *карлик*, *великан*, *каланча*, *дядя Степа*, а также аппозитивные конструкции *руки-плети*, *ноги-спички*, *ноги-ходули*, *глаза-щелочки* и сравнительные обороты *нос как у Буратино*; *зубы как у лошади*.

Нередко языковое обозначение конкретного относительного размера у телесного объекта зависит от стандартного пространственного положения всего тела или от положения каких-то его частей. Такое положение чаще всего выражено глаголами *стоять*, *сидеть* или *лежать*<sup>94</sup>.

Прежде чем продемонстрировать связь размера телесного объекта с пространственным положением тела, отметим, что пространственное положение тела играет ключевую роль в разных действиях тела или с телом. Например, обозначение победы над противником часто передается выражением *положить на обе лопатки*, что при буквальном прочтении означает ‘сделать так, чтобы соперник лежал на спине перед победителем или под победителем’. Напро-

<sup>93</sup> См. (Юганов, Юганова 1997).

<sup>94</sup> О нестандартных положениях тела см. в статье (Дмитренко, Храковский 2011).

тив, действия человека, которые он осуществляет, сопротивляясь действиям другого человека или других людей, могут передаваться, например, интерпретационным глаголом *выстоять*<sup>95</sup>. А глагол *работать* квазисинонимичен глаголу *сидеть* в одном из его значений, ср. *двадцать лет работать/сидеть в одном учреждении*.

Рост человека связан с вертикальным измерением, поэтому для измерения роста принципиально важным является вертикальное положение тела: человек, рост которого измеряют, стоит, а не, например, сидит или лежит. Когда человек стоит и мы хотим сказать, что его рост большой, мы употребляем по отношению к нему прилагательное *высокий*, а когда лежит – *длинный*<sup>96</sup> (если же больной лежит на кушетке перед исследующим его врачом, врач использует при этом слова *выше* и *ниже*, как если бы пациент стоял).

Известно, что в физическое описание многих русских знаковых поз, телодвижений и жестов входит указание на положение тела относительно той или иной пространственной оси. Поза *свернуться в клубок*, например, предполагает, что человек лежит, то есть что его тело не имеет актуального вертикального пространственного измерения, ср. *лежать, свернувшись в клубок*, и *\*сидеть/стоять, свернувшись в клубок*. Напротив, *на цыпочках стоят* так, что верхняя часть тела вытянута вдоль вертикальной оси. Для глаголов *выпянуть* и *выставить* существенно движение вдоль саггитальной или горизонтальной оси, ср. жесты **ВЫПЯТИТЬ ЖИВОТ** и **ВЫСТАВИТЬ БЕДРО** или обозначаемые аналогичным образом чисто физиологические незначащие движения.

Некоторые типовые языковые характеристики размера, такие как, например, *длинный* и *короткий*, применительно к разным телесным объектам передают размер объекта по определенной пространственной оси. Например, *длинный нос* – это нос, вытянутый вперед, то есть по саггитальной оси, а *длинные ноги* вытянуты вдоль другой, вертикальной оси. В то же время *длинный язык* (в прямом значении этого сочетания) и *длинные волосы* – это язык и волосы, вытянутые на большое расстояние от соответственно губ и головы. При этом значение признака размера /длинный/ не привязано в этом случае ни к какому определенному пространственному измерению, то есть ни к какой конкретной пространственной оси.

### 4.3. Разные типы соматических объектов и их размер

Языковые выражения абсолютного и относительного размеров ведут себя с именами разных типов соматических объектов и с именами конкретных соматических объектов внутри отдельного типа весьма прихотливым образом. Чтобы показать это, рассмотрим последовательно разные типы соматических объектов и разные объекты (см. ниже разделы 4.3.1–4.3.22).

Из разных способов выражения размера мы остановимся в основном на адъективных (реже – аппозитивных) сочетаниях. В стороне остаются, например, морфологические способы выражения размера с помощью суффиксов *-ат*, *-аст*, *-ист*<sup>97</sup>, ср. *щекастый* ‘с большими щеками’, *плечистый* ‘с широкими плечами’, *носатый* ‘с большим носом’. Мы будем рассматривать сочетания только с такими соматическими объектами, о размерах которых можно говорить. Поэтому мы не будем рассматривать в качестве вершинного элемента адъективных и аппозитивных сочетаний, например, имена жидкостей, потому что о размерах жидкостей не говорят: сочетания *\*большая кровь*, *\*величина слюны*, *\*длина слез* не имеют естественной

<sup>95</sup> Об интерпретационных глаголах см. (Апресян 2004, 5–22).

<sup>96</sup> См. (Апресян 1995 т. 1 гл. I). Отметим попутно, что кличка *длинный* дается человеку как постоянное имя и применяется к нему независимо от положения тела.

<sup>97</sup> Распределению этих суффиксов в зависимости от типов корней, соотносящихся с именами соматических объектов, и от некоторых других языковых факторов посвящена статья (Иткин, Переверзева 2012), см. об этом также (Плунгян 2003).

интерпретации. В дальнейшем анализе мы ограничимся сочетаниями с прагматически освоенными соматическими объектами.

#### 4.3.1. Размер тела

Начнем с размера тела. Что касается абсолютного размера тела, то его значения обычно выражаются сочетаниями *большое тело*, *небольшое тело* и *маленькое тело*, см. предложения (100) *Все его большое тело расслабилось на прохладных простынях, широченная грудь вздымалась спокойно и равномерно* (Д. Липскеров. Сорок лет Чаньчжоэ), (101) *О, как неповторимо угловато все ее хрупкое, небольшое тело!* (Л. Уварова. Артистка) и (102) *Жизнь так и искрилась в ее глазах, изящное, маленькое тело ни минуты не оставалось без движения* (Н. Гершензон-Чегодаева. Воспоминания о дочери).

Значения признака «относительный размер» передаются, например, сочетаниями *широкое тело* и *узкое тело*, ср. предложения (103) *Она дожидалась Олега и просто не пускала его в дом. Перекрывала вход своим широким телом* (В. Токарева. Своя правда) и (104) *Сын унаследовал узкое тело отца, его бледную кожу <...>* (Ю. Нагибин. Терпение).

Существуют прилагательные, в значение которых одновременно с указанием размеров тела входит обозначение других телесных признаков, таких как объем, толщина и др. К этим прилагательным относятся *крупный*, *толстый*, *тонкий* и т. п., ср. предложения (105) *Крупный нос, толстые губы, темный цвет лица с густыми черными бровями, – все это легко принимало по воле Мольера самое разнообразное выражение* (М Барро. Мольер. Его жизнь и литературная деятельность), (106) *Его толстые пальцы, как черви, жирны, а слова, как пудовые гири, верны* (О. Мандельштам. Мы живем, под собою не чуя страны...) и (107) *У нее были тонкие руки в черных тугих перчатках и держала она их поверх колен* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

Размер тела может выражаться не только при помощи прилагательных; он передается также отдельными существительными, такими как, например, *формы* и *телеса*. В отличие от сочетаний *форма тела* и *формы тела*, которые описывают контуры тела, слово *формы* само по себе, во-первых, характеризует размер тела, во-вторых, размер не любого тела, а только женского, причем подчеркивает размер таких его частей, как грудь, бедра и зад, ср. предложения (108) *Лица ее поэтому нам нельзя было видеть, но пышные формы довольно ясно рисовались под складками покрывала* (А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты) и (109) *По горницам заволокло сновали две румяные с пышными телесами горничные, какие-то грязные кухонные бабы, лакеи, парикмахер...* (В. Шишков. Емельян Пугачев). Слово *телеса* применяется при описании не только женского, но и мужского тела и несет заведомо отрицательную оценку, поскольку предполагает избыточную толщину и подчеркивает обвислость различных частей тела или самого тела, ср. предложения (110) *Нужно признать, телеса Александра Христофоровича утратили манежную, кавалерийскую упругость* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны) и (111) *Чухарев каждый день приходил к газетному лотку – ничего не покупал, листал журналы, пытался рассмешишь продавищицу Марину и жадно рассматривал ее жирные телеса* (А. Терехов. Каменный мост).

Отметим, что некоторые даже весьма употребительные прилагательные размера со словом *тело* не сочетаются. Так, не говорят *\*высокое тело* и *\*низкое тело*. Рост человека – это такая характеристика, которая, хотя семантически относится к телу человека, в тексте всегда выражается сочетаниями со словами *человек*, *мужчина*, *женщина* и производными от них, ср. *высокий мужчина*, *рослый человек*, *низенький человечек* или *приземистый мужчина* (*приземистый* означает здесь ‘малорослый, плотного телосложения’).

Помимо прилагательных типа *высокий*, *рослый* или *приземистый*, в русском языке есть также существительные, характеризующие рост человека. Это, например, имена-клички *верзила*, *длинный*, *долговязый*, *дылда*, *жердь*, *коломенская верста*, *костыль*. Все они обозначают

рост человека и передают оценку этого роста говорящим: говорящий считает человека слишком высоким и потому оценивает его рост отрицательно. К этим именам примыкают слова типа *коротышка* или *гном*. Они обозначают человека слишком маленького роста, тоже отрицательно оцениваемого.

#### 4.3.2. Размер частей тела и частей частей тела

Говорить о размерах частей тела и о размерах частей частей тела мы будем, «двигаясь» от головы к ногам. При этом будем останавливаться на тех значениях признака «размер», которые являются семантически или культурно выделенными, то есть которые, согласно данному выше определению этих понятий, сообщают нам что-то об интеллектуальных, психических или поведенческих характеристиках человека или о культуре, к которой он принадлежит. Мы также укажем значения признака «размер», которые, наоборот, неприменимы к данной части тела или к данной части части тела, и предложим объяснения такой неприменимости.

**Замечание** (О пространственных осях, относительно которых определяется размер частей тела или частей таких частей)

Анализ собранного материала показывает, что многие части тела человека и многие части таких частей не характеризуются как *высокие* или *низкие*, то есть соотнесенные с вертикальной осью (редкое исключение составляют некоторые выражения из лексикона портных и моделей типа *высокая спина*, *высокая нога*). По всей вероятности, отмеченная особенность сочетаемости связана с тем, что *высокими* мы часто называем предметы, для которых точкой отсчета служит земля<sup>98</sup>. Впрочем, есть сочетания *высокий подбородок*, *высокая грудь*, *высокая талия*, в которых слово *высокий* имеет другое значение, не связанное с вертикальной осью. Так, сочетание *высокая талия* означает, что талия расположена выше, чем в норме, а сочетание *высокая грудь* указывает на то, что грудь поднята выше нормы. Иными словами, слово *высокий* здесь – показатель уровня (применительно к телесному объекту).

Было установлено (см. (Крейдлин 2002)), что нормальным положением тела с точки зрения русского языка является вертикальное, поскольку основные характеристики тела, такие как функции, движения, форма и размер, определяются применительно к стоящему человеку. То, что положение стоя является доминантным по сравнению с другими антропоморфными положениями тела, проявляется в самых разных семиотических областях. В естественном языке это проявляется, например, в контекстах, связанных с описанием пространственного положения человека, а в невербальном коде – в детских рисунках и изображениях человеческого тела на рисунках, чертежах и схемах.

Важно подчеркнуть, что земля является точкой отсчета для определения размеров огромного числа предметов, но, как мы сейчас увидим, не для частей тела или их частей – для таких соматических объектов точкой отсчета является не земля, а само тело человека. Даже о ногах, которые в норме опираются на землю, говорят не как о *высоких*, а как о *длинных*. Несмотря на то что геометрические образы рук и ног – это отрезки определенной длины, концы этих телесных объектов с точки зрения русского языка устроены по-разному. В частности, длина руки – это расстояние именно от плеча до кончиков пальцев, но не наоборот, то есть не от кончиков пальцев до плеча. Ноги же

<sup>98</sup> См. об этом подробнее в работах (Talmy 2000; Рахилина 1995, 58–81).

могут *расти от ушей*, а не \**от земли*. Иными словами, точкой отсчета размера ног, как показывает русский язык, может быть часть головы.

Оставим за пределами рассмотрения слова, в значения которых входит отрицательно оцениваемый размер определенной части тела или иного телесного объекта. К ним относятся дерогативы типа *грабли* ('длинные руки + отрицательная оценка'), *кочан* ('большая голова + отрицательная оценка'), а также слова *рубильник*, *паяльник* (о носе), *пузо*, *брюхо* (о животе), *зенки* (о глазах), *космы* ('густые волосы большой длины'), *репа* ('большая голова')<sup>99</sup> и др.

#### 4.3.3. Размер головы

Абсолютный размер головы в норме выражается словами *большой* и *маленький*. При этом значение 'большая голова', которое передается словами и словосочетаниями *большая голова*, *огромная голова*, *кочан* и некоторыми другими, является семантически выделенным. Так, сочетание *большая голова* характеризует не только размер головы, но и большой ум человека. Семантически выделенное значение признака «размер головы» передается и прилагательными *большоголовый* и *головастый*, которые тоже являются и языковыми выражениями размера (например, у гидроцефала), и характеристиками высокой интеллектуальной способности человека, ср. предложение (112) *Быть может, поэтому он рос худым и на всех дачных снимках, большеголовый и умный, стоял на кривых ножках не по летам серьезный и основательный* (А. Варламов. Купавна).

Обратим внимание на сочинительную конструкцию *большоголовый и умный*; странно было бы прочесть *большоголовый и глупый*. Интересно, что сочетание *маленькая голова* используется только как характеристика размера головы, а слов *маленькоголовый* или *мелкоголовый* вообще не существует.

Еще одно выражение большого размера головы, причем не просто большого, а очень большого, – это сочетание *огромная голова*. Как это часто бывает с языковыми единицами, которые являются носителями очень высокого значения признака, сочетание *огромная голова* обычно говорит о телесной аномалии, при которой размер головы не пропорционален размеру остальных частей тела. Кроме того, оно не выражает интеллектуальную характеристику человека.

Говоря об относительном размере головы, отметим, что при его выражении отчетливо проявляется близость признаков размера и формы. Сочетания *круглая голова*, *овальная* или *яйцевидная голова*, а также имя *яйцеголовый* – это выражения признака формы головы. Отметим, что если у человека круглая голова, то, чтобы выразить в пределах атрибутивной конструкции вместе с формой головы ее размер, нужно употребить прилагательное абсолютного размера, например *большая*. Иными словами, сказать *большая круглая голова*. Обратим внимание на любопытный факт: обозначение размера в такого рода конструкциях предшествует обозначению формы; плохо сказать \**круглая большая голова*<sup>100</sup>. Если голова имеет овальную форму, то в этом случае может быть выражен не только ее абсолютный (ср. *большая овальная голова*), но и относительный размер. Впрочем, сочетаемость прилагательного относительного размера с существительным тут достаточно прихотливая: можно сказать, например, *узкая овальная голова*; но не \**длинная овальная голова* (как, впрочем, аномальным является и сочетание \**длинная голова*). Сочетание *широкая овальная голова* встречается редко, и причина этого становится понятной, если вспомнить, как выглядит овал: у овала один из двух размеров – длина – существенно превосходит второй – ширину. Хотя сочетания *длинная голова* не

<sup>99</sup> В действительности в значение многих из этих слов входит не только выражение большого размера, но и выражение значений ряда других телесных признаков. Например, слово *грабли* указывает также на функциональную особенность рук: они настолько длинные, что могут схватить намного больше того, что положено.

<sup>100</sup> Ср. также аналогичные сочетания прилагательных размера и формы применительно к артефактам. Так, сочетание *большая круглая ваза* является правильным, а \**круглая большая ваза* – неправильным.

существует, значение /длина/ признака «размер головы» вполне выразимо, и даже идиоматичным способом, ср. *вытянутая вверх овальная голова, удлинённая овальная голова*<sup>101</sup>.

#### 4.3.4. Размер лица

Сначала об абсолютном размере лица и языковых способах его выражения. Как правило, о лице редко говорят как о *большом* или *маленьком*, то есть редко обозначают его абсолютный размер. Вместо этого часто используют выражение *крупное лицо* (но, отметим, не *\*мелкое лицо!*), которое, наряду с большим размером, подчеркивает занимаемое лицом большое пространство. И здесь, как и в случае с размером головы, имеет место асимметрия полюсов шкалы размера: сочетание имени соматического объекта с названием одного полюса («большого») намного употребительнее, чем с названием другого («маленького»)<sup>102</sup>.

Теперь об относительном размере лица. Этот размер, нередко с дополнительными смысловыми добавками, широко представлен русскими прилагательными, ср. сочетания *длинное лицо* в предложении (113) *Не сказать, что красавица. Иконное, длинное лицо, близко посаженные глаза. Всегда забранные волосы* (А. Терехов. Каменный мост); *вытянутое лицо* в предложении (114) *По другую сторону стола сидела мать, вялая и невыразительная женщина с таким же, как у дочери, вытянутым лицом* (В. Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана); *широкое лицо* в предложении (115) *В полусумраке различил он сидящего на корточках человека, увидел его широкое лицо, услышал славный голос* (В. Гроссман. Жизнь и судьба) и *узкое лицо* в предложении (116) *Ее узкое лицо с губами гужкой можно было бы посчитать красивым, если бы не унылая пустота в глазах* (М. Баконина. Девять граммов пластика).

Имеются также морфологически сложные прилагательные относительного размера лица, такие как *широколицый*, ср. предложение (117) *Это была ширококостная, широколицая девушка, крепкая, но не спортивная* (А. Рыбаков. Тяжелый песок) и *узколицый*, ср. предложение (118) *Новый заведующий – высокий, узколицый, в чеховском пенсне* (И. Грекова. Фазан).

Важной характеристикой лица, непосредственно связанной с его размером, является величина скулы, то есть парных боковых костей в верхней части лица (под глазом, ср. толкование в словаре Евгеньева 1984/1999). Широкие скулы создают впечатление широкого лица, а потому *скуластый* или *широкоскульный человек* – это человек с широким лицом<sup>103</sup>.

У лица есть свои части, называемые *черты лица* и *очертания лица*, которые одновременно являются объектами класса линий (о полиреферентности многих имен телесных объектов см. §6 гл. I). Черты лица представляют собой совокупность разных телесных объектов, таких как линия щек, линия бровей, очертания губ, надбровные дуги и др. Многие из этих объектов часто объединяются под названием *линии на лице*, ср. предложение (119) *О чем говорят линии на лице избранника?* (сайт «Физиогномика лица человека»).

Черты лица, как и само лицо, могут быть *крупными* или *мелкими*, но не *\*большими* и не *\*маленькими*. Неправильность сочетаний *\*большие черты лица* и *\*маленькие черты лица* можно объяснить тем, что черты лица – это и части лица, и линии, а о соматических объектах из класса линий обычно не говорят как о *больших* или *маленьких*. Их размер описывают, используя, наряду с прилагательными *крупные* и *мелкие*, также прилагательное *тонкие*, ср. предложение (120) *Правильные тонкие черты лица, темные раскосые глаза; посадка головы гордая, крепкая* (А. Лехмус. Солдат – везде солдат // Вокруг света. 1984). Интересно, что сочетание *толстые черты лица* не используется: в НКРЯ мы находим только один пример, а именно (121) *Крупный, высокого роста мужчина лет 60, крупные, но не толстые черты лица мужского покроя* (А. Твардовский. Рабочие тетради шестидесятих годов).

<sup>101</sup> Об этих сочетаниях см. (Добринина 1987).

<sup>102</sup> О неравноправии полюсов на шкале размера писал более 50 лет назад Вяч. Вс. Иванов в статье (Иванов 1972, 50–91).

<sup>103</sup> О классе «кости» см. раздел 4.3.18, а также §7 гл. III, посвященный семиотической концептуализации костей.

Такие характеристики размера, как *крупные* и *мелкие*, *толстые* и *тонкие*, применимы не только к соматическим объектам из классов «части тела» и «части частей тела», но и к объектам из класса «линии». Сочетание *крупное лицо*, как мы говорили, – это лицо большого размера (характеристика размера) и потому занимающее большое пространство (структурная, пространственная характеристика лица). Между тем сочетание *крупные черты лица* – это обозначение лица, на котором линии достаточно ясно выделены и расположены относительно далеко друг от друга. Иными словами, сочетание *крупное лицо* не синонимично сочетанию *крупные черты лица*.

Всем известные части тела равноправны в том смысле, что к ним применимы одни и те же признаки. Так, голова, живот, руки, ноги и другие части тела характеризуются размером, формой, функциями и т. д. Что же касается частей частей тела, в том числе частей лица, то ситуация с их характеристиками более сложная. Основные части лица, такие как *нос*, *глаза*, *губы*, *подбородок* и др., обладают теми же признаками, что и само лицо.

Различие между частями тела, такими как голова, и частями частей тела, такими как лицо, отражается наряду с прочим и в способах передачи размера. Рассмотрим, как ведет себя признак «размер» применительно к части тела, и сделаем это на примере признака «размер головы».

Любое значение этого признака не только является именем некоторой точки на шкале размеров, но и сопоставляет размер характеризуемой части тела (в нашем случае – головы) с размерами других его (ее) частей. Иными словами, сочетание *большая голова* <Пети> имеет два значения: либо (А) ‘голова Пети имеет величину больше нормы <размеров голов у разных людей>’, либо (Б) ‘размер головы Пети в сопоставлении с размерами других частей его тела больше, чем нормальные размеры головы у человека в сопоставлении с размерами других частей его тела’. Таким образом, сочетание *большая голова* имеет два круга употреблений. С одной стороны, оно описывает голову «великана» или человека большого роста, у которого все части тела, а не только голова, большие. С другой стороны, оно может относиться и к человеку маленькому, небольшому, но у которого голова выделяется на фоне всех остальных частей его тела или самого тела, ср. такие выражения, как *большая голова маленького Мука* или *большая голова у Чиполлино* – в этих выражениях размер головы субъекта сопоставляется с размером его тела<sup>104</sup>.

Что касается сочетания *большое лицо*, оно встречается нечасто. По размеру лица людей вообще сравниваются редко: если фраза *Его голова даже больше головы отца* нормальна, то фраза *?Его лицо даже больше лица отца* представляется нам сомнительной.

#### 4.3.5. Размер лба

Слово *лоб*, подобно некоторым другим именам частей лица, обозначает и часть лица (то есть часть части тела), и (как правило, в научном тексте) определенную кость, ср. *лоб* в значении ‘лобная кость’. Иными словами, это слово обладает двойной референтностью. Между тем на характеристике размера лба такая двойственность не сказывается. Сделанное утверждение не является универсальным по отношению ко всем частям лица – для некоторых других его частей оно неверно (см. ниже замечание о размерах губ, ноздрей и ряда других телесных объектов).

Языковые выражения абсолютных характеристик размера лба – это обычные сочетания *большой лоб* и *маленький лоб*. Значения /большой лоб/ и /маленький лоб/ при этом являются культурно выделенными, поскольку в русской культуре бытует представление, что большой лоб соответствует большому уму, а маленький – маленькому. Об этом свидетельствуют, в частно-

<sup>104</sup> То же самое верно и относительно тех частей частей тела, которые входят в однородный ряд с другими частями частей тела. Например, аналогичные два круга употреблений есть у выражений *большой нос*, *маленькие глазки*, *миниатюрные губы*.

сти, такие паремии со словом *лоб*, как *Лоб что лопата, а ума небогато* или *Семи пядей во лбу, а пороха не выдумает*.

Само слово *лоб* может обозначать мужчину, в частности быть его кличкой, характеризуя человека крупного, больших размеров, но при этом обычно не очень умного, ср. (122) *Наблюдавший за дракой блатной по кличке Лоб так врезал некстати вмешавшемуся в потасовку взрослому парню, что тот <...> завопил на всю округу* (В. Виджай. Жить за двоих). Сочетание *большой лоб*, упомянутое в словарной статье синонимического ряда БОЛЬШОЙ, КРУПНЫЙ (НОСС 2004, 51–53; автор статьи Е. В. Урысон), противопоставляется сочетанию *крупный лоб* как вполне употребительное очень малоупотребительному.

Что касается относительного размера лба и способов его языкового выражения, то тут особенно важно отметить связь формы и размера лба. А именно лоб как часть лица мыслится как объект прямоугольной формы, у которого ширина превосходит длину (впрочем, о некоторых людях говорят, что у них *квадратный лоб*). Отсюда понятно, почему сочетание *широкий лоб* встречается на порядок чаще, чем сочетание *длинный лоб* (по данным Национального корпуса русского языка, соотносительная частота 134 vs. 1 (!) сочетание<sup>105</sup>).

Есть в русском языке и такие сложные прилагательные, как *широколобый* и *узколобый*. Последнее является семантически выделенным языковым обозначением относительного размера лба. Его семантическая выделенность объясняется тем, что оно характеризует, помимо размера, человека ограниченного, недалекого, не отличающегося широтой интересов, см. предложение (123) *Ограниченный, узколобый, придирчивый до мелочности, он держал семью в вечном страхе и этим снискал себе глубокую неприязнь детей и глубокую ненависть жены* (Н. Островский. Как закалялась сталь). Семантическая сфера действия прилагательного *узколобый* может не совпадать с синтаксической. Такая ситуация имеет место в примере (124) *А я лежу с открытыми глазами на средних нарах, и в голову мне приходят самые еретические мысли о том, как условна грань между высокой принципиальностью и узколобой нетерпимостью* (Е. Гинзбург. Крутой маршрут). Действительно, будучи определением к слову *нетерпимость*, прилагательное *узколобый* семантически характеризует человека, обладающего данным свойством.

Языковые обозначения размера лба интересны еще и тем, что прилагательные *узкий* и *низкий*, относящиеся в норме к разным измерениям (ширине vs. высоте), в применении ко лбу квазисинонимичны. Оба прилагательных характеризуют размер, но профилируют при этом разные смысловые аспекты: *узкий лоб* обозначает преобладание длины над шириной, а *низкий лоб* – нависание лба над глазами, так сказать, выделенное положение вдоль вертикальной оси. Квазисинонимия рассматриваемых прилагательных показывает, что слово *узкий* здесь характеризует размер лба через отнесение лба к топологическому типу «прямоугольник», а слово *низкий* – через взаимное положение лба и глаз в пространстве (вертикальное).

#### **Замечание (О геометрическом образе соматических объектов)**

Как мы видим, геометрический образ соматического объекта важен для описания не только его формы, но и размера. Образ лба – это, как мы говорили, прямоугольник, образ головы – это сфера или объемный овал, а лица – круг или плоский овал. Образ глаз – это круг или овал, образ позвоночника – прямая или отрезок, а образом рук или ног являются отрезки, впрочем, точнее, лучи, поскольку они мыслятся как части прямой, закрепленные с одной стороны. Образом объектов типа «линии» служат прямые (отрезки) или кривые. По сути дела, геометрический образ объекта – это то, что Р. Лангакер называет **топологическим типом объекта** (о понятии «топологический тип» см. подробнее (Langacker 1987; Рахилина

<sup>105</sup> Статистика по данным на июнь 2017 года, омонимия не снята.

1995)). Как мы только что видели, существует связь между геометрическими представлениями о формах объектов и их размерах.

У прямоугольника есть два измерения, однако то, как они называются, зависит от расположения прямоугольника. Если прямоугольник расположен в вертикальной плоскости, говорят о его высоте и ширине, а если в горизонтальной – то о длине и ширине. Например, мы говорим о *широких плечах*, но о *длине спины* (плечи и спина мыслятся как прямоугольники, растянутые соответственно в горизонтальном и вертикальном направлениях). Относительный размер лба, который имеет образ прямоугольника, растянутого по горизонтальной оси, выражается при помощи сочетаний *широкий лоб* или *узкий лоб*. Более необычной, хотя и более частотной является характеристика размера лба по высоте (по данным подкорпуса Национального корпуса русского языка со снятой омонимией, сочетание *высокий лоб* встречается 365 раз, а *широкий лоб* – 114 раз)<sup>106</sup>. В примерах можно встретить обозначения размера лба сразу по двум пространственным осям, ср. предложение (125) *Низкий широкий лоб, глубоко заправшие большие глаза, черные прямые волосы до плеч* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Жук в муравейнике) и (126) *Теперь увиделось, какой у него длинный и узкий лоб, как чиста и румяна кожа лица и какие странные губы – квадратные* (В. Липатов. Деревенский детектив).

#### 4.3.6. Размер бровей и глаз

В этом разделе речь пойдет одновременно и о размере бровей, и о размере глаз – вопреки тому, что русский язык противопоставляет глаза бровям, ср. хотя бы выражение *не в бровь, а в глаз*. Однако со времени появления знаменитой книги основателя науки о жестах, американского ученого Р. Бирдвистела «Кинесика и контекст» (Birdwhistell 1970), в которой было описано большинство эмблематических жестов англосаксонской культуры, относящихся к лицу и к частям лица, в невербальной семиотике жесты бровей и жесты глаз принято рассматривать вместе.

Слово *бровь*, согласно толкованиям, содержащимся в русских толковых словарях (Евгеньева 1999; Ожегов, Шведова 1999; Ушаков 2000), означает ‘дугообразную полоску волос над глазами’. Уточненное толкование этого слова дано в I томе «Активного словаря русского языка» (АСРЯ 2014, 355). На вход подается форма *брови*, которая толкуется как ‘две дугообразные полоски, состоящие из коротких, обычно прилегающих друг к другу и к коже волосков, симметрично расположенные внизу лба над глазами человека’.

Полоски бровей относительно небольшого размера; они бывают широкими или узкими, о чем говорят выражения *широкие брови* и *узкие брови*. С признаком «размер бровей» тесно связаны признаки «количество волос <в бровях>» и «густота волос <в бровях>», ср. *толстые брови*, *тонкие брови* и *густые брови*, *редкие брови*. Эти признаки характеризуют внешний вид человека.

Выражения абсолютного размера бровей, такие как *большие брови* и *маленькие брови*, очень редки (по данным НКРЯ, соответственно три вхождения и одно вхождение), зато широко отмечается густота бровей, ср. сочетания *густые*, *лохматые*, *мохнатые*, *тонкие брови*.

**Замечание** (О связи размера с эстетическими свойствами бровей и, шире, лица человека)

В целом ряде культур, включая русскую, считается, что иметь большие и густые брови некрасиво, а потому, чтобы уменьшить размер бровей, сделав их более *тонкими* и *четко очерченными*, их *стригут* или *выщипывают*. Прежде всего это относится к женщинам.

Теперь о размере глаз.

<sup>106</sup> Данные на февраль 2017 года по корпусу с неснятой омонимией.

Сочетание *большие глаза*, выражающее абсолютный размер глаз, обозначает постоянную характеристику глаз и указывает на величину глазного отверстия, или, иначе, разреза глаз. Кроме того, выражение *большие глаза* может описывать глаза, размер которых по какой-то причине увеличился, то есть стал больше, чем был в обычной ситуации. Иногда размер зрачков искусственно увеличивают (*расширяют зрачки*), в результате чего глаза кажутся большего размера. Так, обычно расширяют зрачки врачи-окулисты, чтобы было проще измерить у пациента глазное давление. Увеличивают зрачки и в эстетических целях. Например, женщины раньше специально капали в глаза белладонну, чтобы сделать глаза большими, более красивыми и выразительными (см. об этом (Крейдлин 2002, 410)).

Когда люди внезапно слышат или видят что-то неожиданное, у них *поднимаются брови*, и создается впечатление, что увеличился размер глаз. Мы имеем в виду симптоматическое употребление жестов **сделать большие глаза** и **захлопать глазами** (о последнем жесте см. в (СЯРЖ 2001, 56–58)). Помимо симптоматического употребления, жест **сделать большие глаза** имеет другое, коммуникативное употребление. В этом случае человек осознанно поднимает брови и широко раскрывает глаза; этими движениями как бы увеличивается размер глаз. Назначение такого жеста – показать, что его исполнитель удивлен увиденным, услышанным или воспринятым как-то иначе, например тактильно.

В русской культуре такое обозначение абсолютного размера глаз взрослого человека, как *маленькие глаза*, оценивается негативно. Это связано с тем, что глаза выполняют важную эстетическую функцию: большие (но не выпученные!) глаза считаются красивыми, а маленькие – некрасивыми. Не случайно существует также словосочетание *свиньиные глазки*, имеющее значение ‘особые маленькие глаза, напоминающие глаза свиньи и потому отрицательно оцениваемые’. Этим сочетанием тоже описываются глаза взрослого человека; к детям оно не применяется.

#### **Замечание** (Об абсолютном размере глаз у детей)

У детей абсолютный размер глаз выражается иначе, чем у взрослых. Так, детские маленькие глаза называют ласково *глазенки* или *глазки*. Абсолютный размер детских глаз тесно связан с их формой. Так, маленькие круглые глаза у детей, формой и цветом напоминающие вишню, получили название *глазки-вишенки*, а малый размер и круглая форма глаз у детей независимо от их цвета обозначаются словосочетанием *глазки-бусинки*. При этом маленький размер детских глаз, в отличие от глаз взрослых, не имеет негативной оценки.

Теперь остановимся на относительном размере глаз. Обозначения малого размера, такие как *узкие глаза* (ср. неправильное *\*широкие глаза!*), *косые глаза* и *раскосые глаза*, все являются культурно выделенными, поскольку могут указывать на национальную или этническую принадлежность их обладателя. *Косые* и *раскосые глаза* следует отличать от *косоглазия* – названия болезни глаз. Иными словами, *иметь косые* или *иметь раскосые глаза* – не то же самое, что *быть косоглазым*.

Особый статус в русском языке приобрели обозначения размеров глаз, изменившихся под действием каких-то факторов или для каких-то целей. Так, можно *сузить глаза*, чтобы пристальнее рассмотреть некоторый объект или человека, – часто такое действие называют *прищурить* или *сощурить глаза*. Осуществляя это действие, человек фокусирует все внимание на данном объекте или человеке. Сощуривший глаза человек часто выполняет это действие осознанно, выражая заинтересованность объектом или адресатом, возможно, желая смутить адресата или вызвать его ответный взгляд. Иными словами, данное действие, связанное с изменением размера глаз, решает определенные коммуникативные задачи и является знаковым.

Таким образом, мы можем ввести еще одно важное понятие, дополняющее понятия семантической и культурной выделенности значения признака, а именно понятие **коммуни-**

**кативной выделенности.** Понятие коммуникативной выделенности <значения данного признака соматического объекта> заслуживает, на наш взгляд, отдельного обсуждения, которое мы оставляем (ввиду неразработанности данного понятия) за рамками монографии. Единственное, на что мы хотим здесь обратить внимание, – это на типологически важное различие двух видов коммуникативной выделенности: **актуальной** (то есть выделенности значения данного признака в данной ситуации) и **постоянной** (то есть выделенности значения во всех коммуникативных ситуациях).

Это различие очень похоже на противопоставление актуального состояния объекта и его свойства. Выражение *прищурить глаза* обозначает актуальное состояние человека и является показателем актуальной коммуникативной выделенности признака «размер глаз», ср. предложение (127) *Он <...> почти свирепо кивнул мне головой, отодвинулся, прищурил глаза и снова накинцлся на свою картину* (И. Тургенев. Ася), а выражение *взгляд с прищуром* по своей природе двойственно. Оно, как и *прищурить глаза*, обычно передает актуальное состояние человека, ср. предложение (128) *Затем, как-то жеманно, с прищуром поведя своим черным безрадостным глазом, заговорила игриво* (Ф. Абрамов. Деревянные кони). Но есть и редкие примеры, свидетельствующие о том, что прищур глаз может быть постоянным свойством человека, ср. предложение (129) *Вы – <...> интеллектуалы с прищуром умных и добрых глаз, с упитанными белыми телами* (О. Гладов. Любовь стратегического назначения). Иными словами, в (127)–(128) конкретный размер глаз, а именно глаза более узкие по сравнению с нормой, является актуально коммуникативно выделенным значением признака размера, а в (129) взгляд с прищуром – это постоянное свойство человека, и соответствующее значение размера является постоянно коммуникативно выделенным значением. Актуальное коммуникативно выделенное значение признака «размер соматического объекта» связано, таким образом, с изменением размера, тогда как постоянное коммуникативно выделенное значение того же признака связано с самим размером.

Нередко в текстах вместо обозначения изменения размера глаз фиксируется результат такого изменения, например, говорят и *расширенные глаза*, и *суженные глаза*. Между тем сочетание *расширить глаза* в бытовой, то есть в немедицинской, коммуникации не используется, а сочетание *сузить глаза* используется. *Расширенные глаза* – это ‘глаза, ставшие широкими в результате определенного изменения их размера’, однако референциально соответствующего ему выражения *широкие глаза* в русском языке нет.

Иная ситуация, чем с размером глаз, имеет место с размерами ряда других телесных объектов, например с размером такого объекта, как рот. Сочетания *раскрытый рот* и *расширенные глаза* обозначают результаты изменения размера рта и глаз. А для передачи большого размера рта используются сочетание *широкий рот*, которое, в отличие от мало используемого в бытовой речи сочетания *широкие глаза*, употребляется в ней с достаточно высокой частотой.

#### 4.3.7. Размер носа

*Большой нос* – это типовое обозначение абсолютного размера носа. Близкие ему по смыслу единицы, такие как выражение *еврейский нос* или слово *инобель*, помимо обозначения большого или крупного носа, указывают на национальность его обладателя, то есть эти единицы обозначают культурно выделенные значения абсолютного размера носа<sup>107</sup>.

Что касается относительного размера, то его стандартные выражения – это *длинный нос* и *короткий нос*. *Длинный нос* вытянут вперед, вверх или вниз, но не в ширину (длинным представляется нам, например, *нос Буратино*). Для обозначения короткого носа языковых средств в русском языке меньше, чем для обозначения длинного носа. Если не учитывать индивидуальные авторские обозначения, то имеется ровно одно такое сочетание – *короткий нос*

<sup>107</sup> О носе и языковых способах выражения его разных характеристик см. (Iordanskaja, Mel'čuk 1997; Иорданская, Мельчук 2007).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.